

СИБИРСКОЕ
НОВОЕ ВРЕМЯ

Санкт-Петербург

Я НЕВИННОСТЬ ПОТЕРЯЛ В БОРДЕЛЕ

Эротические стихи

Москва
"КОЛОКОЛ-ПРЕСС"
1998

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44
А 21

ISBN 5-7117-0206-8

© Составление Ахметова Т. В., 1998
© Оформление Капельников Д. Н. 1998

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ

АВТОПОРТРЕТ

Чистою росою умывалась
И вино заморское пила.
Никому я в жизни не досталась.
Вот стою в чем мама родила.

А она большая мастерица...
Подарив божественную стать,
Перелетной улетела птицей
Да туда, где век не отыскать.

Полстраны сама исколесила,
Никого на свете не виня.
Не одни лишь ветры по России
Целовали вольную меня.

Молоко и мед под этой кожей.
Если жажда — можете испить!
Есть, конечно, чище и моложе,
Но стройнее вряд ли могут быть.

Потому, одетая в туманы,
Я встречаю вешнюю зарю.
У любви не может быть обмана...
Всю себя по каплям раздарю.

РУЧЕЕЧЕК ВЫСОХ – РЕЧЕНЬКА ПОЛНА...

Худо будет после.
После?.. Ну и пусть!
Ты ко мне прижмешься,
Я к тебе прижмусь.

Опустись к исподу,
Губоньки мне смажь..
Но, а ты, как в воду,
Входишь сразу в раж.

Словно на ухабах,
Груди растрепал.
Ручеек слабый
К реченьке припал.

Лыжи навострю я
От тебя малыш,
Что навар в кострюле,
Если мяса сшиш?!

Поднималась выше
За волной волна.
Ручеек высох.
Реченька полна.

ОЧЕНЬ Я ЛЮБИЛА ГОВОРОК БЛАТНОЙ

По фене ботала Маруха
Заложивши член за ухо.

песни моего детства.

То, что было — было,
Не разлить водой.
Очень я любила
Говорок блатной.

Ты по фене ботал,
Я — с открытым ртом.
Срок ты заработал
Только лишь потом.

Ты давил чуть пьяный
Ночи на краю
Мой сосочек рдяный,
Вишенку мою.

— Подмахни, профура! —
Все хрипел мне в грудь.
Я рукой махнула.
Как не подмахнуть!

— Подмахни кормою!
Мол, я Вас монал.
И держал рукою
Свой корданный вал.

Не осилил пыла,
Язычком свербя...
Как же я любила
Пидора, тебя!

В ЗАЩИТУ РОЖДАЕМОСТИ

Снежочек таял еле-еле.
Уже огней зажегся клин.
А я опять стою при деле
Среди асфальтовых стремнин.

Закат пожаром озарился.
Уже огнями полон дом...
В холодной луже пузырился
У ног заплеванный гондон.

Он теребил на совесть клитор.
Нырял в пещеру головой.
Теперь лежит соплей прибитый
Страдалец жизни половой.

Какие в нем кричали гены!
Какие страсти пронеслись!
Быть может здесь печальный **гений**
Лежит безгласен и нечист.

Пусть говорят — я баба-стерва
Пускай неправеден мой путь.
На алтаре моей Венеры
Пускай опять меня распнут.

Но я сегодня в час прилива,
Хлебнувши воздуха глоток,
Скажу: «Не тронь презерватива!
Он не капроновый чулок».

Я ОТДАЛАСЬ ТОГДА УНЫНЬЮ...

Я отдалась тогда унынью,
Когда супруга разлюбя,
Моя подруга
Дынью, дынью,
Все дынью тешила себя.

— Возьми банан, — я говорила. —
Он, хоть не нашенских кровей,
Я все равно его любила,
И ты, пожалуйста, проверь.

С горбинкой он, тот фрукт заморский..
Подруга мне и говорит:
— Что он — для скважины заочной,
И только мышь расшевелит.

— Возьми огурчик из авоськи,
С российских, нашенских полей.
Он ничего. Он парень свойский.
Возьми, подруженька, проверь.

Он вырастал на черноземах,
От солнца прятался под лист,
Знать потому такой зеленый,
И тверд на ощупь, и бугрист.

Иль кабачок по кличке «Ролик».
Он тоже овош, и неплох.
Не то, что муж твой, алкоголик,
Что только писал промеж ног.

Тогда подруженька сказала,
Что ей понятен мой совет,
Да, только дыня та — с базара,
Потом сгодится на десерт.

ЗА КОЛХОЗНОЙ БАНЕЙ

О миражах говорил половой
истекая истомою

С Есенин

За колхозной стылой баней
Я сидела с милым Ваней
Пригорюнившись.

Просвещал меня о Марсе,
А потом о Карле Марксе
И о Ленине чуть-чуть.

О полезности навоза
И о нужности колхоза.
Говорил, что коммунизм,
Это, вроде, как нудизм,
Или вот, как люди в бане,
Где все голы, но равны.

Целый вечер мой Иван
Пятилетний строил план.

Говорю я раздолбаю:
«Я с тобою кайф не маю!»

И в штанах его мошонку,
Как пугливого мышонка,
Все пыталась прищемить.

Но у этого дебила
Я бы яйца раздолбила,
Если был бы молоток.

В ПОЛЕ У МЕЖИ

Я ~~сладко~~ болен
вспоминаньем детства.

С. Есенин

Водяная мельница,
За рекой хлеба.
Что-то мне не верится,
Что прошли года.

Что прошли хорошие
Босиком по ржи,
Там, где мы с Алешею
Лежали у межи.

Я его учила,
Как меня любить.
Между ног дробила
Сладостную прыть.

Он вокруг да около
Щекотал испод.
Наливался соком
Мой запретный плод.

Язычком играя,
Тер о шерстку нос.
Я была нагая.
С голой что ли спрос?!

Доводил до колик
Язычок срамной...
«Хочешь пей, соколик
Хочешь — ложки мой!»

ДОЦЕНТ

Я хочу, а он не хочет...
На кого-то ножик точит,
И глядит, как старый кочет
На мигающий экран.

Телевизор для дебила,
Как для конюха кобыла,
Иль, как молот для зубила,
Как для пьяницы стакан.

Он доцентом был в законе,
А теперь, как вор в загоне,
Держит ножик на ладони —
Всех зарезать бы горазд!

Что дипломы и патенты?
Импотент на импотенте!
Были б денежки в конверте
Будь хоть трижды педераст.

Вот его тоска и гложит.
Только зря он точит ножик —
Рэкетиром быть не сможет.
Ну, какой он рэкетир!

От зарплаты до зарплаты
Тратил деньги скучовато,
И скандировал без мата
Этот лозунг — Миру-мир!

Я его не приневолю.
Позову-ка дядю Колю
Пусть его возьмет он в долю —
Будет тоже златарем.

Я скажу: «Не лезь из кожи.
Дай мне в руки этот ножик.
Из тебя мужик такой же,
Как и пуля из говна».

В КАБАКЕ

Здесь, у пьяного колодца,
Не напиться — будет жаль,
Жду пока он разожмется
Нерв, закрученный в спираль.

Секс — приманка для девчонок,
Как узечка для коня.
Есть на свете кот ученый,
Только он не для меня.

Безучастен и беззвучен
В уголке стоит рояль...
Отпусти меня, не мучай,
Нерв, закрученный в спираль.

Я не плачу, не ревную
И не бьюсь в стекло пока,
Вместо милого целую
В губы тонкие бокал.

Как пойдет оно по жилам
Лучезарное вино!
Мы живем, пока мы живы,
Хоть опущены на дно.

В АПРЕЛЬСКОЕ НЕНАСТЬЕ

Весь день торчит в оконной раме
Страна, погрязшая в деръме.
А я, волчицею в капкане,
Сижу с собой наедине.

На торг вчерашний опоздала,
И вот — без денег и вина...
Хозяин тот, кто правит балом,
А балом правит Сатана.

Скрипит апрель калиткой ржавой.
Ручьи пускаются в бега.
Чиновный люд — венец державы
Дележкой занят пирога.

И стонет Русь от их всевластья,
Как жизнь у смерти в кулаке.
Они опять куют нам «счастье»
Уже без молота в руке.

Сия картина не в новинку.
Поставлю прошлому свечу.
Взобью пуховую перинку,
Диск телефонный раскручу.

Ворвешься ты, как летний ливень,
Да в суходольные луга...
Клин вышибают только клином —
С тобой не буду я строга.

ИГРА С ОГНЕМ — МУЖСКОЕ ДЕЛО

И ясным днем, и утром ранним,
И в час разбуженных страстей
Во мне горит огонь желаний,
И я сгораю в том костре.

Чего пугаешься, мальчишка,
Уставясь молча на пожар?
А ну, подбrosь, подбrosь дровишек,
Мой недогадливый школьяр.

В костре сгорает и осина...
Но люди правду говорят:
Как не крути — без керосина
Дрова сырье не горят.

Я с белых плеч сниму обнову
Я распущу свою косу.
К твоим губам вина шального,
Сластена юный, поднесу.

Ты моего дотронься тела,
В нем Ад и Рай, в нем Ад и Рай.
Играть с огнем — мужское дело.
Играй же, мальчик мой...
Играй!

ЛУННАЯ РАПСОДИЯ

Смешав комедию и драму,
Забыв про «баюшки-баю!»,
Лукавый месяц выбрал раму,
Влезая в комнату мою.

Звезда рыбешкой в омут канет.
Оконный высветит проем:
Вино, налитое в стакане,
Меня, налитую вином.

В саду гуляет бабье лето.
Под кожей бродит пьяный сок..
Желанье есть. Мужчины нету.
Истома женщину сосет.

Высокий свет такой нездешний
Передо мною встал стоймя.
С плечей крутых сорву поспешно
Заман из тонкого белья.

По этим белым, по наливам
И по соскам моим тугим
Пройдется пальчиком игравым
Веселый месяц пьяный в дым.

Я ложе сна ему раскрою,
Всосу губами лунный мед.
И месяц бешеной струею
В меня любовь свою прольет.

ПРОТИВОРЕЧИЕ

Мне снился сад. Я в рай попала,
Где есть огонь, но нет жары,
Летают пчелы, но без жала,
И не кусают комары.

С овечкой волк идет бок о бок.
И я нагая к ним иду.
Над головою белый облак.
И золотой карась в пруду.

На ветках спелые наливы.
И красотища! Нету слов.
Там лани вовсе не пугливы,
И крокодилы без зубов.

А наспротив — мужчины кучкой.
Всяк обнимает жен чужих,
И пьют вино из емкой кружки.
Зеленый змий слуга при них.

По мне бы — ад, там хоть и дымно,
Но ты получишь все сполна.
А здесь и женщины без дырок,
И кружка тоже безо дна.

ЗАВИСТЬ

У знакомого, у дяди
Бабы все — сплошные бляди.

Я вопрос тот аморальный
Подняла путём оральным.

«Э-э! — потрогала губой, —
Ты, товарищ, голубой.

Ну, а мне тот самый цвет,
Как минуту минарет.

Чем от зависти худеть,
Лучше б опыт поиметь.

Те, кто нынче на панели,
Все своей добились цели.

Коль и ты сумеешь дать,
Может тоже будешь блядь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пора бы мне и наебаться.
Пора б ребеночка растить.
Войти в писательское братство —
Тропинку лунную мостить.

Играет шут на балалаечке,
и несуразное поет,
А я гляшу в короткой маечке
На дурака, разинув рот.

Борьбой сыта по горло классовой.
Я не носила партбилет.
Горбатит он, пошивчик массовый,
Мой неподатливый хребет.

Росла я дочкою не маминой.
Советский быт глаза слезил.
И мне в палатах белокаменных
Чиновник палкою грозил.

ГРАФ ЗАГУЛИН

Повествование в стихах о тамбовском помещике Романе Загулине, фамилию которого я носила до совершеннолетия, поменяв ее потом на более пристойную.

Галина К.

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Дворовой девке так заправил,
Что дворник вытащить не мог.

Кажется — А. С. Пушкин

1

В деревне жил наш граф Загулин.
Любил вино он и табак.
И мог всадить любому пулю,
Зане рукою не слабак.

Он дуэлянт и — все тут. Баста!
Сшибал придурков, как с куста.
Громадный член его, как басня,
Переходил из уст в уста.

И он такой гордился славой.
При всем, при том — крутая стать.
А между ног жил змей трехглавый,
Слуга Венеры. Сущий тать.

Имел Загулин псов на псарне.
И жеребцов имел лихих,
И винокурню,
И пекарню,
И душ с полтыщи крепостных.

Его полны амбары жита,
В науках шибко преуспел,

И было так: все шито-крыто,
Когда он девушек имел.

Пошлет, бывало, няню в баню,
Чтоб мрамор паром пропотел.
И пригласит красавца Ваню
Разминку делать перед тем.

Ванюша был, хоть из дворовых,
Но телам бел,
Лицом румян.
Из шелка-бархата обновы,
И
Спозаранку в меру пьян.

— Чего-с изволите, хозяин? —
С вопросом Ваня дверь открыл.
И заиграл в разврат глазами.
И шелк, и бархат приспустил.

У графских ног щенком ласкаясь,
Щекой припавши к сапогу,
Привстал Иван.
И граф, не каясь,
Имел,
Имел,
Имел слугу.

Налив в туфлю Клико шампани,
Ванюше граф подал коктейль.
Рукой Ванюша пошаманил,
И выпил градус без затей.

А граф Загулин, тем не менье,
Ухи откушав с балычком,
Чайком, натешавшись, с вареньем,
Ласкал уж скрипичку смычком.

По-праву руку слушал Ваня.
По-леву — слушал целый двор..
А, как же пар? А, как же бания?
О них особый разговор.

2

Здесь ни свадьба, ни поминки,
Вышибают клином клин.
Сорок девушек в парилке,
А Загулин граф — один.

Долго музыка играет.
Долго сказку говорят.
Девки ноги задирают,
Только щелочки горят.

Где — поболе, где — помене:.
Черно-розовый атлас...
По всему идет именью
С переплясом перепляс.

А за бaney люд шалавый
Хоть не ест, да горько пьет.
Дым стоит. И змей трехглавый
У Загулина встает.

Мылом мылят девки змея.
С ним целуются взасос.
И артачиться не смея,
Задирают змею хвост.

Граф все щелочки потрогал,
До единой обласкал,
Встал на выход у порога,
Да и волю змею дал.

Девки в очередь и — к графу!
Низом стелется парок.

Девки — головы на плаху,
Ну, а жопы — на порог.

А Горыныч-Змей ярится:
То выходит, то нырнет.
Только серою клубится
У него в оскале рот

Девки тешатся — довольны!
Выбор есть на две дыры.
Не желают девки вольной
До преклонной, до поры.

Хорошо под графом девкам!
Дыркам — что? А змей устал.
И охальные припевки
Оскоромили уста.

Поют девки:
«Мой миленок рисовал —
Травушку окашивал.
Все совал, совал, совал.
Все совал не спрашивал.

Как у нашего колодца,
Сики две взялись бороться.
Сика Сику секанула,
Сика ножки протянула.

Я по ягоды ходила,
Между ног напарила.
Под медведя угодила —
Думала под барина.

Я, бывало, в рот совала
Леденцы-конфеточки.
У залеточки сосала
В саду на скамеечке».

А одна из них запела
Посармой, да посармой,
Все про то — про это дело,
Да с припевочкой такой:

«Вырастали в огороде
Травы-разнотравия:
Трава-хуй, трава-блядь,
Трава — еб твою мать».

И из бани девки трусом
По снежку бегут к избе...
Граф Загулин девкам — бусы,
Чарку водочки — себе.

3

Гибнет птица без полета,
А без почвы — корешок.
Холостому жить охота.
Холостому хорошо.

Холостого не осилить,
Он деньжонками сорит.
И никто его не пилит,
И за пьянку не корит.

Все в своей он держит власти.
Сам глашатый и пророк.
Ждут четыре лишь напасти,
Только выйдет за порог.

Шилом море не нагреешь,
Членом душу не спасешь,
Иль подцепишь гонорею,
Или шанкр преобретешь.

Или вошь с лобка прихватишь,
Иль испанский воротник.

А, коль денежки потратишь,
Их обратно возвратит

Управляющий с именья.
Сберет тот час оброк
И на девичье на пенье,
И на банный на парок.

Хоть подставься на дуэли —
Пистолеты в две руки,
Когда бабы надоели,
Надоели мужики.

Пусть противник в сердце метит
Сам сохатый от рогов.
Ты сиротками на свете
Не оставишь никого.

Банкомет игру развязает,
Будет некому пенять,
Коль под туз шестерка ляжет,
Словно девка под коня.

На заклад побиться можно,
Состоянье промотать,
И тогда пойдешь порожний,
Лишь головушкой мотать.

Ну, а если на кровати
Вдруг останешься один,
Будешь сам себе в кровати
Госпожа и господин.

И пойдет игра в постели.
И твои ладони — щелк!
И ладони те при деле.
И в ладони — хорошо.

А задача та простая,
Коль в руке по кулаку...
Надо памятник поставить
Холостому мужику

4

Но судьба, известно, злая.
Граф Загулин помнил, что
У него жена Аглай
Вся кругом, как решето.

Ну, и что? Раз баба в теле
Мягче пуха и пера?
Много дырок навертели
Золотые юнкера.

Я скажу, читатель, честно,
Чтобы воду не толочь,
Была целая невеста,
Генерал-аншефа дочь.

И не в песне спеть про это,
И не в сказке рассказать,
Как стонала до рассвета
В спальне брачная кровать.

А Загулин в энту пору
Был наездником лихим.
Хорошо, когда есть порох,
Чтоб держать его сухим.

Пир гудит. Народ дивится.
Граф Загулин, между тем,
Обработал царь-девицу,
Даже волос не вспотел.

Любит сказ, чтоб чин ~~что~~ чину.
Сам носи, что сам пошил..

Я скажу одну причину,
Почему аншеф спешил.

Выдать дочь — благое дело!
У Аглаи сок потек,
Потому, как переспела,
И слаба на передок.

Одержал наш граф победу,
Даже волос не вспотел..
Здесь бы надобно поведать,
Все, что было перед тем.

Генерал-аншеф корнета
Сам приблизил, видя прыть,
Чтоб корнет тот смог за это
Дочь Аглаю полюбить.

Что кружить судьбе без толку?
Надо дать и передых.
И в высокую светелку
Спроводили молодых.

Дверь заперли на щеколду,
Доверяясь бояку.
Генерал припал щекою
Сам к дверному косяку,

Чтоб все было честь по чести,
Чтоб все было на слуху.
А перинки у невесты
На лебяжьем на пуху.

В звездном блеске эполеты,
В голове похмельный гуд,
Но корнеты, не поэты,
Свою честь не берегут.

Он, корнет, невзвидя солнца,
Думу думал, как тут быть:
Или вышибить оконце,
Или целку проломить?

Страх корнету печень выел.
Не залечь ему на дно.
Он нырнул, надвинув кивер,
Прямо в венское окно.

Не догнать корнета пуле...
В щекотливый тот момент
Подвернулся граф Загулин,
Показал свой инструмент.

И заскреб аншевф в затылке.
И Аглай заскребла.
Похотливым взглядом пылким
Змея графова прожгла.

Обольщенный дамской славой,
Этот баловень судьбы.
Он взъярился, змей трехглавый,
И поднялся на дыбы.

Генерал, набравши духу,
Графу денег предложил,
А к деньгам в придачу руку
Царь-девицу вложил.

Граф, намедни, банк метая,
Промотал казну не в срок,
Потому жену Аглаю
Выбрал он, а не острог.

Может, лучше было б пулью
В лоб пустить себе, сам-друг.
Был повесою Загулин,
А теперь, прости, супруг

Граф головушку повесил.
Ссыт Аглай в потолок.
Пролетел медовый месяц,
Граф в имение утек.

5

«Крови нет — моча не греет» —
Говорил мой дед Лука.
Если девка пламенеет,
Значит хочет мужика.

Хороша была запевка,
Да Аглай чуть жива:
И ни баба, и ни девка,
И не мужнина жена.

Обесчестил. Обесславил.
И в деревню укатил.
Растревожил змей трехглавый,
Животину опалил.

Воспылала, восхотела
Пуще прежнего теперь...
А пожар тот, знамо дело,
Не бывает без потерь.

Причепурилась Аглай.
Золотишко натрясла.
Знать судьба ее такая,
Что по кочкам понесла,

По Тверскому по Бульвару,
По Садовому Кольцу,
То купец не по товару,
То товар не по купцу.

Не дадут полушки медной,
Не завалят на кровать..

Вроде девки непотребной
Стала глазками шнырять.

Дочь всесильного вельможи,
В кольцах сдобная рука,
Но меж ног у ней все то же,
Что у Дуньки с кабака.

И под мышками потеет,
Да и щелка без затей.
Может губки посочнее,
Язычочек посрамней.

Понесет Москва, закружит.
Ты, Аглая, не зевай!
Груди выстави наружу,
Да и задом повиляй.

Шла Аглая, грудь навыкат.
Ножка спелая вперед.
Подошел гусар. Стал выкать,
И за талию берет.

Ну, а барышня и рада —
Поцелуй на лету.
Благо Сад Нескучный рядом,
Куст сиреневый в цвету.

Сизый голубь — да к голубке,
Сам крутую кажет стать.
Завернул батист на юбке,
Губки начал щекотать.

И зарделася Аглая
От нескромных от речей.
Только ноженька нагая
У гусара на плече.

Припадал гусар напиться.
Тело барышни, как мед.
И скакала царь-девица,
Только волосы в разлет.

Сник гусар. Ей нету сладу.
Мнет Аглай клевера.
По Нескучному по Саду
Проходили юнкера.

Юнкера — не гимназисты,
И студентов половчей.
Видят — девушка в батисте,
А гусар в параличе.

Сослуживцу помогая,
Сняли ноги с эполет.
И решилась вдруг Аглай
Сделать каждому минет

У кого какая жила...
Но у всех одни права.
По ранжиру встали живо,
Расчехлившись юнкера.

И руками помовая,
Всяк не тонет, а плывет,
Потому, как та Аглай
В губки алые берет.

И подняли крылья птицы,
Соколята, юнкера.
Предложили царь-девице
Перебраться в номера.

Где цена не дорогая.
Кто заплатит, тот и гость...
На постель легла Аглай —
Груди вместе, ножки врозь.

Смоль волос нежнее шелка,
В горсть бери и не зевай!
В волосах алеет щёлка,
Хоть глазищи закрывай.

Юнкера сопят, ныряя,
По душе пришлась игра.
А меж тем лежит Аглай
Не жива и не мертва.

Стал один икать с испугу.
А другой сказал: «Авось!»
И оставили подругу —
Груди врозь и ножки врозь.

Подходил народ ливиться.
Отвернулся — кто скромней.
Видят — барышня томится,
Панталоны не при ней.

И лежит она нагая,
Только задом наперед.
Будет счастлива Аглай,
Как сама в себя придет.

6

Мой сказ дошел до половины.
Читатель строгий на Руси,
Я завязала пуповину,
Да не могу перекусить.

Пусть стих журчит ручью подобный.
Пускай поведает о том,
Как жил-был кучер — член с оглоблю,
Не прикрывался армяком.

Был кучер тот до девок ръяный,
С хорошим именем Косим.

Сам граф Загулин, коли пьяный,
За член здоровывался с ним.

Косим — ни слова, ни пол слова.
Косим у барина в чести.
Мог уложить быка мирского,
Иль членом яблок натрясти.

Бывало, выйдут на подворье,
И с графом меряться начнут.
За животы хваталась дворня,
Свой крепостной забросив труд.

Такого мир не видел блядства.
Под сенью трепетных ракит,
Бывало, девки оголятся,
Чтоб распалились игроки.

И мужики приходят в ужас.
А бабам радостен намек.
Граф змея выпустит наружу,
Косим — оглоблю поперек!

Всегда на равных спор кончался.
Судья от водки чуть живой,
А на суку опять качался
Мужик, пристыженный женой.

Руками плещут девки графу.
Всяк подставляет свой перед.
А граф сорвет с плечей рубаху
Да и Косиму подает.

Опять натопит няня баню,
Чтоб было жарко без порток,
С Косимом граф уважат Ваню,
А девок — это уж потом.

Потом напьются до упора.
День пролетел. Косим и рад,
А графу, что до разговоров?
Был граф известный демократ.

Много тайн наука знает.
Но всесилен парадокс.
Между графом и Аглаей
Связь была без проводов.

Эдисонов и Петровых
Свет еще не произвел.
Нет приборов электронных,
Нет еще радиоволн.

За сохою ходит пахарь,
Еще каша в голове...
Но Загулин только ахнет,
Враз аукнется в Москве.

В Бондарях в разврат играют,
Выпускает граф пары,
И дерет уже Аглая
Ноги выше головы.

Ваня в дверь забарабанит,
Граф Загулин тет-а-тет
Между ног поставит Ваню
На любовный на предмет.

Вслух еще никто не знает,
То, что Ваня голубой,
А в Москве уже Аглая
Завернула хвост трубой.

Девки прыгают в постелью,
Графу змея шевелят,

А жена плывет — поспела,
Брызги в стороны летят.

Граф, бывало, выпьет водки,
Заедая балычком —
У Аглай кашель в глотке,
Кус становится торчком.

И хоть глотка та огромна,
Змею графову под стать,
Ей бы, глотке той, скромны
У гусара поглотать.

Мысли всякие терзают,
И под брюхом непокой...
Я, Галина, тоже знаю
Вкус скроминь такой.

Слаще этого на свете
Не бывает ничего,
Глотка — то же знают дети,
Инструмент не речевой.

На охоту граф поскакет —
У Аглай зуд меж ног.
Юнкеров увидит, значит,
Обивать начнут порог.

Ну, а если станет скучно
Юнкерами володать,
Выручает Сад Нескучный,
До него рукой подать.

Там народ, все больше русский,
Хоть торговый, да не жмот.
Сунут лапища под блузку, —
Как пожаром обожжет!

Так и жили граф о Аглаей,
С телепатом телепат.

Друг о друге точно знают,
Только лишь не говорят.

Но пришла зима, корежа,
Выдирая бычий рог,
Сад Нескучный стал порожним,
У Аглаи пуст порог.

Уж извозчик на полозьях
В рукавицу прячет нос,
И скрипит, скрипит тверезый
Русский батюшка-мороз.

И налево, и направо
Все овчина по бокам.
Разбежался люд шалавый,
И сидит по кабакам.

В Белокаменной зимою
Были девки нипочем.
И легла коса змеею
Через левое плечо.

Ах, ты зимушка лихая!
Лед такой, хоть в кузне куй.
Затужила тут Аглай
По родному муженьку.

— Что ж я дурой непутевой
Коротаю бабий век?!

А на шубке бархат новый,
Воротник — соболий мех.

Глаша, лицико открай-ка!
Будет с мужем — благодать.
Прикажи лихую тройку
Завтра утром запрягать.

Ворон крикнул, пролетая.
Льется солнце на снега.
То ль сугробы наметало,
То ли белые стога.

Полоз ластится к сугробу.
Рукавица руку жмет...
Иль до свадьбы, иль до гроба
Все, конечно, заживет.

Горечь прежняя истлела.
Превратилось все в муку.
Я ведь тоже так летела,
Задыхаясь, к мужику.

У меня охота в теле.
Грудь высокую печет.
Мой миленок сполз с постели —
Только ноги калачом.

Мой родимый! Мой законный!
Что ж ты — рученьки враскид?!

Между ног шнурком ременным
Член обсосанный висит.

Знать, всю силушку укради
Бабы-суки у тебя...
А в постели хнычет краля,
Рыжий волос теребя.

Я за дверь! Замки закрыла.
Мне ль теперь тужить о нем?
Я избенку запалила —
Полыхай любовь огнем!

Ты прости, читатель славный,
Что не та строка легла...

Тройка мчит, и полоз санный
Лижет русские снега.

Вновь зима на белом **свете**,
Солнце стылое висит,
Едет барыня в карете,
Лишь бубенчик голосит.

Зайцы прыгают у прясел,
Видно, спорят — кто **белей**?
Сам ямщик с утра заквасил,
Весь румяный до бровей.

Не по щучьему велению
За мосточком вырос мост.
Едет барыня в именье —
От Москвы полтыщи верст.

Мысли разные роятся:
Что ей делать? Как ей быть?
Ямщику сейчас отаться,
Или с этим погодить?

Отдерет, как отстирает,
Губки сочные у ней.
Неужели ей, Аглае,
Ждать до самых Бондарей?!

Мнет Аглая, пламенея,
На лобке тугую шерсть.
Волчья полость на коленях
Вся горячая, как есть.

И ямщик припал, ласкаясь,
Заиграла страсть в крови.
Зубы белые оскалил,
Сам под полость ту проник.

Он нырнул туда, как в воду,
Он и пьяный — не нахал.
Хоть ямщик — мужик от роду,
И о чести не слыхал.

То, что есть, и то, что было —
Все в дыхании одном.
И карета заходила
На рессорах ходуном.

Едут день, другой и третий —
Зимний день накоротке,
Сама барыня в карете,
Сам ямщик на воздушке.

Как ямщик достанет дышло,
Так нырнет в карету к ней...
Вот и мчались с передышкой
До веселых Бондарей.

9

Ах, село мое степное!
Вспоминай меня и ты...
За рекой бутры стеною,
Как Уральские хребты.

Где ж вы, годы молодые?
Наши парни без усов?
Помню окна я сквозные
Тех фабричных корпусов.

Где Леон, барон французский,
Бондарцами помыкал.
Шаг широкий, галстук узкий,
И безмерный капитал.

Он Загулину приятель.
Не родня, а все же друг.

У него мануфактура.
У Загулина — народ.

Ох, прости меня, читатель,
Потеряла рифму вдруг!

Ничего. Сейчас поправлюсь.
Только брови насурьмлю.
Может быть тебе понравлюсь,
Коли дальше не совру.

Вот и снова солнце светит.
Вот и церковь вдалеке.
Едет барыня в карете,
А ямщик на облучке.

Ямщика морда в сале,
Хоть прикуривай с лица.
Кони вкопанными встали
У загулина крыльца.

Граф красуется с Ванюшой,
Дует в стылую ладонь.
А Косимка на конюшне
Бьет оглоблею ледок.

Из кареты в шубке зимней
Вышла барыня —
Нет сил.

Он, Косим, оглоблей **длинной**
Разум барыне смутил.

Графа барыня целует,
За разлуку не корит.
А Ванюша шаль цветную
Все примерить наровит.

Встал Косим — зипун в заплатах,
Как позор своей страны.

Он, смутясь, оглоблю прятал
В полосатые штаны.

Граф в хоромы вводит гостью.
А в хоромах маята:
Повар бьет бараньей костью
Зазевавшего кота.

Стол накрыт. И — чарки в **воздух!**
Как водилось испокон.
Но раздался чей-то возглас:
«Девки! Девки у окон!»

Облепили девки окна —
Зырят барыню свою.
А у той глаза намокли,
Шепчет барину: «Люблю...»

Пригласили девок в залу.
Всем налили — пей до дна!
А у девок губки алы
То ль с мороза, то ль с вина.

Балалайку взял Ванюша.
А трехрядку взял Косим.
Барин водочки откушал,
Заиграть-сыграть просил.

Граф Аглае змея всунул.
Змей ужалил потроха.
И ударил Ваня в струны.
И Косим раздул меха.

Девок хмель на спевку манит.
Вечер окна заволок.
И от бондарских страданий
Зашатался потолок.

Поют девки:
«Я у барина жила —
Гулюшки да гулюшки.
Пила-ела, что хотела,
А работать хуюшки!

Оп-па! Оп-па!
Жареные раки.
Приходи ко мне домой,
Я живу в бараке.

Загорелась моя рига.
Хуй с ней, с ригою!
Приведи ко мне задрыгу,
Я на ней попрыгаю.

Оп-па! Оп-па!
Жареная щука.
Приходи ко мне домой,
Но сперва пощупай.

Приходи ко мне в полночь,
Будем семечки толочь.
Моя ступа, твой толкач.
Коль, сломается — не плачь.

Оп-па! Оп-па!
Жарина-да-парина.
Заходила ходуном
Барыня на барине».

Вот и звезды появились.
Месяц губы закусил.
Девки наземь повалились,
Девки выбились из сил.

Граф Загулин молвил слово:
«Всем налить по отходной!»

Девки скинули обновы.
Нынче девкам выходной.

10

Пригублю я тоже чарку,
И продолжу свой рассказ,
Девки голые вповалку
Спят — похабство напоказ.

В завиточках блохи ёкачут.
Кот тоскует на полу.
Девки пьяные, а значит,
Не откажут никому.

Жарко. Девки запотели.
Молодые. Самый сок.
Подходи, кто в этом деле
Знает вкус и знает толк.

Камердинер рот раззявили,
Но он ебарь никакой.
Между тем чета хозяев
Удалилась на покой.

До постели друг сердечный
Нес Аглаю на руках.
Постоим и мы со свечкой,
И посмотрим — что и как.

На пуховую перинку,
На дубовую кровать...
Сам ей ноженьки раздвинул,
Приказал Косима звать.

Миг прошел. Косим — уж вот он!
Только скрипнуло крыльцо.

Пахнет кучер конским потом,
Застоялым жеребцом.

И, запутавшись в нарядах,
Заспешил Косим, кружа.
А графиня так и рада,
Только губоньки дрожат.

Взглядом граф его одобрил.
Кучер молвил: «Е-мое!»
И, достав свою оглоблю,
Ввел до самых до краев.

— Не суди, граф, коль угроблю.
Велика твоя цена.
Но Аглаина утроба
Вся, как роза расцвела.

Целовал Косимка груди,
И Аглая стала плыть...
О! Косимка не забудет!
Будет внукам говорить.

Граф курил кальян. Дивился:
«Вот работа на заказ!»
И у графа пробудился
Змей трехглавый — в самый раз!

Только барыня строптива.
Показать охота прыть.
По-французски рот открыла —
Змея хочет проглотить.

С белых ляжек сок закапал,
Да испаринка меж губ...
Только змей не лез нахрапом,
Терся возле и вокруг.

И Аглай змея мучит.
Хочет крикнуть: «Караул!»
Вот и сдался гад ползучий,
Прямо в логово нырнул.

Все увидел. Все подслушал
Ваня — верный их холоп.
Быстро сбежал на конюшню,
Серп и молот приволок.

Нехорошее замыслил:
«Всех изрежу на ремни!»
Ведь холоп всегда завистлив,
Хоть услужлив, но ревнив.

Поплевав в ладони, ахнул
Изо всех холопских сил.
Млатом он ударил графа,
А графине серп вонзил.

Первый был удар удачен.
И второй удар — как раз!
Ване каторгу назначат.
И... кончается мой сказ.

Прежних графов нет в помине.
Их поместья разорят.
Но в почете и поныне
Серп и Молот в Бондарях.

ЭПИЛОГ

Ах, ты Русь, — страна лихая!
Вечный бут и непокой.
Девки плачут, вздыхая,
Над супружеской четой.

Все почистили, помыли,
Среди дворни пересуд.

Кони бешеные в мыле
Весть печальную несут,

До Москвы, столице нашей
От тамбовского села.
И уже с Кремлевских башен
Глухо бьют колокола.

Чем пропасть от рук холуя,
Лучше встать на эшафот...
Генерал-аншеф такую
Весть навряд переживет.

Сам аншеф от слез ослепнет,
Сгинет в ночь — и был таков!
В Бондарях, в фамильном склепе
Схоронили голубков.

Не захватчики-татары,
Добрым чувствам вопреки,
Всю на бревна раскатали
Ту усадьбу мужики.

Сам Косим ушел в запои,
На себе рубаху рвал,
Что, мол, в графские покой
Он с оглоблею нырял.

И, штаны спуская, мерил
Ту оглоблю напоказ.
Но ему народ не верил,
Потешался всякий раз.

Графским змеем Ваня бредил,
Зад вилял из-под полы...
Взяли Ванечку в железо
Да в стальные кандалы.

Взяли Ванечку в железо —
Все браслеты на руках.
Так и сгинул он, болезный,
На свинцовых рудниках.

Революцией крещеный
Русский люд — без дураков!
Ваня трижды отомщенный
Кровью бар и кулаков.

Не поруганный, не клятый
В бронзу звонкую отлит
В Бондарях с рукой поднятой
Ванин памятник стоит.

И у нас народ послушный
Сыпал золото в навоз,
Потому стоит Ванюша —
Коммунист, а не прохвост.

ПОЛОВАЯ ЛЮБОВЬ НА ПОЛУ

Половая любовь на полу —
Отдавался тебе я в пылу.
Ты змеей подо мной извивалась,
Ты классически мне отдавалась.
Упливали мы, как по волнам.
Воды ночи нас тихо ласкали.
Так легко, так светло было нам,
Грудь твою мои губы искали.
Ты шептала:
«Постой, погоди...» —
И плотнее ко мне припадала.
Умирал на твоей я груди —
И все мало мне было, все мало...

1979 г.

СЛАДКАЯ СМЕРТЬ

Эта женщина любит смеяться,
Эта женщина — может гореть.
Этой женщине —
счастье отдаться,
И не грех на такой умереть.
Умереть от разрыва, от взрыва,
Все отбросить,
что ждет впереди.
Смерть такая,
поверьте,
красива:
У любимой
на белой
груди...

1982 г.

ОДНОЙ КРАСОТКЕ

За тобою, как за сукою, —
Свора кобелей.
Развлекайся, тварь: застукаю —
После не жалей!
По дороге течь полоскою,
К ляжкам хвост прижат.
На такси и «блядовозкою»
За тобой спешат.
И везут тебя, сисястую,
В лес, недалеко.
А потом тобою — хвастают:
Брали как легко!
И как ты вертела сракой
Скрючившись дугой:
Отходил один и, крякая,
Подходил другой.
За тобою, как за сукою, —
У всех на виду.
Развлекайся, блядь, застукаю —
И мимо пройду!

1986 г.

* * *

Я потерял невинность в бардаке.
Я вам скажу, поведаю, открою, —
Как я стоял, зажав свой член в руке,
Свой член с блестящей головою.

Она лежала, белая, нагая,
Две ягодинки млели на груди.
Нетерпеливо дергая ногами,
Она шептала тихо: «Ну, иди!

Иди, иди, голубчик мой, не бойся —
А я дрожал от страха и стыда —
Ложись теснее, ближе, успокойся..
Ах, не туда, повыше, не туда!»

Она взяла мой член своей рукою,
Направила и задом повела.
Но я не понял, что это такое —
Мгновенной схватка жаркая была.

И, отвалившись к стенке, задыхаясь,
Не помню, сколько я лежал.
Сдавила горло горечь мне сухая,
Я весь, как лист осиновый, дрожал.

Ну, а она мой член, как бы украдкой,
Дрочить, и мять, и целовать его —
И было так мучительно и сладко,
Но я опять не понял ничего...

1972 г.

* * *

Живот Данай несравненной,
Живот возлюбленной моей,
Прославлю я по всей вселенной,
Оставлю в памяти людей.

И пусть ханжи твердят убого,
Что я — кощунственно пою,
И жены их, лже-недотроги,
Пусть проклянут красу твою.

Пускай шипят пустые речи:
«Похабство!», «Вычурность!», «Разврат!» —
«Красу твою, — я им отвечу, —
Запечатлел в вехах Рембрандт!

И Тициан свободной кистью
Воспел свободу чистых чувств!» —
Так я живу, и так я мыслю:
У древних смелости учусь.

МОНОЛОГ СОВРЕМЕННОЙ «ДЕВСТВЕННИЦЫ»

«Гуляю с парнями, но девственность
берегу для будущего супруга..

Оксана Ю., 17 лет, Омск
Газета «Спид-инфо», №6, 1991 г.

Я — «целка»: я с тобой не лягу,
Нет, мне с тобой не по пути.
Ты дуешь водку, пиво, брагу,
Мне ж — простачка надо найти.
Я — целомудра.
Мне семнадцать,
Но я полна того огня,
Который вынудит отиться
Тому, кто в ЗАГС введет меня.
Да, правда, были увлеченья,
И знаю я, где рот, где зад,
Я знаю все... Ах, те мгновенья,
Боюсь, уж не вернуть назад!
Но берегла я пуще глаза
Пизду: нельзя — мне нужен муж.
А то она была б, как ваза,
И вся заблевана, к тому ж...

СКАЗКА О РАЗБОЙНИЦЕ-ПИЗДЕ И ГОЛОВОХУЕ-БАЛДЕ

По селу бежал Головохуй
С огромно-непомерной головою.
Весь в волосне, как будто бы во мху,
За ним Пиздень летела с кочергою.

Взглянуть на чудо высыпал народ
И, ахая, слону глотали бабы.
А он бежал, во весь горлана рот:
«На передок все бабы слабы!»

И вот Пиздень метнула кочергу,
Горя ночным желанием сраженья —
Головохуй споткнулся на бегу
И растянулся всей длиной саженьей.

Пиздень врага ручищей пизданула
Сдавила горло, крепко обняла.
И, повалившись, ноги протянула,
Потом зачем-то ноги подняла.

И тут такая вспыхнула борьба —
Борьбы такой не видывали сроду:
Под стоны и науськиванья баб
Они катались ночь по огороду.

И слабый пол шептался: «Чья возьмет
В такой завидной и желанной драке?...»
Пиздень сползала

задом

наперед

И стала, словно вкопанная, раком.

Головохуй

в пылу,

в поту,

в жару,

С налету,

с маху,

медленно и тяжко,

Нырнул в огромноротую дыру —

И только ядра шлепнули по ляжкам.

Пизденъ стонала, охая блаженно,

Шатался старый, выцветший плетень..

Что было дальше? —

Вы спросите женщин:

Верх одержала,

кажется,

Пизденъ...

1972 г.

МЫ — НЕ ГРЕШНЫ!

О эти груди белые
И, оробелый, я!..
А ты лежишь, дебелая,
Го-то-ва-я.
О эти губы красные,
И ножки — врозь.
Прекрасная!
Прекрасная! —
Аж по спине мороз...
Ах, сколько было встреч и плеч,
Но — как впервый!
Я на тебя боюсь налечь
Такой горой.
Ты шепчешь: «Нет, я не боюсь,
Как мышь, — копны» —
И я сдаюсь, и отдаюсь:
Мы — не грешны!

1980 г.

ВСЮ НОЧЬ КАЗНИЛ СЕБЯ Я В ДУМАХ

Всю ночь казнил себя я в думах,
Я спрашивал: «По чьей вине
Безумных столько,
Столько умных
До срока сгинуло в вине?..»

Нет, я не против тех застолий,
Издревле славных на Руси:
Коль встретил друга —
Хлебом-солью,
Устал твой друг, что ж, поднеси!

Что ж, поднеси: такая встреча!
С улыбкой,
с песнями,
шутя...

А вон:
скосил у стойки плечи,
Бутылку нянчит,
что дитя.

О, там не кончится глоточком:
Там в рот — воронкою,
до дна.

Потом проснется под лоточком
Больной, зеленый от вина.

А дома,
знаю,
плачут дети
И ждет страдалица — жена:
В платочек тощем,
тощей смете,

Долгам
ПОДВОДИТ СЧЕТ
она.

Долги, долги, им края нету,
Не жизнь — сплошная кутерьма!
И снится, бедной, до рассвета
То гул кабацкий, то —
тюрьма...

1985 г.

ПРИМЕРНАЯ ЖЕНА

(По фольклорным мотивам)

Всю неделю прогуляла,
А милому дела мало.
Ой, кровать моя, кровать,
Как мы будем зимовать?
В понедельник —
Он бездельник! —
Я спала.
А во вторник —
Междудворник —
Так была.
В среду рожь я жала —
Под копной лежала.
В четверг молотила —
Руками водила.
А в пятницу веяла —
Мил дружка лелеяла.
Во субботу мерила —
Запрягала мерина.
В воскресенье продала —
Все до гроша пропила,
Все до гроша пропила —
И хорошею была...
Чем я мужу не жена,
Чем я не хозяйка?
Наливай-ка, муж, вина,
Чарки подавай-ка!
Эх, кровать моя, кровать,
Как грехи нам покрывать?.

ЦЕЛИННОЕ

На целине меня лишили «целины».
Ах, пацаны, ах, суккины сыны —
Не признают своей вины!
Я помню: я была пьяна,
Но не от водки, нет, не от вина:
Их было двое, я — одна.
Была тогда я неумелая.
И так болело между ног,
Когда, задрав мне ляжки белые,
Они втыкали свой клинок!
Ночь напролет, без передышки,
Стонала старая кровать.
О эти яростные вспышки —
И обнимать, и целовать!
И даже на краю могилы,
У бездны черной на краю,
Я так скажу: «Спасибо, милые.
За ночь за первую мою...»

1954—1992 гг.

КОГДА УХОДИТ ЖЕНЩИНА

Когда уходит женщина — не плачь,
И не гонись, и не кричи вдогонку:
На дно души живую боль упрячь,
И отдышишься, и отойди в сторонку.
Пройдут года — ты боль свою забудешь,
Благословив тот давний день и край.
Не проклиной ее,
Не проклиной
И знай:
Насильно мил — не будешь..

* * *

Ты меня никогда не любила:
Ты другого любила во мне.
Оттого и так тягостно было
С глазу на глаз, в пустой тишине.
И немного найдется мгновений,
Волновавших желанием кровь:
Мы порывы ночных откровений
Принимали с тобой за любовь.

1972 г.

* * *

С каким любовным трепетом, с желаньем
Глядел я на тебя издалека.
Ты мне казалась тихой горной ланью,
Сошлись — и стала жизнь моя горька!

* * *

У Наталии гениталии
Хороши.

У Наталии грудь и талия —
От души!

Родилась она — не в Италии:
Здесь, в глухи.

Но знакомиться ты к Наталии —
Не спеши!

1991 г.

ГЛАДИОЛУСЫ

Раздевал тебя,
целовал тебя,
Гладил волосы.
А потом дарил,
смертно по-
лю-
бя,
Гладиолусы.
Гладиолусы... Гладиолусы...
Но теперь на мне —
дымом волосы:
Поутихла страсть
мёд-недельная —
Оказалась ты
блядь панельная.

1991 г.

САМОГОНЧИК: КАП, КАП, КАП...,

Самогончик: кап, кап, кап...

Свет приглушен,
Люблю девок, люблю баб —
Ой, неравнодушен!

Жбанчик полон, глянь: горит —
Адский пламень!

Праздник, праздник до зари!
Член мой тверд, что **камень**.

И упруг твой бугорок.
И соски набухли.

Ну, давай еще разок
Трахнемся на кухне:

Раз бухнем, раз — ухнем...
В дверь стучат:

Атас!

Попухли!..

Самогончик: кап, кап, кап,
И не девок, и не баб:
Воркута —
Этап.

1991 г.

ПРИЗНАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Когда беру твой член я в руки,
К нему губами прикоснусь, —
Как будто заново проснусь,
И вновь — страдания и муки.
Ах, как прекрасен он, блестящий,
Головка — чудо: хоть смотрись.
Он — Бог для женщины, стоящий,
В нём радость, счастье и жизнь!
Боюсь: а вдруг сейчас увянет,
А вдруг сейчас он упадёт,
От ебли в сторону уйдёт
И на пизду совсем не глянет.
Но чтоб такое не случилось, —
Я в рот беру его, дрожа:
Солоновата и свежа,
Сочится влага... Что за милость!
Я весь, до корня, обцелую,
Мне не нужны его толчки.
Иду, иду напрополую!
Движенья твёрдые легки.
И вот — финал: горячей спермой
Упьюсь, до капли, до конца...
О миг последний, миг мой первый! —
Ты выше царского венца...

ПЕСЕНКА

(Под гитару)

Ах ты, водка-идиотка.
Белое вино.
У меня рассохлась глотка —
Я не пил давно.

Извела меня красотка —
Сердцу все равно.
И осталась мне лишь водка —
Горькое вино.

Брошу пить, найду молодку —
Не моя вина...
И уснул, бедняк, от водки —
Смертного вина...

1968 г.

АНАФЕМА ПИЗДЕ

В этой бездне,
    в счастье, в горе,
Сотни, тысячи, рубли! —
Потонули, словно в море,
Словно в море корабли.
Ассигнациями, в пачках,
Или — скромные дары
Не достигли в сладкой качке
Дна
Бездонной сей дыры.

1975 г.

АХ, РАЗДВИНЬ-КА, ДРУГ МОИ, НОЖКИ

Ах, раздвинь-ка, друг мой, ножки:
Штопор — вот он! Пробку прочь!
По нехоженой дорожке
Будем мы ходить всю ночь.
И не спирт, не самогонка —
Пусть шампанское шипит,
Отодвинет страх в сторонку
И разбудит аппетит.

Аппетит! Аппетит! —

В пропасть девочка летит...
Разгорелись ярко щеки,
Грудь напружила соски.
Оба мы — голубооки,
Нет ни горя, ни тоски!
Только слышен вздох твой тяжкий,
Поцелуев влажный звук.
Мне в бока вдавились ляжки,
Сладок плен ослабших рук.

Аппетит! Аппетит! —

В бездну целочка летит...

Декабрь-91 г.

РАССКАЗ ПЕНСИОНЕРА

Сказал профессор:
«Вы найдите позу,
Чтобы не так, одно: лицом к лицу.
Любовь в однообразии, — как проза,
Как тусклый свет — венчальному кольцу.

Избито целовать, простите, в губы,
Избито целовать, простите,
В грудь.
По-старому любить сегодня — грубо:
Уж лучше так, без бабы, как-нибудь!»

И я вскочил,
И поднялась обида —
От ярости как будто бы ослеп.
И крикнул я:
«А, может быть, избито
Ртом воду пить и есть насущный хлеб?!»

1989 г.

ГРИМАСЫ

Псевдообщества гримасы:
Лесбиянки, «педарасы»,
Онанисты с малых лет
И продажных дев минет —
Вот неполный вам букет.
И на всех Гермофродит
Смрадной жопою глядит —
Кто от них нас оградит?..
Не от чувства,
Не от силы
Гнилью лезет из могилы
Эта погань — некрофилы,
Будто выползни, кишат:
«Просвещать» нас всех спешат.
Словно трупные микробы —
Чтоб вы сдохли все в утробе
С породившей вас страны,
Где цари — от Сатаны

1990 г.

УБИВЕЦ ИЛИ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Неказистый паренек
Лежит на берегу,
У него маленький хуёк —
С тсячую ногу.

(Подмосковная частушка)

Не забыть вовек, девчонки:
Страшно, жутко, просто — ой!
До колен мешок-мошонка,
Член с железной головой,
Словно скалка, как полено —
Тож достанет до колена.
Как сказать? Пупка повыше:
Аж под самый... аж под дых,
(Смело хватит на двоих!) —
Тяжко дергается, дышит.
И глядит, как из тулупа,
Из торчащей волосни.
Не войдет в стакан залупа,
Так разбухла... О, нишкни!
Я дрожу: сейчас вонзится,
Вот сейчас войдет в меня.
Спермой брызгает, слезится,
Глазом смотрит на меня,
Красно-бур, как у коня.
По «губам» скользнул, Верзила,
Как принять — понять его?..
Боль ужасная пронзила
И — не помню ничего.
Как очнулась — нет, не помню:
Простынь, кровь, болят «края».
Надо мною — мой, мой «скромный»:
«Ах ты, клюковка моя!»-
Говорит слова и гладит,
И просительно глядит.

Повернул меня
и сзади
Шерудит опять, «Бандит».
Я молчу: к чему рядиться?
Принимай таким, как есть!
Вот прошел по ягодицам,
Снова начал нагло лезть.
Полегоньку, помаленьку...
Сжав рукой меня за грудь,
Он задрал мою коленку —
Ах, девчонки! Ой, умру!..
Но — красив: души не чаю!
Отвечаю, как могу:
Жопой медленно качаю —
Впер «телячую ногу»!
И пошла, пошла работа,
То — впопад, то — невпопад!
Уж в горячих струйках пота
Мой лобок и грудь, и зад.
И — живей, плотней, теснее,
Все: свершилось —
весь вошел!..

Я от радости немею:
Неужели

Я
умею? —

Хорошо, бля, хорошо!..
Он горячим храпом дышит
И целует в завиток,
Стонов он моих не слышит...
Вдруг пронзил какой-то Ток —
Дайте мне воды глоток:
Пересохли грудь и горло,
И во рту дыханье сперло!..
Не забуду это в жизни
И приму, как божий дар:

Он такой струею брызнул,
Он нанес

струей
удар!..

Ну, натешился, мой милый?

Полежи, налейся силой!

Да, отвел дружочек душу,

Размета-а-лся: ночь «гонял»!

Хоть устал, меня обнял

И рукой пизденку сжал.

Я Его коснулась — «уши»

Над зарубкою торчат,

Как у мартовских зайчат.

Ах ты, думаю, святоша,

Кобелина, в душу мать!

Распахал ты энтой «сошкой»

Не одну поляну, блядь!

Этим «плугом» не одну

Поднял,

подлый,
«целину»!..

Но — зачем слова мозолить?

Он заснул, я «умерла»...

Было... Было... Эх ты, доля!

Словно саженька бела:

Ты была да подвела —

Мил-дружочка проспала...

Так я вырвалась на волю

Из-под мамкина крыла.

Так цвели мои цветочки.

После — ягодки пошли.

Час приспел — сынок и дочка,

А дружочка «замели» —

Я осталась на мели.

Он дошел до славы громкой:

Для меня, «Красы-души»,

Он старался ловко «Фомкой» —
Брал «кубы», срывал куши.
«Куб» не то, что подлый кукиш,
«Куб» — свобода: пей, гуляй,
Заголяй, хуи валяй
Да к стсне их приставляй!
А на кукиш — хрен ли купишь?..
В общем, сладко мне, девице,
С ним недолго пожилось:
Сколь веревочке не виться...
И откуда что взялось?
Раз пошли опять на «дело»,
Вроде — все пучком, срослось.
Пуля-дура, бля, задела:
Догнала и — началось!..
Вот такая драма вышла!
Тут «коси» иль не «коси» —
В результате, знамо, «Вышка»,
Крышка, все! Хоть хуй соси!..
Так я сделалась вдовою
В двадцать лет... Ебёна мать!
Ночью вспомню — и завою:
Лучше б мне не быть живою,
Чем — холодная кровать.
Чем холодная постелька,
Та, в которой старики:
Не расстегнуты бретельки,
На пиздёнке нет руки.
Грудь ладонью не накрыта,
Не волнует *тайный* дух.
И кровать, как гроб-корыто,
Словно ты уже зарыта,
Но не в прах, а в легкий пух...

Рассказчица разрыдалась. Её окружают подружки — молодые женщины, утешают в горе неутешном. Среди

них выделяется одна: грудастая (шестой номер лифчика!), кругобёдная, с выпирающей задницей. О таких мужчины говорят: «У ней жопка, что орех: так и просится на грех!» Она выходит вперед, предлагает: «Давайте оплачим его, подружки, и на том — «заявляем».

Причитает:

Краса и гордость всех мужчин,
Куда же ты ушел?
С тобою — радость без причин,
С тобою хорошо.
С тобою счастье и покой
Всегда было найти.
Зачем же ты ушел, Такой:
Размер — до тридцати?!
Добро бы там какой старик,
А то в расцвете лет!
Рыдайте, женщины, на крик:
«Убивца» больше нет!
Ты был мечтой, ты разжигал
Желания всех жен.
Ты выжить всем нам помогал,
Легендой окружен.
Ты снился каждой в жарких снах,
Хуина из хуёв,
Ты прогонял ненужный страх
В тьме половых боев!
Не опадая,
в тыщу ватт,
Мог наколяться ты.
Но — нет тебя... Кто виноват? —
Тут не одни менты:
«Шестерки», «суки», «стукачи»,
«Шныри» и «подсадные утки», —
Что днем фискалят и в夜里,

И с ними — плохи шутки!..
Не каждой выдержать дано
Такого «Бодуна»:
И не у всех такое «Дно» —
Нашлась лишь ты, Одна!..
За счастьем вечно ходит зло
С шипением своим:
Одним в любви — без «западло»,
И «западло» другим...
И — не брани ты нас сестра:
Былого не вернуть!
Твоя утрата — так остра,
Бездостен твой путь...
Его оплакав, что скажу? —
Любите все хуи:
Любой в дыре расплавит «ржу»,
Любой, если стоит.
«Убивец» он, иль «Щекотун» —
Они все хороши:
Дойдут до самых тайных струн,
Отходят от души.
Отходят так, что ого-го
В полночную страду...
Вот взять, хотя бы, моего:
«Сердешный», видно, у него,
Да иу их всех — в пизду!
Мы все наёбывали мам —
Пошли, девчонки, по домам...

*1991—92 г.г.
Дом творчество
«Переделкино»*

ДАЛЬНОБОЙЩИКИ

Друзьям моим,
подольским шоферам-дальнобойщикам
посвящаю.

Автор

I

Кто из нас не строил «ваньку»,
В ком не теплится вина? —
Не водил бабенок в баньку,
Не пил водки и вина?
И, спеша к своей невесте
На свиданье, как на бал —
Не ебал блядей в подъезде,
В подворотнях не ебал?
И в своей, чужой ли «хазе»,
Прикрываясь темнотой,
Дочку драл и к мамке лазил,
К мамке доченьки «святой»?
И, с башкой чугунно-тяжкой,
Не тащил на сеновал
Горе-вдов за чашку бражки,
В ресторанах не блевал?
Кто имел блядей немало
В «блядовозках» и в такси?..
В общем, всякое бывало
На родной, святой Руси.
Так что — гоп! И — гой еси!
Да, бывало, есть и будет!..
Чистоплюям лишь не верь:
Чистоплюй, он в «Деле» зверь,
Он погряз в нетрезвом блуде.
Он привык нам пыль пускать,
Пиджачком прикрывшись чистым:
Демократ ли, коммунист ли —

Ну их всех к ебёной мати!
Ну их всех к едрене фене —
Нам не нужно много денег,
Лишь долги бы покрывать:
Блядь, винчишко да кровать,
Да покрепче руль держать.
Руль, ведущий в бездорожье,
И по зеркалу дорог,
«Руль», что светится на роже —
Знак того, что между ног.
Знак того, а проще — символ,
Будь красив иль некрасив он!
По которому бабы судят:
Кто ты сам и что ты есть?
Отдают в дороге честь,
Руку вскинув, голосуя...
Что-то я свожу всё к хую
В нашу жизнь светло-лихую
И к пизде, ей исполать.
Будем путь свой продолжать.
Будем честно и открыто
Говорить о том, что есть.
Чистоплюй из вонь-корыта
Пену пустит, чтоб «заместь»!
Иль за мной устроит слежку:
За «тележкою» «тележку»
Будет сыпать, как дождем.
Но — ха-ха! — мы переждем:
Нам, бойцам, не привыкать
Под дождями промокать!

II

Да-а, не все познаешь сразу!.
Где начало всех начал?..
Мой Герой, из автобазы,

«Дальнобойщик» востроглазый,
«Плечевую» повстречал.
Он прошел огни и воды:
Принимал в машине роды,
Видел западные моды,
«Покорял» Афганистан —
был отпетый «фулюган»,
Не боялся вражьих пуль
И держал надежно руль.
А в начале всех начал
Там по «фене» отторчал!
Что еще о нем скажу я?
Ах, опять свожу все к хую...
Нет, не буду! Нет: не срок!
Лучше всем вам покажу я
Славных «тружениц» дорог —
Дай здоровьица им Бог!
Покажу вам «плечевых» —
Не валютно-чаевых,
Что привыкли в ресторанах
Для клиентов иностранных,
Не панельно-городских,
Нет: сисястых, плоских, рыжих,
Русых, черных, но — святых,
(Им ведь тоже надо выжить!)

Выпьем чарочку за них!
Старых, средних и малышек,
Не привыкших к крику мод:
(Весь на них, при них «комод»!)

Что шоферу в шею дышат,
Отдыхая на «плечах»¹
В днях ненастных и в ночах.
Что всегда, повсюду в рейсе:

¹ Койка в кабине — над плечами шо夫ера, отсюда и дорожных «девушек» прозвали «плечевыми».

Смену сдал шофер — погрейся.
Пусть в движеньи, без комфорта,
Но — у девичьей груди:
Всех и всё пошли ты к черту,
Словом, душу отведи...
«Отведи?» — воскликнут жёны
«Дальнобойщиков»-мужей,
В бой пойдут, вооружёны,
С честной Музою моей!
А за Музу — я в ответе.
Вот одна уж скалкой метит
Мне, пииту, между рог,
Воспевателю дорог.
Кто постарше — те смеются,
Помоложе кто — плюются:
«Ах ты, сволочь! Блядь! Мудак!
Чтоб ты век дрошил в кулак! —
Драл лишь Дуньку Кулакову,
На хер нам певца такого!»
«Нет!» — кричу: вам станет ясно,
Вам, Богини очагов:
Вы волнуетесь напрасно —
Я пою холостяков.
Холостых, еще свободных
От супружеских оков,
Для любой работы годных,
Сытых, добрых, злых, голодных —
Помощь ваших «стариков»:
Внуков их или сынков.

III

«Плечевые!», «Плечевые!» —
Покажи ты нам одну,
Как бывало в старину:
Ты представь нам ясный **образ**,

Как в начале обещал,
(Или духом обнищал?):
Край, район, селенье, область,
В зарубежье иль у нас,
Дай, писатель, без прикрас,
Если ты — не «педарас!» —
Ну, задачка! Вот те раз!..
Что ж, приступим? Дай Бог силы:
Нарисуем образ «милый»,
Образ дамочки одной,
Не промчимся стороной...
Дело было на стоянке,
Под Москвой, не под Москвой? —
Город оченno большой! —
На асфальтовой полянке.
Друг за другом, как всегда,
«Дальнобойщики» стояли...
Эх, дороги! Трали-вали!
Стой, ямщик: заночевали —
Ветер, воздух и вода!
Я описывать не буду
Вечер тот, подобный чуду:
Небо в звездах, фонари —
Пей, гуляй, хоть до зари,
Да нельзя, черт побери:
Утром снова «шоферы!..
Вдруг, откуда ни возьмись,
Появляется «Волжанка»
И выходит — заебись:
Ножки, волосы, кожанка,
Юбка-клешь, выше колен,
Тут — любой сдавайся в плен!
С легкой сумочкой вечерней,
Недоступной — в ценах! — «черни».
Вдоль колонны проплыла,
И опять — туда, обратно...

«Шефы» смотрят: «Ну-у, дела-а!
Всё, товарищи, понятно...»
Прочь усталость, лень, стесненье,
Кто в таких делах не хват? —
Действуй, брат, без промедленья,
А иначе — перехват!
А иначе — будешь с носом
Иль в хвосте, в очереди:
У матросов нет вопросов?
Ну тогда — вперед, не жди!
И, с уверенностью в сердце,
Улыбаясь, мой Герой
Приоткрыл кабины дверцу:
«Ах, входите, как домой,
Это — дом походный мой!
Осторожно: вашу ручку!» —
И железною рукой
Нежно поднял эту сучку,
Дверцей хлоп — и был такой!
Тишине и смех помеха.
Чуть побулькивает трёп:
«Въеб, не въеб?» — гадают «шефы» —
«Да, уже!» — «Наверно, въеб!» —
«Глянь, качается кабина:
Он её уже совсем!» —
«У «Руля» не зря витрина:
Тридцать два иль двадцать семь!..»
Мне, поэту, все доступно —
Зря ль проехал всю страну?..
Дай-ка встану на приступку
И в кабину загляну.
Не судите слишком строго:
В щели скважин — не глядок!
Заломил он так ей ноги —
Пятки гладят потолок.
Ну и ножки! Руль в работе:

Тут ему не до меня —
В схватке яростной, весь в поте,
Полон силы и огня!
Путь — к финалу: крепче! Крепче!
Разошелся, великан,
Спермы вбрызнул ей стакан!..
Вот она уж, чуть жива,
Распрямилась, что-то шепчет —
Непонятные слова.
И движеньем, полным лени,
Меж его крутых колен,
Опустилась на колени
И берет рукою член.
Ридикюльчик свой раскрыла:
Ватка, марля. Вот дела!
Плешку «Консулом» подмыла,
Прилегла и в рот взяла.
Как он влез, такой огромный?..
Ша! Пошел на абордаж!..
Ухожу, друзья, не скромно:
Прерываю репортаж.
Братцы, право же, неловко:
Могут мне мораль «пришить»...
Что мне бросить на концовку?
Как мне тему завершить?
Ни к чему базарить долго!..
Утром дама не пустой
Уходила к светлой «Волге» —
Как «лопатник»,
С сумкой той!..

* * *

Во всех кабинах побывала,
Всем «шефам» сделала минет,

Хотя, по всякому давала,
(Ведь дырок много во плоти —
Ты только бабки ей плати!),
А наш Герой глядит ей вслед
И думает: «Ну кто ж она?..» —
Ответь?

Чистоглюева
жена.

1992—1993 гг.

ДУНЬКА КУЛАКОВА

Современная букалика

ПРОЛОГ

В том краю, где много знаний,
Что легендами покрыт,
Жил пастух Онан, Онаний,
Жил мыслитель Феокрит.
Каждый шел своей дорогой:
Феокрит стихи писал,
А Онаний славил Бога
И молился небесам.
Он, судьбою не отмечен,
Был застенчив и не смел.
По дубравам пас овечек
И Пастушке песни пел.
Он любил свою Пастушку,
Но не так, как все! О, нет:
Выйдет в полдень на опушку
И поет о ней куплет.
А она, неподалеку,
Внемлет песням пастуха —
Хороша, небесноока:
Хи-хи-хи! Да ха-ха-ха!..
Плоть восстанет: «Что за чудо?» —
Ой не знал!.. Дрожит, как лист.
Так и стал он «рукоблудом»,
И привык: стал онанист!..
«Онанизм» — лихое слово,
Виноват в нем Овцепас...
Не нашлось пока другого,
Правда, «Дунькой Кулаковой»
Доползло оно до нас —
И «Про это» наш рассказ.

* * *

Мой герой жил в коммунизме,
Но марксизм — не изучил,
Занимался онанизмом,
А по-русски — хуй дрочил!
Харил Дуньку Кулакову —
Аж ладони в волосне!..
Спросят: «Что же здесь смешного?» —
Расскажу, хоть горько мне...

* * *

Занимался потому —
От любви великой:
Больно ндравилась ему
Блядь иконоликая.
По соседству что жила
И «красавицей» слыла.
Да, такие всюду есть,
Да, такие рядом:
С виду всё — по чести честь,
С виду все — как надо!
И влюбился паренек,
Втюрился, невинный, —
На себя беду навлек,
Член имея длинный...
Он телят в луга гонял,
И поил их в речке.
Летом в бане хуй «гонял»,
А зимой — на печке.
И ему, как всем, жилось:
Ни шатко, ни валко.
И платил ему колхоз
Трудодни да «палки»¹.

Трудодень отмечался в табеле бригадира «палочкой», отсюда и лю-
шло: «палки»!

Впрочем, «палку» меж колен
Он имел такую, —
Что любую взял бы в плен.
Поимел любую.
Но, поди ж ты, лишь к одной
Прикипел он сердцем.
Проведет ее домой,
Прикоснется в сенцах.
А на большее — ни-ни:
«Как?», «Ты что?» — святая!.
Так летели горе-дни,
Ваня сердцем таял.
Так «Доярка и Пастух»
Жили-были рядом:
Девка-блядь «доила» двух
И вертела задом.
Только вот беда: один
Еб и днем и ночью,
А другой — домой водил,
Свят и чист...

Короче,
Был застенчив, был «дурак»,
Угловат на слово —
Наебала парня так
Дунька Кулакова!
Да, та самая — огонь,
«Дуня-тонкопряха»:
Рядом Ванька — «Нет, не тронь!»,
Бригадиру — «Трахай»:
Бригадиру угодим,
А Ванюшку — на хуй!.

* * *

Я любила бригадира —
На работу не ходила:

Ночь гуляла, день спала
И стакановкой была.
Вот как, вот так —
Самогон да водка!
Коньячок, конфетки —
Безродные детки.
Детки — сироты...

Дурдом...

Ну, да ладно!

Не о том...

Не о том сегодня баю,
Не о том душа дрожит —
Перейдем к Ивану в баню:
На полочке он лежит.
Он лежит, почти не дышит —
Только яйцами колышет.
Ебнет плешкою о камень,
Мол, довольно дуру гнать! —
И давай двумя руками,
И пошел, ебёна мать!
И пошел, пошел, поехал, —
Баня ходит ходуном.
Тут уж, право, не до смеха,
Дума Ваньки — об одном:
Как бы Дунечке-Дуняшке,
Пятерней облапив грудь,
В темноте раздвинув ляжки,
Свой хуину грозно-тяжкий
В щель заветную втолкнуть!
И, отправив труд сей страшный,
На груди её заснуть...

* * *

А зимой — дрочил на печке:
Все уснули, всё молчит.

И Ванюшка: «Ах, сердечко!» —
Хuem долбит кирпичи.
«Ах, сердечко!» — так он Дуню
В те мгновенья называл:
То вопрет ей, то ей вдует,
Аж по яйца — наповал!
И, глаза в порыве смéжив,
Видит голенькую: «Э-э-э-х-х!..»
Груди — две копешки свежих,
Меж ногами — мягкий мех.
Мягкий мех, как у телушки,
Ну, у той, да, у «Звезды».
Ляжек теплые подушки,
Секель светит из пизды.
А сама пизда... О боги!..
Что за чудо!.. А сама...
Раздвигает Дуньке ноги,
Сходит Ванечка с ума.
Забегает ум за разум,
Обжигает сердце мрак.
Он ебёт её, заразу,
Так! И этак! И вот так!
Боком, спереди и сзади:
Глубже! Яростней! Сильней!
Так впердолил этой бляди —
Полбадейки вылил ей!..
Кончит Ванька — и задремлет.
Печь-старуха в молофе..
А «Бугор»¹, блядь, в это время
Дуньку прёт на МэТэФэ².

Бригадир

² Молочно-товарная ферма: доярки тогда, в колхозное время, там часто ночевали из-за непогоды или позднего времени, особенно зимой. К ним приходили «женихи» и т. д.

* * *

Но весной!.. О!.. Зорька ало
Заиграет: «Вань, вставай!» —
Хуем скинет одеяло,
В сумке шмат тяжелый сала,
Лук, да квас, да каравай.
Кнут, как тоненькая змейка,
По земле за ним скользит.
Разливается жалейка, —
У Ванюшки бравый вид...

* * *

В онанизме много ль толку?..
В стаде сотни две телят.
И Ванюшка выбрал телку —
Заебись, как говорят!
Заебись! Глаза — две ночи,
С белой звездочкой во лбу.
Ваня вздрочит — хуй подскочит,
Кликнет телку: «Я ебу!»
«Я ебу!» — глаза закроет
И, вслепую, словно крот,
Словно хуем дырку роет —
Так он «Звездочку» ебёт.
Шепчет: «Дунюшка, Дуняша,
Дуня, ягодка-душа...»
Да, горька судьбина наша:
Сукам — всё! Нам — ни шиша...

* * *

Подрастал в телячьем стаде
Удивительный Бычок:
Подошел он к Ваньке сзади
И боднул;

сначала в бок,
Наебнул с разгона в жопу,
Замычал: заревновал —
Мол, ты снял сегодня пробу,
Дай и мне, пастух-нахал!..
Ванька был в экстаз-разгаре,
Вынул хуй и между рог
Так соперника ударил,
Что бычок тот —

на хуй сдох...

Тут «Бугор» на тарантасе
Подъезжает, как на зло,
Словно был он на «атасе» —
Ванька дал ему в ебло!..

* * *

И... лиха Беда — начало:
Закружило, поползло —
Вся деревня хвост задрала,
Скосоёбилось село.
А у Дуньки пузо — бочка!..
Комсомол кричит: «Позор!»
«Дочка??» — «Чья?» — «Ивана дочка!»:
Два свидетеля — и точка!..
Дочку ж сделал ей Бугор.
Ванька крестится: «Ей-Богу,
Даже, нет, не целовал,
Думал: Дуня — недорога,
Даже не подозревал!...»
Дунька жопой завертела —
Тут попробуй, растолкуй...
И уже тройное «Дело»
Ваньке шьется — ни за хуй:
1) «Застрогал девке ребенка!»
2) «Коммуниста оскорбил!»

3) «Хуем, бля, убил теленка!..»
(голос народного заседателя-ветерана):
— Кстати: телочку «любил»!..
Суд, он на руку, блядь, скорый...
Что ж, прости-прощай, село.
Впереди леса и горы —
След Ванюши замело...

* * *

Что ж ты, Дунька Кулакова,
Что ж ты, сука, сделала?
Что ж мальчишечку такого
«Съела», неумелого?
И пошел он по этапу
В Воркуту холодную...
Иль вы все такие, бабы?..
Ах ты, мамка родная!
Ах ты, мать родная, мама —
Сердце рвется с языка...
Под землею шахты-ямы,
Там работают ЗЭКа.
Под землею шахты-норы,
Там работают шахтеры:
Шахтер рубит, шахтер бьет,
Шахтер уголь выдает.
Шахтер в шахту спускается —
С белым светом прощается:
Прощай тундра, прощай свет —
Я вернулся или нет?
«Заполярный комсомолец» — (ЗЭКа)
Расшифровываю, знай:
Если кто за них и молится, —
Не услышит гибкий край.
Не услышит, не ответит,
Не откроет «тайну» ту:

Как в сплошном сиянье лета
Труп сползает в Воркуту.
Не обут, клоками роба,
Лиши полосочки повдоль,
Волос вздыбленный, без гроба,
(Вспомнить — страшно: в сердце боль!)

Труп за трупом, — как живые:
Их не тронул вечный лед!
Вышки, блядь, сторожевые
Провожают их в «поход» —
По реке, стоймя, рядами,
Тихо-медленно идут
И безмолвными устами
«Благодарят» «Народный суд»!
В океан, под вечный панцирь,
Их, святых, вода ведет...
Так помянем же их, братцы,
Бывший тот, «простой народ»!
Незапятнанные души,
Что ушли в немую тьму...
Был средь них и наш Ванюша —
Память вечная ему!..

1993-95 гг.

ЧАСТУШКИ

* * *

Я ебуся лучше гуся:
Гусь ебется — валится.
Потому моя Маруся
Мною не нахвалится.

* * *

Ох, милка моя,
Милка ласковая,
Буду еть тебя всю ночь,
Не вытаскивая.

* * *

Хуй не пашет борозды.
Баба бабе — разница!
Я о качестве пизды
Узнаю по заднице.

* * *

Лягу спать на кровать
На край головою.
Я не дам тебе ебать —
Не ложись со мною!

* * *

Ты миньетку полюбила:
Как конфетку, хуй сосешь.
Сука, старая кобыла,
Надоел мне твой балдеж!

* * *

Я хочу девчоночку
В узкую пиздёночку.
Брызнет сперма-молофа:
Есть в пиздёночку лафа!

* * *

Я кончаю — умираю,
Нет пизде износу!
Я хуёчек выбираю —
Только не по носу.

* * *

Был курносый — не забуду!
Ростом — метэр с небольшим.
Яйца весили по пуду,
Загогулина — с аршин.

* * *

Риорита-Маргарита,
У тебя пизда обрита.
Я не стану тебя есть —
Пусть ебет тебя медведь.

* * *

Я хотела застрелиться.
«Как?» — спросила Ленку
«От соска вершок отмерь» —
Попала в коленку.

* * *

Милка, не совай ногами,
Милка, взасос не целуй!

Что ж ты, пиздёнку — духами?
Глянь: отвернулся мой хуй.

* * *

Дай пиздёнке естественный запах,
Пусть цветет на её волосках, —
И на яйцах мой хуй, как на лапах,
Приползёт к ней в умильных слезах.

* * *

Одной московской Пиздроне

Ты — жидовка-лесбиянка,
Языком пизду ебёшь!
«Шоколадница» — засранка:
Мёд из жопы достаёшь!

* * *

Ночью не скрипнут засовы,
Рвут тишину лишь коты.
Я Вас не спрашивал: «Кто Вы?»
Выеб — и понял: кто ты!..

* * *

Я не сказал, что жизнь — лафа,
Я не сказал: «Судьба индейка!»
С конца стекает молофа,
Пизда разбухла, как бадейка.

* * *

Мы ебалися: шесть-девять,
И ебёмся: девять-шесть.
Разучились деток делать,
И с пизды слетела шерсть.

* * *

Ой, гоп! Гоп! Гоп!
Хуй не сделал «гопки»¹ —
В пизду выебать не смог:
Елозил по жопке.

* * *

Мой миленок — алкоголик:
Хуй на полшестого.
Заведу на зло, заразе,
Парня холостого.

* * *

Глянь-ка: срака
Стоит раком —
Зона эрогенная
И «ласкает» эту зону
Целый взвод из гарнизона.

* * *

Ой ты, жопочка-жопень,
На пизде волосики.
Отъебись, бля, старый пень —
Не задавай вопросики?

* * *

Я ебал твои табу,
Издали ласкаю:
Взглядом я тебя ебу,
А носом — спускаю.

Не сделал стойку, как щенок — не встал.

* * *

Мы ебали — не пропали,
И ебём — не пропадём!
А пизда у моей крали
Пахнет квашеным груздем.

* * *

Не прельщай меня сосками,
Сиськами стоячими —
У меня и так, что камень,
С ядрами горячими.

* * *

Вертихвостка, вертисрака,
Вертисисечка моя,
Когда ставлю тебя раком —
Мне не нужно ни хуя!

* * *

Сквозь мотню определю,
Что там за богатство.
Все хуёчки я люблю —
Разве ж это блядство?

* * *

В бочке киснут огурцы
Разного колибра.
Огурцы, словно «концы»,
Самый лучший выберу.

* * *

Моя милка — паучиха,
Я боюсь её ебать:
Только кончишь — она тихо
Начинает хуй съедать.

* * *

Научился я у йога,
И развил свою красоту:
Задеру повыше ноги —
Сам себе я хуй сосу.

* * *

Я не согласен, нет и нет:
Пизда — не тухлая селёдка!
Особенно, когда минет,
И секель пахнет через глотку.

* * *

«Кавказской пленнице»
в Москве

Ты зарычала: «Нет, не дам!» —
Коленкой в яйца пизданула!
«Мадам!, — я возопил, — мадам,
Я не из вашего аула!»

ПИЗДЕЦ БОЛЬШОЙ И ПИЗДЕЦ МАЛЕНЬКИЙ

Сказали мне: «Ученье — свет!»
Пердел я в школе десять лет,
Чтобы потом в дурдоме очутиться,
И мне сказал тогда отец,
Что это — маленький пиздец,
И надо просто поскорей влюбиться.

Влюбившись в деву, я воскрес
И сразу на неё залез,
А дева стала безбожно материться,
И мне сказал тогда отец,
Что это маленький пиздец,
Не надо только очень торопиться.

И я размеренно стал жить,
С наимудрейшими дружить,
И постарел как задница провидца,
И мне сказал тогда отец,
Что наступил большой пиздец,
И начал трёхэтажно материться.

Тогда я начал сочинять
Стихи по мати — перемать,
Что б настроенье поднимать **несчастным**,
И мне сказал тогда отец,
Что неприятностям — пиздец!
И ничего для нас уже не страшно.

ГОЛОСИСТАЯ ЗАДНИЦА

Голосистая задница
Надрывалась с утра,
Охуительной радости
Наступала пора.
Где мы утром встречались,
Там всё веяло сном,
Лишь деревья шепталися
За пустынным окном.

Я лежал как растерзанный
И прилип к простыне,
Позабыл я все мерзости
В твоей тёплой стране.
Все плохие события
Затолкал я в пизду,
Только счастья открытия
Повторял как в бреду.

Мы с тобой познакомились —
Сразу горести прочь!
Страсть мы не экономили —
Проорали всю ночь.
Так с тобою мы прыгали,
Что сломался диван,
Так телами мы двигали,
Что клопы — по углам.

Эстафету передали
Непонятно кому,
Сразу пары забегали
Как грузины в Крыму.
Кто ебал на площадочке,
Кто дрочился во сне,
Голосистая задница
Трепетала в окне.

Голосистая задница
Прекратила вопить,
Очень утро мне нравится,
Но нет сил засадить.
И лежишь ты со стонами,
Вся сухая как пень,
Пол усеян гондонами,
Вот такой поебень.

Только матерной руганью
Можно горе прибить,
Только еблей с подругою
Можно жизнь продлить.
Ночь прошла очень радостно,
День был тоже неплох,
Я до дому отправился
На своих четырёх.

ВЕСЕЛОЕ СНОШЕНИЕ

Погасла свечечка, трещит шириночка,
Одежда — в печечку, в окно ботиночки.
Сплелись в объятиях и жадно стонут
Хуяк Иваныч и Хуйня Петровна.

На чью-то задницу ботинки падают
И педерастиков ужасно радуют.
От смеха скрючившись, визжат по девичьи
Пиздюк Пиздюевич с Пиздюхой Пиздюлевичем

И стоны слышатся и смех колышется,
Не стоит вешаться, коль что-то чешется.
Хуйня Петровна дрочит себя копеечкой,
Пиздюк Пиздюевич вдувает Пиздюлевичу.

Год пролетел, и у Пиздюхи выкидыши
Пиздюк Пиздюевич не в силах шишку вытащить,
Хуяк Иванович погиб в огне любовном,
Насквозь пробив жопень
Хуйне Петровне.

Не надо слез, не надо слов прощания,
Давайте лучше поощрять свидания,
Давайте чаще теми восхищаться,
Кто может очень весело сношаться.

ПЕСЕНКА ОБ АДЬЮТАНТИКЕ

Дела елловые,
Слова медовые,
На шишке галстучек, на жопе — **бант**,
С елдою вздрюченной,
От страсти скрюченный,
Влетает в комнату наш адъютант

Девица дрочится,
Ебаться хочется
И адъютантика в постель кладет,
Сорвав штанишечки,
Вскочив на шишечку,
От удовольствия она поёт.

Трещат дощечечки,
Как будто в печечке,
Пизда у девочки уже горит,
У адъютантика
Дымятся бантики
Лишь хер без устали пизду сверлит.

Рассвет за окнами,
И солнце тёплое
Лучами добрыми на них глядит,
А дева гордая
В куски разъёбана,
У адъютантика херовый вид.

Остались бантики
От адъютантика,
Кусочек задницы и пол муде...

Коль ты — мальчионочка,
Еби девчоночку,
Но не задерживайсь в её пизде!

МУХИ И СТАРУХИ

В окошке — рамочке
Ебётся дамочка,
По грязной стеночке гуляют мухи,
И, вскрикнув «Мамочки!»
При виде дамочки,
От возмущения пердят старухи.

И лихо дамочка
Сосет у Ванечки,
И завороженно застыли мухи,
И, вспомнив молодость,
С огромной скоростью
По лавке ёрзая, сопят старухи.

Кончает Ванечка,
Но мимо дамочки,
И все облитые, сбежали мухи,
И скинув платьица,
Подставив задницы,
Друг друга ласково дрочат старухи.

БАРДАК У ПОДЖОПНИКА ПЕТИ

У тёти Клавы играет патефон,
Поджопник Петя с компанией пирует,
В окно свисает простреленный гондон,
А на диване два педика кайфуют.

Сосет у деда бесстыдница Нинон,
С балкона пишет весёлый дядя Киля,
А из окошка тарелочки с говном
Бросает школьник Золупидзе-Мудашвили.

А в коридоре вся в дырочках стена,
Здесь ёбарь Вася пытался есть Маруську,
А в ванной стонет уже пьяным-пьяна
Бабуся Глашка, а с нею пудель Кузька.

В сортире взорван последний унитаз,
Плиту упёрли для группового секса,
Ревёт за дверью активный педераст,
А я дроочусь и вспоминаю детство.

Вот замолкает усталый патефон,
Под тёти Клавой уснул поджопник Петя,
В углу икает облёванный мильтон,
А я грущу, что женщину не встретил.

Лежу на койке с раздавленным клопом,
Прилип ебальником к заплаканной подушке,
А рядом стонет задроченный елдон,
Во сне увидев настоящую мандушку.

МОНСЕНЬОР ПЕРДАЧИНИ

Монсеньёр Пердачини —
Разгоните кручину!
Заголите Марину,
Поцелуйте старинно,
Посадите Марину
На мохнату куртину
И, воткнув елдачино,
Улыбнитесь картинно!

И задышит Марина
Горячее камина,
Белоснежно сверкая,
Вся в объятиях утонет.
И конфетно кусаясь,
Задрожит, извиваясь,
И, бессильно сникая,
От блаженства застонет.

Годы мчатся как дети,
Нет Маринны на свете...
Монсеньёр Пердачини
Превратился в скелетик...
Всюду новые встречи
И влюблённые речи,
На мохнатой куртине
Вновь цветёт Елдачини.

ДЯДЯ И МАРФУТКА

Когда наш дядя молод был,
И очень девочек любил,
Решил он к ним заехать на минутку,
Но тут вскочил его елдак,
Забыл наш дядя про бардак,
Помчался оприходовать Марфутку.

И, даже не сказав «Пардон»
Вломился дядя словно слон,
Сверкнули глазки с бархатной подушки..
Наш дядя страшно заревел
И будто ястреб налетел
На бедную Марфуткину «игрушку».

Марфутку дядя оседлал,
Чуть всю «игрушку» не сломал,
От счастья она вмиг лишилась речи..
А дядя как сирена выл,
Во все места её долбил,
Матрас пробив, пружины искалечив.

Раздался стон и страшный крик,
Наш дядя яйцами прилип,
А девочка Марфутка зарычала...
И рухнул старенький диван,
Клопов погнав по сторонам,
И началась комедия сначала.

ДЯДЯ С БЛЯДЬЮ

Не мечтая о награде
И задрав усы,
Дядя бляди сунул сзади
И пробил трусы.
Блядь обрадовалась дяде —
Так он ей всадил...
Дядя блядь престижа ради
Целый день долбил.
А блядь смеялась, а блядь пищала,
Сто раз в минуту она кончала.

Дядя кончил,
Снова вставил
Очень глубоко,
Дядя вновь сидит на бляди —
Бляди нелегко:
Всё никак не хочет дядя
Свой костыль унять...
Слёзы на глазах у бляди —
Вспоминает мать.
А блядь устала уже кончать,
И о пощаде взмолилась блядь.

Пожалел её тут дядя
И достал бутыль,
Быстро вытащил из бляди
Мокрый свой костыль.
Тяпнул дядя для начала
Водочки стакан,
Блядь вскочила и помчалась
Словно таракан.
А дядя гордо
Допил бутыль,
Как прежде твёрдо
Вскочил костыль.

Плачет дядя —
Он без бляди,
Словно без мудей,
И костыль глядит у дяди
Всё невеселей.

День и ночь торчит у дяди —
Не даёт заснуть,
Просит дядю: «Бога ради —
Вставь куда-нибудь!»

И дядя ночью, когда все спят,
Вставляет точно в соседкин зад,
А ранним утром, когда темно,
Кончает мощно в своё окно.

АБРАКАДАБРА

Пародия на песню «Дядя Ваня»

1

Сержант Пиздякин, елду отполируйте!
Майор Сисякин, мудями не звени!
Манда Ебеновна, о прошлом не тоскуйте —
Ебитесь вволю, пока уходят дни!!

Давайте, граждане, споем и все печали отъебём,
А то они мандой накроют нас!
Сидит и тужится печальный дядя Ваня,
А бабка Дуня украшает унитаз,

2

Гражданка Бомбова, почистите свой клитор!
Месье Засеря, шампунь воткните в зад!
Сеньор Минетти, надев штаны, бегите,
А то начальство посадит за разврат!

Давайте, граждане, споем и в жопы гвоздики
забьём.

Чтобы они развеселили нас!
Пердит бесцельно охуевший дядя Ваня,
А дядя Шмоня охраняет унитаз.

3

Товарищ Мудов, не надо так дрочиться,
Синьор Жопеня, засуньте хер в карман!
Пизда Ивановна, кончайте материться!
Я допиваю последний свой стакан...

Давайте, граждане, споём и все печали отъебём,
А то они мандой накроют нас!..
Созрели мысли в заду у дяди Вани,
И он в восторге стреляет в унитаз.

Пусть дядя Шмоня мохнатит тёту Воню,
А тётя Воня пикантно стонет,
Ему мы скажем: «Спасибо, дядя Шмоня,
За радость Воне, прелестной Воне!»

Давайте, граждане, споём и в жопы гвоздики
забьём,
Чтобы они развеселили нас!
Лежит в говне и матерится дядя Ваня,
А тётя Груня утащила унитаз.

Сижу и чищу манду у дяди Вани,
А тётя Груня хуем долбит унитаз.

ДЯДЯ И ДЕВОЧКИ

Сегодня дядя с компанией гуляет,
На дачу дядя трёх девочек позвал,
Пока им дворник задумчиво вставляет,
Наш дядя рысью все тропинки обежал.
Наш дядя бегает без брюк —
Не поднимается «дундук»,
И от расстройства дядя писает вокруг.

В кусты свалился верный дворник без
сознанья,
И трое девочек за сторожа взялись,
А рядом носится печальный дядя Ваня
И проклинает всю половую жизнь,
Наш дядя мрачен как бирюк,
Но кочегарит свой «дундук»
И, наконец, вскочил его любимый «друг»

А трое девочек и сторожа уели,
Теперь на дядю заберутся — это факт —
Но дядя понял, что в этом самом деле
Он получает вместе с триппером инфаркт.
И, во спасение седин,
Помчался дядя как грузин
И скачут девки голые за ним.

* * *

Вот это да, вот это да!
Мне засадил мой друг Балда.
Но вспухла шишка у Балды:
И ни туды и ни сюды!
Хочу я радость дать Балде,
А он застрял в моей пизде...
Уж не хочу иметь Балду —
Хочу освободить пизду,
Кручу напрасно я пиздой —
Никак не справлюсь я с Балдой.

Навек останется в пизде
Воспоминанье о Балде!

* * *

До чего любовь могуча! —
Только встали в стойку,
Только ей я засундушил —
Развалилась койка.

Слышу голос: «Гад ползучий —
Починил бы койку!»
Я расстроился и кучу
Навалил на стойку.

* * *

Мощно я чихнул из обоих мест —
Впереди старуха замертво упала,
Позади — компания молоденьких невест,
Гневно возмущившись, дружно заблевала.

* * *

Подымаю я рясу зловещую,
Из под рясы вздымается вещь моя,
И бежит ко мне быстро монахиня,
На ходу заголяя мандахиню.
Я хватаю её за пердахиню
И вгоняю до сисек елдахиню.

* * *

Сосу ириску
И глажу киску,
Чешу пиписку
И в мыслях низко.
Лежит Лариська,
Болтает сиськой,
Кричит «Нагнись-ка»
И всунь сосиську!»

НЕХОРОШЕЙ ЖЕНЩИНЕ

Лучше хуй дрочить в уборной,
Лучше в рот соседу пёрнуть,
Лучше смокинг обосрать,
Лучше доску отъебать,
Лучше в жопу гвоздь забить,
Чем таких как ты любить.

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Он: Чешу свою елдашу
И вспоминаю Дашу.
Она: Гляжу в свою мандашу
И вспоминаю Пашу.

РЕКЛАМА ДЛЯ АПТЕКИ

Коль в башке у вас мудянка —
Пейте капли Валерианка.

Коль на жопе чирей сел,
Коль на глаз ты окосел,
Коль не можешь баб долбить, —
Травы, травы нужно пить!!!

СОБАКА — МУДАКА

Сижу на заборе, весь мокрый от страха,
Сижу на заборе — совсем без порток,
Сидит под забором огромная бяка,
Собака — мудака породы бульдог.

Трусы белоснежны изорваны в клочья,
А яйца трясутся и дом мой далёк,
На жопу нацелился прямо по-волчьи
Голодный и злобный бандюга бульдог.

Кричу я соседу — он спит со стаканом,
Кричу «Помогите!» — вокруг тишина...
Я с детства, признаюсь, не был хулиганом,
Но пёрнул со страха снарядом говна.

Бульдог возмутился и стал отряхаться,
Бульдог оскорбился — с тоски завизжал,
И сразу умчался к реке отмываться,
А я с голой жопой домой побежал.

В ПОСТЕЛИ У БЛЯДИ

1

Вспомнив нашей любви пожар,
Я рыдал в постели у бляди,
Пряча шишку свою в футляр,
Позволяя лишь яйца гладить.
Вы лежали в дому, за углом,
С очень стареньkim пердуном.

2

Блядь сначала меня гнала,
А потом, зарыдав, простила,
И, утешившись как могла,
Потихоньку клитор дрошила.
Вы лежали в постели с другим,
С заместителем хилым моим.

3

Ночь прошла — я без сил лежу,
Блядь на мне сидит и балдеет,
Я печально ей зад лижу,
И она от счастья хмелеет.
Вы проснулись, гладя другого,
Попердев, захрапел он снова.

Я ВСТРЕТИЛ ДЕВОЧКУ

Я встретил девочку и кучу мелочи
Я положил ей в блюдце каши манной
Назвала папочкой меня та лапочка
И я прижал ее с улыбкой обезьяны.

Я нежным котиком ласкался к ротику
И ей все это показалось очень странным
Тогда у девочки я вынул целочку
И всунул сочную елдину добермана.

Исчезла девочка, оставив целочку
И великанша возникла под диваном
Меня притиснула, мне в жопу свистнула
И я помчался обалдевшим тараканом.

С тех пор я писаю с соседской кисою
И ублажаюсь всего одним стаканом
Целую цыпичку, я прячу пипочку,
Пока не сделаю уборку под диваном.

ХУТЕНЬ

Полжопы свистнуло в кулак большого дяди,
Взревела шишка у Петюни — идиота,
Штаны пробили полупьяненькие бляди,
Когда присели у обосранного дзота,
А я урок учил и в свой кулак дрошил,
Свои муде чесал и потихоньку ссал.

Муде весёлые катились по тарелке,
В полёте пчёлка шмелю шишку целовала,
Волосья щипали две голенькие белки,
И нежно гусеница в жопу пролезала,
А я лежал, молчал, я в чьём-то рту торчал,
Уткнувшись лбом в перду, лизал твою пизду.

Гондон смеялся на плече у старой бабки,
Хохмач — дедуля девке заднику прощупал,
К было всё вокруг в отменнейшем порядке,
И поцелуй ощущал я ниже пупа.
Раз двадцать кончил я — остался без хуя,
Остался без хуя, но счастлив до хуя!

ХИ — ХИ У БЛОХИ

Я на стене поймал огромную блоху,
А у неё поднялось маленькое ХУ,
Тогда я ей достал прелестнейшее ПИ,
И им устроил очень тёплое ХИ — ХИ.

А ты лежала и мечтала в этот миг,
Когда мой ХУ уже дымился как шашлык,
Ты закрывала свою свеженькую ПИ
И мне читала своей бабушки стихи.

Но я недолго эти прелести вкушал,
Мой ХУ от напряженья громко затрещал,
Пробил он платье, просверлил твоё трико,
В тебя вонзился даже очень глубоко.

И ветром страсти вмиг развеяло стихи,
И возмущённо разбежался ХИ — ХИ,
К утру кровать была дырявой и хромой,
Но продолжалось свидание с тобой.

И только вечером я вспомнил про блоху,
Но стало кнопочкой моё большое ХУ,
Куда-то скрылось твоё нежненькое ПИ,
И лишь остались старой бабушки стихи.

С тех пор чиню я каждый день огромный ХУ,
На нём катаю одинокую блоху,
И вспоминаю твоё свеженькое ПИ,
И всё мечтаю сделать новое ХИ — ХИ.

ШИШКА, МЫШКА И ПЫШКА

Мне ничего не надо,
Свечка торчит из зада
И утомлённая шишка
Дремлет под мышкой у пышки.

Вылезла мышка из печки,
Вмиг проглотила свечку,
И подбирается к шишке
Злая девица мышка.

Тихо мурлычет пышка,
Рядом мечется мышка...
Ищет, в какую кубышку
Спрятали вкусную шишку

Нежно целую пышку,
Прячу подальше шишку,
И, натянув штанишки,
Быстро бегу от мышки.

Я И ДАМОЧКА В ДОМЕ НА ПОЛЯНОЧКЕ

На чердаке раздался тихий сладкий стон,
Там стайка девочек сношала мужика,
А под столом, зажав в руке пустой гондон,
Лежала дама и просила елдака.

На всю избу сиял её роскошный бюст,
И дама тихо изнывала без любви,
Но был уже наш старый дом как дырка пуст,
И гости пьяные смотались кто куды.

И только чайник мелодически пиздил,
В дверях пердели чьи-то драные штаны,
А в доме этом лешачок весёлый жил
И ожидал прихода девочки — весны.

А я как мышка в уголке своём сидел,
И чистил водкой свои пышные усы,
И с сожалением на дамочку глядел,
Поскольку не было силёнок снять трусы.

А леший где-то издевался, хохотал,
Гостей подвыпивших засунув в тёмный лес,
А я подобно старой заднице вздыхал
И горевал, что в эту дамочку не влез.

Вот ночь окончилась, протух пустой гондон,
И разобиженная дамочка ушла...
Я утешал себя, что сохранил елдон,
Что вперед нас ждут великие дела.

ПРЕЛЕСТНАЯ ПАНИ

Мне прелестная пани
Нежно ручку пожала,
Шевельнул я мудями,
И она задрожала.

Юбка тихо упала —
Чернота показалась...
Я прижался мудями,
А она улыбалась.

Шаловливо руками
Мне штаны расстегнула
И, играя мудями,
За елду ушипнула.

Но я вспомнил, что плохо
По ночам обнажаться,
Стал я горестно охать,
Стал я громко смущаться.

Пани долго дрочила
И с досады бледнела,
Но застенчиво было
Моё юное тело.

Всё шептал я ей: «Пани,
Пощадите невинность!»
Всё чесал под мудями,
А она материлась.

* * *

Много лет пролетело,
Пани старенькой стала,
Голова поседела,
Да и тело увяло.

Я невинность потерял в борделе

А мой хер из дубины
Превратился в гармошку,
Я как прежде невинный,
Но мне грустно немножко.

Никогда моя пани
Не пройдёт под окошком...

Шевелю я мудями
И тоскую о прошлом.

ЖОПОЧНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Мне на голову село говно,
Гневным взглядом виновных ищу...
Жопа-персик свисает в окно,
Как прекрасна она! Я грущу.

А вокруг тишина и покой,
Только мухи жужжат на окне,
И приятно мне жопой такой
Любоваться в ночной тишине.

В моих мыслях всё меньше огня,
Но хочу, что б душа не старела,
Чтобы жопа влюбилась в меня,
Чтоб говно поскорей отлетело.

Я так долго о жопе скучал,
Что в штанах у меня задымилось,
И тогда я как лев зарычал —
Жопа скрылась, говно отвалилось,

И теперь как последний мудак
Под осенней луною, несчастный,
Я лечу обгоревший елдак
И тоскую о жопе прекрасной.

Где ты, жопа родная моя,
Почему ты меня не жалеешь?
Неужель ты не помнишь меня,
И другого ласкаешь и греешь?

В милом прошлом осталось говно,
Гневный взгляд превратился в унылый,
Но теперь мне уже всё равно,
Если жопа меня позабыла.

Я невинность потерял в борделе

Но лишь стоит наверх поглядеть
И я верю, что жопа проснется,
И, что б сердце моё отогреть,
Она нежно в окно улыбнётся.

ЦЕЛКА ТОНЯ

На меня девицей Тоней
Брошен взгляд,
Я ей ночью распяtronю
Пышный зад.
А потом её на шишку
Посажу
И мохнатою елдишкой
Ублажу.

Ну а ты, девица Маня, не ленись,
И на наше, на свиданье, подивись,
Вспоминая твою ласковую харю,
Я другую от души прокочегарю!

Вот уж дверь открыта
Ночью на балкон,
Слышу Тонин сладострастно
Тихий стон,
Я лежу и жду
С поднятою елдой,
Входит девушка
С роскошною мандой.

Ну а ты, девица Маня, не ленись,
И на наше, на свиданье, подивись!
Вспоминая твою ласковую харю,
Я другую от души прокочегарю!

Вот девица Тоня бросилась ко мне,
Но со страху оказался я в говне —
У девицы Тони выросли клыки,
А на сиськах шевелятся елдаки.

Ну а ты, девица Маня, не ленись,
И на это представленье подивись!

Кочегарить я уж больше не хочу,
И от Тони я к окошечку лечу.

Прыгнул вниз и убежал я без штанов,
Сlyша сзади сладострастный Тонин рёв,
И с опущенною шишкой я летел
И печально на всю улицу пердел.

Ну а ты, девица Маня, извини!
Я люблю тебя, как прежде, в эти дни.
Починяю я в больнице «агрегат»
И с тобою снова встретиться я рад,

Думал я, что процветает мой елдак,
А его едва не скушал вурдалак.

ПАНТАЛОННЫЕ МАКАРОНЫ

Я к вам пришёл с визитом,
Не вором, не бандитом,
И захотел я нежно ваш зад поцеловать,
Но вы вдруг возмутились,
Ко мне переменились,
И застучали ножками, чтобы меня прогнать.

Но я вам поцелуюм
Закрыл криклиwyй ротик,
Вы замахали ручками, пытаясь укусить,
Но чувствами волнуем,
Как мальчик — идиотик,
Решился я над вами немного пошутить.

Я в ваши панталоны
Насыпал макароны,
Которые на ужин из лавки приволок —
Ведь макароны вкусны,
Когда согреты чувством
И нежным ароматом прелестных женских ног.

Лишь только макароны
Проникли в панталоны,
Вы стали извиваться и в трусики кончать,
Я чмокнул вас за ушком
И бросил на подушку,
И стали вы смеяться и радостно кричать.

И, снявши панталоны,
Я скушал макароны,
И, слёрнув ваши трусики, я вставить вам помог
До этого лечащую,
От радости дрожащую,
Большую макаронину, торчащую меж ног

Потом я только помню
Как стало вдруг легко мне,
Как мы поплыли вместе толь в сказку, то ли в рай
Средь ваших тихих стонов,
Блаженством истомлённый,
Я слышал страстный шёпот: «Скорей в меня
кончай»

Кончая, мы кричали,
Потом без чувств упали,
Очнувшись, я помог вам трусишки натянуть..
С улыбкой умилённой
Я спрятал панталоны,
С душою окрылённой отправился я в путь.

Придя полуголодный,
К работе непригодный,
Во всех пуляя матом, к кастрюле подскочил,
И ваши панталоны,
Засунув в макароны,
Я очень ароматный обед себе сварил.

КРОШКА КУЗИНА.

Я по Москве хожу,
Горестно я пержу
И у своих штанов
Слышу блаженный рёв.

Крошка бабуся, фамилия Кузина,
Лихо сидит на моей кукурузине.

Жопа торчит в окне,
Нежно моргает мне
Добрый, мохнатый глаз,
Что так пленяет нас.

А крошка бабуся, фамилия Кузина,
Нежно пердит на моей кукурузине.

Где-то у старых мудь
Дышит девичья грудь,
Горько и грустно мне,
Будто сижу в говне.

А крошка бабуся, фамилия Кузина,
Всё не слезает с моей кукурузины.

Вспомнив, кого ебал,
Хер мой огромным стал,
Бабка от боли — в крик,
Вот он, священный миг!

Крошка бабуся, фамилия Кузина,
Вмиг соскочила с моей кукурузины,

* * *

Если тебя ебуть,
Мудрым и стойким будь,
Помни последний смех,
Бабки невольный грех!

Крошка бабуся, фамилия Кузина,
Шлёт поцелуй моей кукурузине.

* * *

Постойте, девочки,
Один момент!
Меня не трогайте —
Я импотент.
Отдайте мой роскошнейший пиджак
И не тащите силой на бардак.
Мне говорил всегда пердила Хунь:
Сначала трезвым стань — потом засунь!

Не плачьте, девочки,
И я проснусь,
И в ваши целочки
Я погружусь.
Не надо яйца мять, ебёна мать,
А то не стану я вас ублажать,
Спустите, девочки, на миг трусы
И покажите мне свои усы!

Простите, девочки,
Мой грубый тон —
Я не могу никак
Сорвать гондон...
Его приклеили, когда я спал,
Когда я раз впихнул и вмиг упал...
А говорила же мандачка Ли:
Сначала сильным стань — потом воткни!

Позвольте, девочки,
Вам дать совет:
Не будьте мелочны,
Вас ждёт минет.
А я посплю пока и полечусь,
Потом гондон сниму и подрочусь,
И расскажу я всем, что Хунь — мудрец,
Когда советует беречь конец.

Что б исполнять совет мадам Мандай:
Сначала кончь сто раз — потом слезай!

ДЕВОЧКИ НЕ ЦЕЛОЧКИ

Входите, мои девочки,
Снимайте свои мелочи,
Я рад тебе, брюнеточка Маринка!
Пока сижу я в нужнике,
Представь меня подруженьке,
А то уж у меня трещит ширилка!

Бонжур, моя кукусенька,
Похожая на пупсика,
Позволь тебя лизнуть пониже пупика!
Ты пожалей несчастного,
Прими в объятья страстные,
Не доводи любовь мою до трупика!

Через трусов решёточку
Я вижу чудо — шёточку,
И я готов, забыв про всё на свете,
Погладив твою попочку,
И опрокинув стопочку,
Тебе впихнуть мохнатенького «Петю»

Но вот слетели трусики
У малолетних пупсиков,
И страсть моя мудишками задвигала..
Мариночка — глупышечка
Мне щекотала шишечку,
А Олечка на ней в восторге прыгала.

Проснулся я весь голенький,
Мне зад целует Олесяка,
А рядом кое-что сосёт Марина,
Лежу, довольно хрюкаю
И от восторга пухаю,
И стала жалкой тряпочкой елдина.

Я слышу ваши стончики
Прожорливых дракончиков,
Но не могу я сутками сношаться,
Не мучьте меня, бабоньки,
К утру я очень слабонький,
Позвольте хоть немного отоспаться!

ЗАДРОЧЕННЫЙ

Тёмной ночио,
Весь задроченный,
Без штанишек печально брожу,
Охуяченный,
Омудаченный,
Словно в жопе засохшей сижу

Где ты, девочка,
С нежной целочкой,
Ну зачем ты сбежала домой?
Испугалася,
Обоссалася,
Увидав мой долбильник большой

Я под тучею
Сохну кучею,
Навсегда потеряв аппетит,
А мой верный друг,
Ошалев от мук,
Между ног словно мачта торчит

Гаснет лунный свет,
А её всё нет,
Но как прежде я грустно брожу,
Потеряв покой
И дроча рукой,
От расстройства я громко пержу

Каблучки стучат,
И ко мне летят
Стайки девочек, словно в **кино**,
Слышу страшный мат —
Они мне кричат,
Что я очень большое говно.

Бабы не простят,
Что муде висят,
Что в ладошку я кончил **давно**.

ПАРОДИИ

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Мой дядя — самых честных правил.
Когда не в шутку занемог —
Кобыле так с утра заправил,
Что дворник вытащить не мог

Его пример — другим наука
Что жизнь? Не жизнь — сплошная мука!
Всю жизнь работаешь, копишь,
И недоешь, и недоспишь.
Ан нет! Готовит снова рок!
Последний жесткий свой урок.

Итак, хана приходит дяде.
(Служанки этим сильно рады.)
И в мысли мрачны погружен,
Лежит на смертном одре он.

А в этот столь печальный час
В деревню вихрем к дяде мчась,
Ртом жадным к горлышку приник
Наследник всех его сберкниг.

Племянник. Звать его Евгений.
Он, не имея сбережений,
В какой-то должности служил
И милостями дяди жил.

Евгения почтенный папа
Каким-то важным чином был.
Он осторожно, в меру хапал,
И много тратить не любил.

Но все же как-то раз увлекся.
Всплыло, что было, и что нет...
Как говорится, папа спекся.
И загудел на десять лет.

А будучи в годах преклонных,
Не вынеся волнений оных
В одну неделю захирел,
Пошел в сортир — и околел.

Мамаша долго не страдала —
Такой уж женщины народ.
«Я не стара еще, — сказала, —
Пусть подыхает сей урод!»
И с тем дала от сына ходу.
Уж он один живет два года.

Евгений был практичен с детства.
Свое неверное наследство
Не тратил он по пустякам.
Пятак слагая к пятакам.

Он был глубокий эконом —
То есть, умел судить о том,
Зачем все пьют и там, и тут,
Хоть цены все у нас растут.

Любил он трахаться — и в том
Не знал ни меры, ни числа.
Друзья к нему взывали — где там!
Душа потрахаться звала!

Бывало, на балу, танцуя,
В смущены должен был бежать:
Не мог несчастный он, ликуя,
Девицу в страхе удержать.

И ладно б, если б все кончалось
Без шума, драки, без скандала.
А то ведь получал, красавец,
За баб от каждого нахала.

Да только все без проку было:
Лишь оклемается едва —
И ну пихать свой мотовило
Всем, будь то девка, иль вдова.

Сношаемся мы понемногу
Уж где-нибудь, да как-нибудь
И траханьем уж, слава Богу,
У нас не запросто блеснуть.

Но поберечь не вредно семя.
Член к нам одним концом прирос!
Тем более что в наше время
Так на него повышен спрос!

Но — ша. Я, кажется, зарвался.
Прошения у вас прошу.
И к дяде, что один остался,
Вернуться с вами поспешу.

Ах, опоздали мы немного —
Старик уже в бозе почил.
Ну, мир ему. И слава Богу,
Что завещанье настрочил.

Вот и наследник мчится лихо,
Как за блондинкою грузин...
Давайте же мы выйдем тихо —
Пускай останется один.

Ну, а пока у нас есть время,
На злобу дня поговорим.

Так что я там писал про семя?
...Попозже мы займемся им.

Не в этом зла и бед причина —
От баб страдаем мы, мужчины.
Что в бабах прок? — одна бурда!
Да и она не без вреда!

И так не только на Руси:
В любой стране о том спроси:
«Где бабы, — скажут, — быть беде!
Шерше ля фам — ищи! Но где?!»

Где бабы — ругань, пьянка, драка.
Но лишь ее поставишь раком,
Концом ее перекрешишь —
И все забудешь, все простишь.

Да только член прижмешь к ноге —
И то уже порой — эге!
А ежели еще минет!
А ежели еще....Но нет.
Черед и этому придет,
А нас пока Евгений ждет.

Но тут насмешливый читатель,
Возможно, мне вопрос задаст:
«Ты с бабой сам лежал в кровати?
Иль, может быть, ты педераст?
Иль, может, в бабах не везло,
Коль говоришь, что в них все зло?»

Его без гнева и без страха
Пошлю интеллигентно на хрен.
Коль он умен — меня поймет,
А коли глуп — так пусть идет.

**Я сам люблю, к чему скрывать,
С хорошей бабою кровать.**

Но баба бабой остается,
Но не всегда мне достается...

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.
Он в первый день, без рассуждений
В кусты крестьянку поволок.

И, преуспев там в деле скором,
Спокойно вылез из куста,
Обвел свое именье взором,
Вздохнул и молвил: «Красота!»

Один среди своих владений,
Чтоб время с пользой проводить
Решил в то время наш Евгений
Такой порядок учредить:

Велел он бабам всем собраться,
Пересчитал их лично сам,
Чтоб легче было разобраться,
Переписал их по часам.

Бывало, он еще в постели
Не сполоснув еще лица,
А под окно уж баба, в теле.
Ждет, не дождется, у крыльца.

В обед — еще, и в ужин — тоже.
Да кто ж такое стерпит, Боже!
А наши герой, хоть и ослаб,
Сношает днем и ночью баб.

В соседстве с ним, и в ту же пору
Другой помещик проживал.
Но тот такого бабам пору,
Как наш приятель, не давал.

Звался сосед — Владимир Ленский.
Приезжий был, не деревенский.
Красавец, в полном цвете лет,
Но тоже свой имел привет.

Похуже баб похуже водки.
Не дай вам Бог такой находки,
Какую сей лихой орел
В блатной Москве себе обрел.

Он, избежав разврата света,
Затянут был в разврат иной —
Его душа была согрета
Наркотика струей шальной.

Ширялся Вова понемногу,
Но парнем славным был, ей-богу.
И на природы тихий лон
Явился очень кстати он.

Ведь наш Онегин в эту пору
От траханья уж изнемог.
Лежит один, задернув шторы.
И уж смотреть на баб не мог.

Привычки с детства не имея
Без дел подолгу пребывать,
Нашел другую он затею:
И начал крепко выпивать.

Что-ж, выпить в меру — худа нету,
Но наш герой был пьян до свету.
Из пистолета в туз лупил,
И, как верблюд в пустыне, пил.

О! Вина, вина! Вы давно ли
Служили идолом и мне.
Я пил подряд: нектар, «Боржоми»
И думал: истина — в вине!

Ее там не нашел покуда
 И сколько не пил — все вотще,
 Но пусть не прячется, паскуда,
 Найду, коль есть она вообще!

Онегин с Ленским стали други:
 В часы свирепой зимней выюги
 Подолгу у огня сидят,
 Ликеры пьют, икру едят.

Но тут Онегин замечает,
 Что Ленский как-то отвечает
 На все вопросы невпопад
 И уж давно смотаться рад,
 И пьет уже едва-едва.
 Послушаем-ка их слова:

- Куда, Владимир, ты уходишь?
- О да, Евгений, мне пора!
- Постой, с кем время ты проводишь?
 Скажи, ужель нашлась дыра?
- О да! Ты прав Но только, только...
- Ну, шаровые, ну народ!
 Как звать чувиху эту? Ольга?
 Что? Не дает? Как не дает?!

Знать, ты неверно, братец, просиши.
 Постой, ведь ты меня не бросишь
 На целый вечер одного?
 Ха-ха! Добьемся своего!

Скажи, там есть еще одна?
 Родная Ольгина сестра?!

Сведи меня.

- Ты шутиши?
- Нет. —
- Ты будешь трахать ту, я — эту.

Так что-ж, мне можно собираться?
И вот друзья уж рядом мчатся.

Но в этот день мои друзья
Не получили ничего,
За исключеньем угощенья.
И, рано испросив прошенья,
Летят домой дорогой краткой.

Мы их послушаем украдкой:
— Ну, как у Лариных?
— Фигня! Напрасно поднял ты меня.
Я трахать никого не стану,
Тебе ж советую Татьяну.

— Но почему?
— Эх, друг мой, Вова,
Баб понимаешь ты фигово!
Владимир сухо отвечал,
А после во весь путь молчал.

Домой приехал, принял дозу.
Ширнулся, сел и загрустил,
Одной рукой стихи строчил,
Другою... делом занимался...

Меж тем развратников явленье
У Лариных произвело
На баб такое впечатленье,
Что у сестер живот свело.

Итак, она звалась Татьяной.
Грудь, ноги, попка без изъяна.
И этих ног счастливый плен
Мужской еще не ведал член.

А думаете не хотела
Она попробовать конца?

Хотела так, что а ж потела
И изменялася с лица.

И все же, несмотря на это,
Благовоспитана была.
Романы про любовь искала
Читала их, во сне летала,
И нежность строго берегла.

Не спится Тане, враг не дремлет,
Любовный жар ее объемлет.
— Ах, няня, няня, не могу я!
Открой окно, зажги свечу...
— Ты что, дитя?
— Хочу я члена,
Онегина скорей хочу!

Татьяна утром рано встала,
Прическу модно начесала,
И села у окошка сечь,
Как Бобик Жучку будет влечь.

А Бобик Жучку шпарит раком!
Чего бояться им, собакам?
Лишь ветерок в листве шуршит
А там, глядишь, и он спешит...

И думает во мленьи Таня:
«Как это Бобик не устанет
Работать в этих скоростях?»
Так нам приходится в гостях
Или на лестничной площадке
Кого-то трахать без оглядки.

Вот Бобик кончил, с Жучки слез —
И вместе с ней умчался в лес.
Татьяна ж у окна одна
Осталась, горьких дум полна.

А что ж Онегин? С похмелюги
Рассола выпил целый жбан.
Нет средства лучше. Верно, други?
И курит стоптанный долбан.

О долбаны, бычки, окурки!
Порой, вы слаще сигарет!
Мы ведь не ценим вас, придурки,
Иль ценим вас, когда вас нет.

Во рту говно, курить охота,
В кармане только пятачок,
И тут в углу находит кто-то
Полураздавленный бычок.

И крики радости по праву
Из глоток страждущих слышны.
Я честь пою, пою вам славу
Бычки, окурки, долбаны!

Еще кувшин рассолу просит,
И тут письмо служанка вносит.
Письмо Онегин написал —
Татьяну на свиданье звал.

Себя не долго Женя мучил
Раздумьем тягостным, и вновь,
Так как покой ему наскучил,
Вином в нем заиграла кровь.

В мечтах Татьяну он представил,
И так, и сяк ее поставил...
Решил: «Сегодня ввечеру
Сию Татьяну отдеру!»

День пролетел, как миг единый.
И вот Онегин уж идет.
Как и установлено, в старинный
Тенистый парк. Татьяна ждет.

Минуты две они молчали...
Подумал Женя: «Ну, держись!»
Он ей сказал: «Вы мне писали...»
И рявкнул вдруг: «А ну, ложись!!»

Орех, могучий и суровый,
Стыдливо ветви отводил,
Когда Онегин взгляд суровый
Из плена брюк освободил.

От ласк Онегина небрежных
Татьяна как в бреду была.
Шуршанье платьев белоснежных..
И, после стоноў неизбежных,
Свою невинность пролила.

Ну, а невинность — это, братцы,
Воистину, и смех, и грех.
Хоть, если глубже разобраться,
Надо разгрызть, чтоб съесть, орех.

Но тут меня вы извините —
Изгрыз, поверьте, сколько мог.
Теперь увольте и простите —
Я целок больше не ломок.

Ну вот, пока мы здесь шутили,
Онегин Таню отдолбал,
И нам придется вместе с ними
Скорее поспешить на бал.

О, бал давно уже в разгаре.
В гостиной жмутся пары к паре.
И лик мужчин все напряжен
На баб всех, кроме личных жен.

Да и примерные супруги
В отместку брачному кольцу,

Кружась с партнером в бальном круге
К чужому тянутся концу.

В соседней комнате, смотри-ка!
На скатерти зеленой — сика.
А за портьерою в углу
Сношают бабу на полу.

Лакеи быстрые снуют,
В бильярдной все уже блюют,
Там хлопают бутылок пробки...
Татьяна же, одернув юбки,
Наверх тихонько поднялась,
Закрыла дверь и улеглась.

В сортир летит Евгений сходу.
Имел он за собою моду
Усталость тела душем снять,
Что нам не вредно б перенять.

Затем к столу Евгений мчится.
И надо же беде случиться —
Владимир с Ольгой за столом.
Беседуют о том, о сем.

Он к ним идет походкой чинной,
Целует руку ей легко;
— Здорово, Вова, друг старинный!
Je veus nome preaux, бокал «Клико»!

Бутылочку «Клико» сначала,
Потом «Зубровку», «Хванчару»
И через час уже шатало
Друзей, как листья на ветру.

А за бутылкою «Особой»
Онегин, плюнув вверх икрой,
Назвал Владимира: «Убогий!»
А Ольгу — «драною дырой».

Владимир, поблевав немного,
Чего-то стал орать в пылу.
Но, бровь свою насупив строго,
Сказал Евгений: «Пасть порву.»

На этом я хочу закончить
Без заключенья сей роман.
И не судите очень строго,
Пока, друзья! Шерше ля фамм!

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Пародия

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Рукопись этой пародии попала ко мне случайно. В 1987 году, в разгар горбачевской битвы с так называемым «алкоголизмом» и с виноградной лозой, я отдыхал в Сочи в санатории имени Орджоникидзе. Там познакомился с одним чиновником из Министерства угольной промышленности СССР — человеком молодым, общительным и интересным. О таких говорят: «Душа компании!» Вот он-то и дал мне эту вещь переписать.

Переписать на курорте? У моря? В бархатный сезон, где женщины почти раздетые разгуливают по пляжам? Ха-а!

Только дома вспомнил я о рукописи, разбирай чемодан. А потом, «в тревоге мирской суеты» и творческих заботах, и вовсе позабыл о ней...

Но вот пришло, настало такое время: нет Душительницы Цензуры, благодаря чему многое, запрещенное ранее, издано и издается сегодня новыми издателями — слава им!

Я, пишущий на темы эротики, порылся в своих бумагах и нашел эту пародию — лохматую, местами безграмотную, с ритмическими сбоями и т.д. И взялся за нее: «причесал», разбил на главы, отредактировал, не меняя авторского смысла всей вещи. Вот тут-то читатель вправе спросить меня: «А кто же автор?» Сколько я ни бился — не смог установить! И взял на себя смелость, пользуясь моментом, опубликовать это неожиданно интересное произведение. И, уверен: любители эротической поэзии скажут мне и издателю: «Спасибо!»

*Виктор Яковченко, член Московского отделения
Союза писателей РФ.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мой дядя самых, честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Кобыле так с утра заправил,
Что дворник вытащить не смог.
Его пример — другим наука:
Коль есть меж ног такая штука,
Не суй её кобыле в зад, —
Как дядя, сам не будешь рад!
С утра, как Зорьке он заправил, —
Инфаркт! Инфаркт его хватил.
Он завещание составил:
Всего лишь четверть прокутил.
Опять пример — всем нам наука,
Что жизнь — не в жизнь, сплошная мука:
Как мерин пашешь, всё копиши,
И недоешь, и не доспиши!..
И, кажется, достиг всего ты,
Пора оставить все заботы,
Жить в удовольствие начать —
И покутить, и погулять...
Ан, нет! Готовит подлый рок
Последний, жесткий, свой урок:
Таков, увы, закон Природы —
Ебут самих нас в гузно годы...
Лежишь — никто и не заглянет,
Согнулся вялым лыком хуй.
И как над ним ты не колдуй,
Он никогда уже не встанет.
Начнешь ты кашлять и дристать,
И пальцем в жопе ковырять.
И будь ты Лидер иль Герой —
Заткни свой

хуем
геморой...

Итак, пиздец приходит дяде —
Навек прощайте, водка, бляди.
Да, в мысли мрачны погружен,
Лежит на смертном одре он.
И в этот, столь печальный час,
В деревню вихрем к дяде мчась,
Ртом жадным к горлышку приник
Наследник всех его сберкниг:
Племянник. Звать его Евгений.
Он, не имея сбережений,
В какой-то должности служил
И милостями дяди жил.
Евгения почтенный папа
Каким-то важным чином был.
Он осторожно, в меру, хапал
И много тратить не любил.
Но все же, как-то раз увлекся:
Всплыло что было и что нет —
В одно мгновенье папа спёкся
И загудел на десять лет.
А будучи в годах преклонных,
Не вынеся волнений оных,
В одну неделю захирел,
Пошел посрать — и околел...
Мамаша долго не страдала
(Такой уж женщины народ!)

«Я не стара еще! — сказала. —
Я жить хочу, ебись всё в рот!»
И с тем дала от сына хода —
Уж он один живёт два года...

Евгений был практичен с детства.
Свое мизерное наследство
Не тратил он по пустякам:
Пятак ложился к пятакам.
Он был великий эконом,
То есть, умел судить о том,

Зачем все пьют и там, и тут,
 Хоть цены всё у нас растут.
 Любил он тулиться, и в этом
 Не знал ни меры, ни числа,
 Друзья к нему взывали. Где там!
 А хуй имел, как у осла!
 Бывало, на балу танцуя,
 В смущеньи должен был бежать.
 Его трико давленье хуя
 Не в силах было удержать.
 И ладио, если б всё сходило
 Без шума, драки, без беды,
 А то ведь получал, мудило,
 За баб не раз уже пизды,
 Да только всё без проку было:
 Лишь оклемается едва,
 И ну пихать свой мотовило
 Всем — будь то девка иль вдова...
 Мы все ебёмся понемногу
 И где-нибудь, и как-нибудь,
 Так что поебкой, слава богу,
 У нас не запросто блеснуть.
 Но поберечь не вредно семя,
 Член к нам одним концом прирос!
 Тем паче, что и в наше время
 Так на него повышен спрос.
 Но — ша! Я, кажется, заврался,
 Прощения у вас прошу
 И к дяде, что один остался,
 Явиться с вами поспешу...
 Ах, опоздали мы немного:
 Старик уж в бозеньке почил.
 Так мир ему! И, слава Богу,
 Что завещанье настрочил.
 И вот, наследник мчится лихо,
 Как за блондинкою грузин.

Давайте же мы выйдем тихо:
Пускай останется один.
Ну, а пока у нас есть время,
Поговорим на злобу дня.
Так что я там пиздил про семя?
Забыл! Но это всё хуйня.
Не в этом зла и бед причина —
От баб страдаем мы, мужчины.
Что в бабах толку? Лишь пизда,
Да и пизда не без вреда.
И так не только на Руси,
В любой стране о том спроси:
Где баба, скажут, быть беде —
Шерше ля фам иши в пизде.
От бабы ругань, пьянки, драка,
Но лишь её поставишь раком,
Концом её перекрешишь —
и все забудешь, всё простишь.
Да, только член прижмёшь к ноге,
и то уже «Ту аль монд э го».
А ежели еще минет,
А ежели еще.. Но — нет,
Черёд и этому придет...
А нас уже Евгений ждет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деревня, где скучал Евгений,
Была прекрасный уголок.
Он в тот же день, без промедлений,
В кусты крестьянку поволок.
И, преуспев там в деле спором,
Спокойно вылез из куста.
Обвел свое именье взором,
Поссал и молвил: «Красота!»
Один среди своих владений,

Чтобы время с пользой проводить,
 Решил настойчиво Евгений
 Такой порядок учредить:
 Велел он бабам всем собраться,
 Пересчитал их лично сам,
 Чтобы было легче разобраться,
 Переписал всех по часам.
 Бывало, он еще в постели,
 Спросонок чешет два яйца,
 А под окном уж баба в теле
 Ждет с нетерпением у крыльца.
 В обед — еще и в ужин — тоже.
 Да кто ж такое стерпит, Боже?
 А наш Герой хоть и ослаб, —
 Ебет и днем и ночью баб...
 В соседстве с ним, и в ту же пору,
 Другой помещик проживал.
 Но тот такого бабам пору,
 Как наш приятель, не давал.
 Звался сосед Владимир Ленский:
 Столичный был, не деревенский —
 Красавец в полном цвете лет,
 Но тоже свой имел «привет»:
 Похуже баб, похуже водки —
 Не дай нам Бог такой походки,
 Какую сей лихой орёл
 В блатной Москве себе обрел:
 Он, избежав разврата Света,
 Затянут был в разврат иной —
 Его душа была согрета
 Наркотика струей шальной.
 Ширялся Вова понемногу,
 Но парнем славным был, ей-богу!
 И на природы тихий лон
 Явился очень кстати он.
 А наш Евгений в эту пору

От ебли частой изнемог,
Лежал один, задёрнув штору,
И уж смотреть на баб не мог.
Привычки с детства не имея
Без дел подолгу пребывать,
Нашел другую он затею:
Он начал крепко выпивать.
Что ж, выпить в меру — худа нету!
Но наш Герой был пьян до свету.
Из пистолета в туз лупил
И, как верблюд в пустыне, пил..
О вина, вина, вы давно ли
Служили идолом и мне?
Я пил подряд нектар, говно ли,
И думал: «Истина в вине!» —
Её там не нашел покуда.
И сколько не пил — всё вотще.
И пусть не прячется, паскуда, —
Найду, коль есть она вообще...
Онегин с Ленским стали други:
В часы свирепой зимней выюги
Подолгу у огня сидят,
Ликёры пьют, за жизнь пиздят.
Но тут Онегин замечает,
Что Вовка Ленский отвечает
На все вопросы невпопад
И уж скорее сдуться рад.
И пьет уже едва, едва,
Послушаем-ка их слова:
— Постой, с кем время ты проводишь?
Или меня ты за нос водишь?
Скажи: ужель нашлась дыра? —
Тогда и мне искать пора!
— Ты угадал! Но только, только...
— Ну, тары-бары! Ну, народ!
Как звать чувиху эту?

— Ольга!

— Что, не даёт?

— Как не даёт?

— Ты, знать, не сильно, братец, просиши.

Постой, ведь ты меня не бросишь

На целый вечер одного?

Не ссы: добьемся своего!

Скажи: там есть еще одна:

Сестрица Ольги? Пусть бедна —

Сведи меня!

— Ты шутишь? Нету!

— Ты будешь тулить ту, я — эту.

Так что ж, мне можно собираться?.

И вот друзья уж рядом мчатся.

Но в этот день мои друзья

Не получили ни хуя,

За исключеньем угощенья.

И, рано попросив прошенья,

Летят домой дорогой краткой —

Мы их послушаем украдкой:

— Ну что, у Лариных хуйня?

— Напрасно поднял ты меня!

Ебать я никого не стану,

Тебе ж советую — Татьяну.

— Пошто так, милый друг мой Вова,

Баб понимаешь ты хуево.

Когда-то, в прежние годы,

И я ёб всех — была б пизда!

С годами гаснет жар в крови:

Теперь ебу лишь по любви...

Владимир сухо отвечал,

А после, во весь путь, молчал...

Меж тем двух ёбарей явленье

У Лариных произвело

На баб такое впечатленье,

Что у сестёр пизду свело.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Итак, она звалась Татьяной!
Грудь, ноги, жопка — без изъяна.
И этих ног счастливый плен
Мужской еще не видел член.
Вы думаете: не хотела
Она попробовать конца?
Хотела так, что аж потела
И изменялася с лица!
Но всё же, всё же... благовоспитанной была:
Романы про любовь искала,
Читала их, во сне спускала,
Но целку строго берегла...

.....

Татьяна утром рано встала,
Пизду об лавку почесала
И села у окошка сечь,
Как Бобик Жучку будет влечь.
А Бобик Жучку шпарит раком,
Чего бояться им, собакам?
Лиши ветерок в листве шуршит
И улететь скорей спешит...
И думает с волненьем Таня:
Как это Бобик не устанет
Работать в этих скоростях?..
Так нам приходится в гостях
Или на лестничной площадке
Кого-то тулить без оглядки...
Вот Бобик кончил, с Жучки слез —
И вместе с ней умчался в лес.
Татьяна у окна — одна
Осталась, горьких дум полна.
А что ж Онегин? С похмелюги
Рассолу выпил целый жбан,
(Нет средства лучше, верно, други?)

И курит топтанный долбай,
 О долбаны, бычки, окурки,
 Порой вы слаще сигарет.
 Но мы не ценим вас, придурыки,
 И ценим — лишь когда вас нет.
 Во рту — говно, курить охота,
 А денег только пятачок.
 И вдруг в углу находит кто-то
 Полураздавленный бычок.
 И крики радости, по праву,
 Из глоток страждущих слышны!
 Я честь пою, пою вам славу —
 Бычки, окурки, долбаны!

.....

Ещё кувшин рассолу просит.
 И вдруг письмо служанка вносит.
 Он распечатал, прочитал, —
 Конец в штанах мгновенно встал.
 Себя недолго Женя мучил
 Раздумьем тягостным, и вновь,
 Так как покой ему наскучил,
 Вином в нем заиграла кровь.
 В мечтах Татьяну он представил:
 И так, и сяк её поставил,
 Решил: сегодня ввечеру
 Сию Татьяну отдеру.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

День пролетел, как миг единый.
 И вот Онегин уж идет,
 Как и условленно, в старинный
 Парк: да, туда, где Таня ждет.
 Минуты две они молчали.
 Подумал Женя: «Ну, держись!»
 И молвил: «Вы ко мне писали?»

И гаркнул вдруг: «А ну, ложись!..
Орех могучий и суровый
Стыдливо ветви отводил,
Когда Онегин хуй багровый
Из плена брюк освободил.
От ласк Онегина небрежных
Татьяна как в бреду была.
Шуршанье платьев белоснежных.
И после стонов неизбежных
Свою невинность пролила.
Ну, а невинность эта, братцы,
Уж истинно, и смех и грех.
Хотя, поглубже разобраться —
Надо разгрызть, чтоб съесть орех.
Но, право, други, как хотите,
Грыз уж, поверьте, сколько мог
Теперь увольте и простите —
Я больше целок не ломок!
На этом месте вопрошаю
Я, живший век, ебёна мать:
Ведь должен кто-то их ломать?
Я никого не осуждаю!..
Но оправданья не ищите,
Коль вы внимательно следите
За всем развитием главы,
Поймете всё и сами вы.
Но — полно: спор пока ведётся,
Евгений Таню отдолбал.
И вместе нам теперь придется
За ними поспешить на бал...
О бал! Уже давно в разгаре:
В гостиной жмутся пара к паре,
И член мужчин всех напряжен
На баб всех, кроме личных жён!
Да и примерные супруги,
Вертаясь с партнёром в бальном круге,

В отместку брачному кольцу,
 К чужому тянутся концу.
 В соседней комнате, смотри-ка:
 Над скатертью зеленой — сика¹,
 А за портьерою, в углу,
 Ебут кого-то на полу.
 Лакеи быстрые снуют:
 В бильярдной так уже блюют!
 Здесь хлопают бутылок пробки...
 Татьяна же, после поёбки,
 Наверх тихонько пробралась,
 Прикрыла дверь и улеглась...
 Спешит в сортир Евгений сходу:
 Имел он за собою моду
 Усталость ебли душем снять,
 (Что нам не дурно б перенять!)

Затем к столу Евгений мчится.
 И надобно ж, друзья, случиться:
 Владимир с Ольгой за столом,
 И хуй, естественно, колом.
 Он к ним спешит походкой чинной,
 Целует руку ей легко.
 «Здорово, Вова, друг старинный!
 Дэлобъен при — бокал «Клико»!
 Затем поргвейн, гнилушки чары,
 Короче, к вечеру качало
 Друзей, как листья на ветру,
 Как после ебли поутру.
 А за бутылкою «особой»
 Онегин, плюнув вверх икрой,
 Назвал Владимира «разъебой»,
 А Ольгу — «ссаною дырой»!
 Владимир, побледнев немного,
 Чего-то стал орать в пылу.

¹ Карточная игра

Но, бровь свою насупив строго,
Спросил Евгений: «По еблу?»
Хозяину, что вдруг нагрянул,
Сказал: «А ты пойди поссы!»
Потом на Ольгу пьяно глянул
И снять с неё решил трусы.
Сбежались гости. Наш кутила,
Чтобы толпа не подходила,
Достал карманный пистолет —
Толпы пропал мгновенно след!
А он, красив, могуч и смел,
Её меж рюмок поимел.
Затем зеркал побил немножко,
Прожег сигарою диван,
Из дома вышел, крикнул: «Прошка!»
И уж сквозь храп: «Домой, болван!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ночь. Снежный вихрь во тьме кружится,
В усадьбе светится окно —
Владимир Ленский не ложится:
Он занят думою одной.
И под свистящий ураган
Дуэльный чистит свой наган.
«Онегин — сука, блядь, говно,
Козёл, разъёба, хуй, зараза!»
Дуэль! До смерти: решено —
Взойдёт лишь солнце — драться сразу!..
В веселых красках солнце встало.
Во рту с похмелья стыд и срам.
Онегин встал, раскрыл ебало
И выпил водки двести грамм.
Звонят. Слуга к нему вбегает,
Надеть рубашку предлагает,
На шею Жене — черный бант.
Дверь настежь — входит секундант!

Не стану приводить слова...
Не дав пизды ему едва,
Кричит Онегин, что придёт:
У мельницы пусть, сука, ждёт!..
Поляна белым снегом крыта.
Да, здесь всё будет шито-крыто!
Забиты колья по краям,
Теперь враги, вчера — друзья.
И так спокойно, без волнений,
«Мой секундант, — сказал Евгений, —
Вот он, мой друг, месье Шертрёз».
Становятся меж двух берёз.
Мириться? На хуй эти штучки!
«Наганы взять прошу я в ручки» —
Промолвил секундант — и вслед
Евгений поднял пистолет.
Он на врага глядит сквозь мушку,
Владимир тоже поднял пушку
И не куда-нибудь, а в глаз
Наводит дуло, пидарас.
Евгения менжа схватила,
Мелькнула мысль: «Убьёт, мудило!
Но — ни хера, дружок, дай срок».
И первым свой спустил курок!
Упал Владимир, взгляд уж мутный,
Как будто полон сладких грёз.
И после паузы минутной
«Пиздец!» — сказал, месье Шертрёз..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Весна для нас — сплошная мука:
Будь хром ты, крив или горбат —
Лишь снег сойдёт, и к солнцу штука.
А в яйцах звон! Где звон? — Набат!

Прекраснейшее время года,
Душа гитарою поёт.
Преображает нас природа:
У стариков и то встаёт!..
Лист клейкий в пальцах разотрите,
Дела забросьте все свои,
Все окна — настежь, посмотрите:
Ебутся лихо воробы!
Вокруг нее крик-скок, по кругу,
Все перья — дыбом, бравый вид!
Догонит милую подругу —
И раком, раком норовит.
Весной, как всем, друзья, известно,
Влупить мечтает каждый скот.
Но краше всех, признаться честно,
Ебётся в это время кот.
О сколько страсти, сколько муки,
Могучей сколько простоты!
Коты поют, и эти звуки
Своим подругам шлют коты.
И в схватке ярой рвут друг друга —
В любви сильнейший только прав!
Лишь для него стоит подруга,
Свой хвост с готовностью задрав.
И он придёт, окровавленный, —
То право он добыл в бою!
Покровы прочь: он под Вселенной
Подругу выдерет свою.
Нам аллегории не внове.
Но всё ж скажу, при всем при том,
Пусть не на крыше и без крови,
Но не был кто из нас котом?
И пусть с натяжкою немножко,
Но в каждой бабе есть и кошка.
Вам пересказывать не стану
Я всех подробностей. Скажу

Лишь только то, то, что Татьяну
 Одну в деревне нахожу.
 А Ольга? Что ж, натуры женской
 Не знал один, должно быть, Ленский:
 Ведь не прошел ещё и год,
 А Ольгу уж другой ебёт!
 Оговорюсь: другой стал мужем.
 Но не о том, друзья, мы тужим —
 Знать, так назначено судьбой.
 Прощай же, Ольга, бог с тобой!..
 Затягивает время раны,
 Но не утихла боль Татьяны,
 Хоть уж не целкою была,
 А дать другому не могла.
 Онегина давно уж нету —
 Бродить пустился он по свету.
 По слухам, где-то он в Крыму —
 Теперь всё по хую ему!..
 «Но замуж как-то нужно, всё же,
 Не то — на что это похоже?
 Ходил тут, девку отодрал,
 Дружка убил да и удрал». —
 Твердила мать. И без ответа
 Не оставались те слова:
 Приблизилось лишь только лето —
 И вот нагружена карета,
 А впереди — Москва... Москва...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дороги! Мать твою налево:
 Кошмарный сон, верста к версте...
 О Александр Сергеич, где Вы?
 У нас дороги — ещё те!
 Лет чрез пятьсот дороги, верно,
 У нас изменятся безмерно,

Так ведь писали, помню, Вы?
Увы! Вы, видимо, правы!..
Что там Лондоны и Парижи,
Что Штаты, плёсы, авеню?
Россия мне дороже, ближе —
Я ей вовек не изменю!
Зачем скрывать, что всем известно?
В Москве есть много чудных мест
Но я, друзья, признаюсь честно:
Известен мне один подъезд.
Быть может, что мое писанье
В такие руки попадёт,
Что эти строки с содроганьем
Прочтет читатель, коль дойдет
Не надо морщиться, не надо
И ложных выдвигать идей.
Подъезда этого ограда
Великих видела людей
Пусть «через шею»¹, а закуской
Рукав служил порою нам,
И счастлив был в той келье русской
И благодарен тем стенам!.
... Да, жизнь я с шахматной доскою
Сравню. И только ли свою?
Миг — в черной клетке я с тоскою,
Миг — и уж в белой я стою.
Во тьме годов цвет черный тает,
А белый долго глаз хранит.
Поэтому всё улетает
Назад, все в прошлое летит
Ошибку нашу мы исправим
И путь к Татьяне свой направим,
Затем, что ветер сладких грёз
Нас далеко уже занес

И рад бы обойтись без мата,
Но дело, видно, хуевато:
Село глухое и — Москва:
У Тани кругом голова.
В деревне новый ёбарь — это
Затменье, буря, конец света.
Здесь ёбарей, как в суке блох:
Кишат и каждый, бля, не плох.
Ей комплимент за комплиментом
Здесь дарят (мечутся не зря!)
И, ловко пользуясь моментом,
Ебут глазами втихаря.
Один глядит едва, с украдкой,
Другой — в открытую, в упор,
Походкой мимо ходит краткой,
В углу давно и гул, и спор:
— Да, я б влупил ей, господа!
— Нет, чересчур она худа.
— Так что же, я худых люблю
И этой, верно уж, влуплю.
— Нет, эту вам не уломать!
— Так что ж, я лгу, ебёна мать?
— Посмотрим!
— Хули там, смотри!
Так что же, господа, пари?
Вы принимаете, корнет?
Я захочу, так и минет
Она возьмёт, чёрт побери!
— Так что, пари?
— Держу пари!
Вы искушаете судьбу!
— Через неделю я ебу!
— Минет! Минет! А если нет?
— А если нет — всё отдаю
И целый месяц вас пою...
— Что ж, вызов принят! По рукам!
Дворецкий, дайте-ка стакан!.

Вас рады видеть, милый граф,
Вы опоздали: просим штраф!
— Виват! До дна, мой граф, до дна!
— Скажите, граф, а кто она?
Вон, у колонны. Нет, не та!
Та, что скромна так и проста.
— А, эта? Ларина, корнет:
Впервые появилась в свет!
Что, хороша?
— Да, хороша!
— Но там не светит ни шиша...
— Поручик, слышите?
— Мандёшь!
Умело если подойдёшь...
Но — тсс... друзья, не разглашать!
Пора на танец приглашать!..
Гремит мазурка на весь зал.
Друзья, как я уже сказал,
Что непривычен Тане был
Кутёж московский, жар и пыл.
Поручик же был хват и фат
И пили за него виват!
Не в первый раз такие споры
Он заключал и побеждал.
Черны усы и звонки шпоры —
Виктории он лёгкой ждал...
Читателя томить не стану:
Она пришла. Да, да, Татьяну
Обгуливал недолго он:
Был хитр, как змей, силён, как слон.
Споил, завел в укромный уголок,
Отделал дважды и в казарму уволок...

.....

На этом — кончен мой рассказ,
Друзья! А в следующий раз...

Ан, нет!.. Во-о-н, подлый критик злые
ушки

Уж держит, сука, на макушке:
Чтобы опять меня туда,
Где хлеб, решётки и вода —
Мол, опорочен Гений-Пушкин
И смысл поэмы искажен...
Я не полезу на рожон!
Пусть этот критик и не бог,
Но он, жидок, зело опасен...
Читатель, я с тобой согласен:
Пусть член сосет себе, как йог,
Что преет в шанкре между ног
Адью! До следующего раза —
Да не пристанет к нам зараза!

СЦЕНА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

Лиза, молоденькая невеста 17-ти лет. Очень хорошенькая.

Ваня, жених 22-х лет.

Аксинья, няня, старуха 70-ти лет.

Действие происходит в хорошо убранной спальне, освещенной ночной лампой.

Лиза

(одна, в ночном наряде, держится за ручку двери в нерешительности — запереть или нет, обращается к другой комнате)

Ах, няня, няня! я запрусь,
Что маменька сказала мне.
Ах, Боже мой, как я боюсь,
Неужто это не во сне?

(Хватает себя за голову и поворачивает ключ.)

Няня

(входит)

Что ты, голубка, что с тобой?

Лиза
(со слезами)

Неужто муж сюда придет?
Что будет делать он со мной?

Няня

Э, вздор, поспит и прочь уйдет.

Лиза
(начиная раздеваться)

Ах, няня, нет, сказала мама,
Что завтра я уж буду дама,
Он что-то сделает со мной.

Няня

Ну что ж такое, Бог с тобой!

Лиза

Я слышала, что будет больно,
Что будет мне терпеть невмочь,
Что буду мучиться невольно,
Что это роковая ночь.

Няня

Вот насказали, это глупо,
Его ты любишь, он тебя,
На ласки будете не скучны,
И он все сделает шутя!

Лиза

Да что же все, скажи мне, няня,
Ведь ты же замужем была.
Неужто мой захочет Ваня,
Чтоб я со страху умерла.

Няня

Он поцелует раз пяточек,
Тебя к груди своей прижмет.
И в эту дырку с ноготочек
Свою он палочку воткнет.

(Показывает между ног полураздетой Лизе.)

Лиза

Откуда ж палочка такая?
Он раньше показать бы мог.

Няня

У всех мужчин уж есть такая.
И также носят между ног.

Лиза

А велика она бывает,
А входит она глубоко?

Няня

Да разные — и прах их знает.
Иные входят нелегко.

Лиза
(уже в постели)

А ты какую получила,
Как замуж вышла? — мне скажи,
Хоть так примерно покажи!

Няня
(увлекаясь воспоминаниями)

Мой муж-покойник бес был сущий,
Хоть ростом был немножко мал,
Но член имел такой большущий,
Что только к утру проломал.
Как бы вчера мне сон приснился,
Так помню все, хоть и давно,
Как он всем телом навалился
И всунул целое бревно.

Лиза
(вставая с постели)

Ах, няня, няня, что за страсти!
Неужто велики они?
Избавь меня от злой напасти,
В мою ты дырочку взгляни.

Няня
(опомнясь, щупает между ног Лизы)

Ах! Нет, голубка, успокойся,
Мой муж на все село такой
Один лишь был, а ты не бойся,
Лишь дырочку расправь рукой.

Слышится легкий стук в дверь.

Она достаточно велика.
Легко два пальца тут пройдут.

(Про себя.)

Борьба тут будет! ух Лизета!
А дырки просто нету тут!

Стук в дверь усиливается.

Ну что ж, впустить, голубка, что ли?
Ведь он страдает бедный там,
Ведь нет завидней вашей доли,
И как отрадно будет вам.

Лиза
(призывающим голосом)

Ах, няня, страшно... разик надо,
Скажи мне правду, потерпеть?

Няня

Клянусь, лишь раз, а там отрада,
Чтоб мне на месте умереть.

Лиза

Ах, няня, не уйди далеко,
Потом ведь, няня, ничего?
Зачем люблю я так глубоко?
Ах, няня, уж впусти его!

Ваня входит. Занавес опускается.

«ГОРЕ ОТ УМА»

Пародия на комедию

1

«Наш Чацкий, господа, с ума сошёл,
Сожрал кальсоны и насрал на стол.
Я часто вижу, как он поутру
Дрочит елдак в балконную дыру.
А утром девы юные идут,
Себя как институточки блюдут,
Глядят на небо — видят сущий ад:
То Чацкий им показывает зад.
А если вечер тёплый настаёт,
Наш Чацкий в двери скважину ебёт,
В ней кончает — портится замок...
Из-за того он дверь открыть не смог,
Когда приехала любовница его.
Ключ вмиг прилип — скандал был ого-го.
Любовница бежала со стыдом,
Когда он с горя пропердел весь дом...
Лакей его надел противогаз,
А сам он спрятался в старинный унитаз
И слёзы там с досады проливал,
Что еблю с пляской глупо прозевал».

Так Фамусов в салоне говорил
В тот день, когда монашку просверлил...
Потом с тоской на общество глядит
И, почесав муде, ему твердит,
Что он вообще — то в жопу всех ебёт,
А после к Софье под окно идёт.

2.

В окошке Софьи задница торчит
И очередью в папочку строчит.
И папочка у мадмуазель Мандуль
Под душем отмывается от пуль.
А Софья, поторчав ещё в окне,
Увидела, что жопа вся в говне,
Зовёт лакея жопу облизать,
В награду клитор дав пощекотать.
Лакей проворно к жопе подбежал
И, облизавши, вмиг защекотал.
Но Софья то почувствовала тут,
Что через жопу уж её ебут...
Пока лакей ей клитор щекотал,
Подкрался пёс и молча ей вставлял,
И Софья крикнула, кончая, «Ax»
И очутилась под окном в кустах,
А пёс, не кончив, не хотел страдать
И стал лакея в задницу ебать.

3.

Вдруг раздался из кустов страшный рёв...
Софья — к дому впопыхах без штанов,
Выбегает Скалозуб — задрочил,
Вмиг Молчалин на елду заскочил.
Хоть полковник Скалозуб
Жопы пробует на зуб,
Всё же раз пройдясь галопом
Он струхнул,
И Молчалин мокрожопый
Вмиг уснул.
А полковник Софью вслед материт,
Обещает, что минет смастерит.
Что б мудрее разрешить сей вопрос,
Софья сунула манду ему в нос.

Но веселый офицер Скалозуб
Вмиг поставил ей свой хер между губ.
Захотела возмутиться она,
Но уж больно-то головка вкусна.
И пока наш Чашкий грустно пердит,
А папаша Софьи в ванной сидит,
Софья жадно Скалозубу сосет,
И со стоном он кончает ей в рот.
А потом отвесив низкий поклон,
Обнимает он её за задон
И, губами впившись в клитор большой,
Отдаётся ей всею душой.

* * * * *

Тишина... И только Софья дрожит,
Беспрерывно кончая,
Рядом сонный Молчалин глядит,
Как весёлый полковник пердит,
От восторга икая.

Э. А. Абаза
М. Н. Лонгинов
Д. В. Мещеринов

ЕЩЕ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Косте Булгакову

Вот бред нелепо вдохновенный
Нелепо-милых прошлых дней,
Когда беспечный и влюбленный
Я пировал в кругу друзей.
Ты хочешь вспомнить, как, бывало,
«Руслана» глупые слова
Мое перо пересоздало
И охмелялась голова.
Прими ж поэму шутовскую,
Где все вранье, галиматья.
И вспомни молодость былую
Со всею прелестью ея.
Те дни, когда еще новинкой
«Руслан» наш несравненный был
И звуки, созданные Глинкой,
Невольно всякий затвердил.
Пускай состарили нас лета,
Судьбе спасибо и за то,
Что в нас жива способность эта
Не забывать, что прожито,
И, времени на посмеянье,
Мы в глубине души своей
Храним, как клад, воспоминанье
И пепел чувств минувших дней.

*Москва
17-го августа 1854*

ЕЩЕ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»
Волшебно-правдивая опера в 5-ти действиях

Музыка М. И. Глинки

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Святозар, В^{еликий} князь Киевский — Ф. Н. Обер, инспектор Театр^{ального} Уч^{илища}

Людмила, дочь его — собирательная воспитанница Т^{еатрального} У^{чилища}

Руслан, жених ее — собирательный театрал.

Ратмир, кн^{язь} Хазарский — М^{ихаил} Л^{ьвович} Невахович, отставной штабс-ротмистр.

Баян — К. А. Булгаков, л^{ейб}-г^{вардии} Московского полка подпоручик.

Горислава, пленница Ратмира — Т. П. Смирнова, 1-я танцовщица.

Финн, добрый волшебник — А^{лександр} Л^{ьвович} Невахович, начальник репертуарной части.

Наина, злая волшебница — Румянцева, классная дама Т^{еатрального} Училища.

Голова — А. М. Гедеонов, директор импер^{аторских} театров.

Черномор, злой волшебник — Л. В. Дубельт г^{енерал}-м^{айор} свиты Его И^{мператорского} В^{еличества}.

Театралы, воспитанницы, слуги, жандармы и проч.

Действие в С.-Петербурге.

Танцы: в 3 д. Тени Федора и Ваньки — pas de deux — с кордебалетом разных привидений.

В 4 д. г-жа Данилова — лезгинку.

При чтении не мешает следить за настоящим либретто «Руслана».

Январь 1843

ИНТРОДУКЦИЯ

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой!
Ну что же ты, Булгаков, пей!

В тебе заметен дар высокой,
Ты пьешь и песнею своей
Твердишь о старине далекой.

Б у л г а к о в

Теперь блаженство на земли.
Теперь для Школы дни златые.
И театралы удалые
В ней счастье ныне обрели.

Х о р

Да здравствует Обер наш милый,
Проклятье, Федоров подлец!
Теперь прелестныя Людмилы
Всем бедствиям нашли конец.

Б у л г а к о в

Да из девиц тогда печали
Никто, никто уйти не мог
Хотя они и отвечали,
Но как страдали, ах, мой Бог!

Оденется с зарею
Девица, а за нею
Глаза устремлены
Уж гувернантки-дуры.
И все ее амуры
Сокрыты быть должны.

Ее воспламененный
Любовник упоенный
Лишь мимо Школы шаг,
А там мадам уж злая,

Воспитанниц ругая,
Воюет так, что страх.

Ж е р е б ц о в

Ты не уйдешь теперь, ей-ей,
Подлец Обер, моих когтей.

М. Н е в а х о в и ч
(Булгакову)

Душа ты общества, скорей
Бокал другой себе налей.

О б е р

Что может быть девиц милей,
Без них что в жизни мне моей?

Р у с л а н

О! верь моей любви, Людмила!
Нас грозный рок не разлучит.

Л ю д м и л а

Руслан! верна твоя Людмила.
Но Дубельт все меня страшит.

ДЕЙСТВИЕ I

Столовая в Школе, огромный стол en fer a cheval, за ним сидят: Обер Руслан Людмила Жеребцов Булгаков М. Невахович множество театралов и воспитанниц. Слуги и музыка в глубине.

Б у л г а к о в

Да! я уверен, о прелесть Людмила,
Друга с тобою не разлучить!

Теперь Обер могучий
Разгонит злые тучи
И козней ков сотрет.

Р у с л а н

Пора домой, моя Людмила,
Уж полночь на дворе гудит.

Л ю д м и л а

Ах, страсти! я готова, милый,
Пора уж праздник прекратить.

Б у л г а к о в

Я счастлив, что девица эта
Любовью разогрета.
Я греюся вином.

Х о р

Мир и блажество, чета молодая!
Первый пример вы тому,
Как при Обере Дирекция злая
Стала покорна уму.

М. Н е в а х о в и ч
(слугам)

Лейте полные кубки ему!
Пей же, Булгаков, что же ты, ну!

Ж е р е б ц о в

Стало быть, буду счастлив и я,
Ты попадешься, Обер, мне, свинья!

Обер

Лейте ж полней стаканы гостям.
Слава девицам!.. Здравие Вам!

Хор

Ура! Оберу здравие и слава!
Горестям Школы конец!

В силе твоя процветает держава,
Ты всем девицам отец.

Корифеи

Пусть к Рюхиной милой

Хор

Вернется наш Яшвиль драгой.

Корифеи

Пусть небо дарует

Хор

Им всем дочерей и сынов.

Корифеи

Театр их чарует

Хор

И вместе к искусству любовь.

Обер и часть хора

Счастье златое любовников дом

Х о р

Пусть озарит,

Обер и часть хора

Дайте им в здравие светлым вином

Х о р

Рюмки налить.

* * *

Радость-девицы,
Кто красотой
Здесь под луной
С вами сравнится?
Вы лишь одни
Красите дни.

* * *

Прежде могучий Дубельт седой
Ныне дрожит:
Как прах летучий,
Сорван грозой,
Так он дрожит.

* * *

(Встают из-за стола.)

Ликуйте, гости дорогие!
И пусть Дирекции весь дом
Обретший снова дни златые,
Поставлен будет кверху дном!

Да здравствует чета младая,
Краса Людмила и Руслан.
Пример счастливый всем давая,
Им должно подражать и нам!

Людмила

КАВАТИНА

Грустно мне, подруженьки мои!..
Как во сне, мелькнули с вами дни!
Как скажу: «протекция».
Или [?] ах! девицы, страсти!
Ах, протекция.
С милым сердцу чуждый край
Будет рай.
В доме я своем далеком
Как и здесь порой.
Я скажу, как будто дорогой,
Миленькой подружке.
Ах, девицы, страсти,
Вдоль по улице широкой
Ходит волокита светлоокой.

Девицы

Не тужи, подружка милая!
Будто все земные радости
Телеграфами лишь тешиться
За закрашенным окошечком.

Хор

О воспитанница нежная,
Дома не страшись далекого,
Где ты будешь с другом жизнь вести:
Он тебе одной, красавица,

Все отдаст свои сокровища
И всем будет утешать тебя.

Д е в и ц ы

Не тужи, дитятко,
Будешь жить радостно,
Девицы, страсти!
Ах, протекция!

Л ю д м и л а
(Жеребцову, с усмешкою)

Не дивись, генерал,
Что девице прихотливой
Не понравился ты,
Что же делать, мой свет?
Выбирая из вас,
Быть хочу справедливой;
Мне в тебе приманки нет!
Генерал Жеребцов!
Будь с другой посчастливей;
Для любви ты явился на свет.

Х о р

Пусть старый хрен уйдет на тот свет.
Здесь же ему подруженки нет.

Л ю д м и л а
(М. Неваховичу)

Поздно уж, твоя Татьяна
Сиротеет по тебе,
Обними скорей Руслана
И иди домой себе;
Скоро мы уедем сами,

Я уверена, она
Плачет горькими слезами,
Что оставлена одна.

(Обращается к Руслану.)

Посмотри: Жеребцов
Вдруг повесил как нос!
Ты, мой милый Руслан,
Всех милей для меня.
Я ему лишь несу
Сердца первый привет,
Счастья верный обет!
О, мой милый Руслан,
Я навеки твоя.
Ты всех в свете милей для меня.

Х о р

Сильный Бог,
Будь вечно с нею.
Дай ей счастья
Полны дни!

Людмила

Сильный Бог,
Будь вечно с нами,
Дай нам счастья
Полны дни
И усей их цветами,
Долги будут пусть они.

Х о р

И даруй им в утешенье
Деток, в счастливые дни.
Сильный Бог (и проч.).

ФИНАЛ

О б е р

Дети любезные! Я вам доставил всю радость.
Будет вам счастье! я верный вещун!

Х о р

Будет Людмиле Руслан жизни сладость.
Не Жеребцов он, не старый пердун.

Р у с л а н (*Оберу*)

Клянусь, Обер мне вечно милый,
Услуги не забыть твоей.
И верным другом быть Людмилы
По самой смерти час моей.

Л ю д м и л а

О ты, инспектор незабвенный!
О, как покинуть мне тебя
И Школы дом благословенный,
Где так была счастлива я.

Р у с л а н

Ты за любовь в награду
Клянись мне верной быть,
И пусть твои желанья,
Улыбка, милый взгляд,
Со сцены отвеченья
Лишь мне принадлежат!
Я твой, моя Людмила.
Клянусь тебя одну любить,

Пока во мне еще есть сила
Малейшая в театр ходить.

Людмила
(Руслану)

Прости мне, друг мой милой,
Невольную печаль!
Всем, всем с твоей Людмилой
Проститься в Школе жаль.
Но я твоя отныне,
Весь забываю мир!
О, верь, Руслан! твоя Людмила.
Клянусь тебе, пока есть сила,
Театр не покидать.

Обер

Боги вам
Счастья дни
И любви
Ниспошлют.

М. Невахович

Ах! хоть я и славный малый,
Глуп, что взял Татьяну я;
Может быть, сонм дев волшебный
Был теперь бы для меня;
Право, жить со стервой горе.
Рюхина, уж вот краса!
О! скорей в театра сени,
Мыкать горе легче там,
Сидя в кассе, в тихой лени
Фокусничать по столам.

Ж е р е б ц о в

Торжествует надо мною
Ненадолго недруг мой!
Нет! не будет ей с тобою
От меня. Постой, постой!
Я все Дубельту сфискалю,
Гедеонову дам знать.
И Обера, как каналю,
Стану со света сживать.
Будешь ты моей, Людмила!
Будешь знать, кто я таков.
Ты мою узнаешь силу,
Будешь знать, кто Жеребцов!

Х о р

Боги им
Счастья дни ниспошлют.

Балет единственный,
Удивительный!
Ты восторги льешь
В сердце нам.
Славим власть твою
И могущество
Неизбывные
На земли.
Ура! Театр, балет!

К о р и ф е и

Ты печальный мир
Превращаешь вдруг
В сцену радостей
И утех.
Ночь глубокую

Представляешь нам
Или роскоши
Всей земли.
Ты волнуешь грудь
Сладострастием.
Коль улыбку шлешь
С сцены нам.
Ура, театр, балет!

Х о р

Но театр большой
Ты — дом ревности:
Ты вливаешь в нас
Мощенья жар.
Коль преступная улыбка вдруг
Заблестит врагу
Из кулис.
Школа милая,
Скорбь и радости
Все в тебе одной
Для нас всех.
Ура, театр, балет!
Балет единственный (*и проч.*).

Удар грому.

Х о р

Что случилось?

2-й удар.

Мы не знаем!

3-й удар. Во мраке является пожарная труба, запряженная 4-мя миноставрами, у коих человеческие части одеты в жандармскую форму, *ею* правит Дубельт с огромными усами, который схватывает Людмилу и с нею уносится на трубе, повергнув прочих воспитанниц в сон манием

руки, в коея театральная трубка; оцепененъе театралов; мрак постепенно исчезает

Руслан

Какое гнусное явленье!
Здесь Дубельт был! Что хочет он?
Что сделал, подлое творенье?
Не видно было зги кругом!

Обер, Невахович

Какое (*и проч.*).

(Приходят мало-помалу в чувство.)

Хор

Что с нами?
Ужель седыми он усами
Грозить бедою хочет нам,
И между школьными стенами
Вновь воцарит позор и срам?

Руслан

Где Людмила?

Хор

Где, где она?

Руслан

Ехать здесь домой спешила
Тотчас с нежностью она!

Обер

Девицы все без чувств, смотрите!
Скорей за Мауне побегите

И мне Людмилу отыщите;
Поставьте Школу всю вверх дном!

Х о р

О, Боже мой, что будет с нами?
Девиц объял он страшным сном

Р у с л а н

О, горе мне!

Х о р

О, горе нам!

О б е р

О, сжальтесь, други,
И вспомните мои заслуги.
Не быть уж мне девиц отцом.

Х о р

Бедняк Обер!

О б е р

Опять нам Дубельт стал опасен.
Конец уж власти здесь моей!

Х о р

Что слышим?

О б е р

Спасемся, может быть, от них.

Х о р

Спасемся!

О б е р

Кто ж готов?.. кто?

Х о р

О! кто теперь
Найдет ее?.. кто?

**М. Н е в а х о в и ч, потом Р у с л а н, О б е р,
Ж е р е б ц о в**

Души общества,
Ее ищите в Школе!
Может, он
Недалек.
Я ж бегу
Искать ее на воле.
Как стрела,
Я легок.
Верно, он
Взял путь нам не известный,
Чтоб ее
От нас скрыть;
Должно нам
Людмиле путь прелестной
Поскорей наследить!

Х о р

Пока вы
Ищите прелестной,

Мы девиц воскресим! .
Поскорей
За врачом
Поспешим.

Обер, Руслан, Невахович

Дубельт, мать твою ети!
Разрушим козни мы твои.

Хор

Любовь к искусству их храни в пути.
Силу их подкрепи.

ДЕЙСТВИЕ II

Дом Алекс^{андра} Л^{ьвовича} на Фонтанке, на воротах надпись:
«Продается с публичного торгу». Руслан, читая ее, видит А^{лександр} Л^{ьвовича}, ходящего с отчаянием под воротами.

БАЛЛАДА

А^{лександр} Л^{ьвович}

Добро пожаловать, мой друг!
Я наконец дождался дня,
Давно желаемого мною.
Мы вместе сведены судьбою.
Известно мне: тебе мешает
Мошенник старый генерал.
Еще никто вполне не знает,
Как Дебольцова он взодрал.
Но ты не трусь, всё ничего,
Держи лишь ухо ты остро!

Руслан

Прости нескромный мне вопрос!
Скажи мне, А^{лександр} Л^{ьвович},
Любезный друг мой Невахович,
Кой черт в беду тебя занес?

А^{лександр} Л^{ьвович}

Любезный друг!
Уж я забыл обетованный
Родимый край. Природный жид,
В занятиях, нам одним известных,
Провел я много дней чудесных.
Но знать лишь счаствие в игре
Дано недолго было мне.
Тогда близ храма наслаждений
Жил Шишмарев, картежный гений:
С ним тщетен был весь навык мой.
К нему я съездил. Ой, ой, ой!
За пылкость я нашел награду,
И я беду узнал душой,
И, проигравшись, без отрады
Я поплелся пешком домой.
Умчалась года половина,
И я сказал жене своей:
«Я проиграл, Александрина,
Хоть застрелиться мне, ей-ей!
Александрина не внимала,
Лишь денежки свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Нет, врешь, не проведешь меня!»
И все мне галко, скверно стало:
Родная кухня, суп-пюре,
Азартны игры, тентере
По маленькой не утешали.
Я вызвал смелых игроков
Искать опасностей и злата,

И за труды нам были платой
 Не долго деньги простаков.
 Сбылись пылкие желанья,
 Сбылись давнишние мечты.
 Минута сладкого свиданья
 С Афоней — мне блеснула ты.
 К столу зеленому, смущенный,
 Я нес свой банк ассигнационный,
 Жены брильянты и жемчуг.
 Начался банк; я, воспаленный,
 Реванша ждал, и, угнетенный,
 Поставил тройку и вокруг
 Смотрел поинтерам я послушным.
 Направо тройка улеглась,
 Афоня ж молвил равнодушно:
 «Убита, поздравляю вас!»
 К чему рассказывать, мой друг
 Чего пересказать нет силы?
 Ах! и теперь, как вспомню вдруг,
 Коробит холодом все жилы,
 И проклинаю карты я,
 Хотя доселе всё играю,
 Но вам скажу, луша моя:
 Фортуне уж не доверяю.
 Но знаешь: в должности моей
 Есть много разных мелочей,
 О коих я один лишь знаю.
 Примером будучи сказать:
 Актеру скоро срок выходит,
 А я его ну в шею гнать!
 Он, делать нечего, — приходит,
 Несет ко мне златую дань.
 И дам ему я в помощь длань.
 Прошли так месяцы и годы.
 Настал давно желанный час,
 Я денег вволю уж припас

И думал, что я — царь природы.
Однажды я лежу с женой
В восторге пылкого желанья,
Как вдруг в передней шпор бряцанье,
Зову людей. Вдруг предо мной
Жандарм с предлинными усами:
«Пожалуйте тотчас за мной!»
Ой, плохо, плохо. Боже мой!
Попались мы, Киреев, с вами,
Что будет с нашей головой?
О, злополучная картина!
Подштанники, Александрина!
Вот я оделся, прискакал,
Взошел.. и Дубельт закричал:
«Возможно ль, Невахович, ты ли?
Попался! Где твоя киса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так щедро наградили?»
Увы! мой друг, все воровство
Напрасно было, по несчастью,
К нему пылало нежной страстью
Его Превосходительство.
Хоть он все взял, но гневом вечным
С тех пор преследует меня;
Душою черной дев любя,
Томясь желаньем бесконечным,
Как волокиту, он, конечно,
Возненавидит и тебя.
Но ты, Руслан,
Жандарма злого не страхись!
Любовью в сердце ты богатом
Пустого страха не питай!
Смелей с нагайкою и златом
Свой путь ты к Школе пробивай.

Руслан

Как в том деле ты мне будешь покровитель,
Тебе с охотой вексель подпишу.
Не страшен мне кисы твоей хищитель!
Высокий подвиг я свершу!
Но горе мне!. Вся кровь вскипела! —
Вся Школа в власти пердуна...
И ревность сердцем овладела!

Но горе, горе мне!.. Полиции сила,
Верно, погубит цвет Школы всей.
Ревность вскипела!.. Где вы, девицы,
Где ты, ненавистный жандарм?

А[<]лександ^р > Л[<]ьвович[>]

Спокойся, друг мой! эта сила
Не победит девиц твоих:
Невинны в Школе все девицы,
Жандарм бессилен против них.

Вместе

Что ж медлить? В театр далекий.
Там ждет вся Школа, друг мой, прости!
почтенный

Канцелярия директора. Большой стол, на котором лежит трико, и пустые шкапы.

Жеребцов (вбегает)

Я весь прозяб и, если б не пальто
Непромокаемый, конечно,
Сухим не быть мне.
Мне Гедеонов надоел!

Не смеет ничего и мелет сущий вздор,
А Дубельт процветает в Школе.

Но кто там?

Старая Румянцева зачем идет сюда?

Румянцева
(входит)

Я знаю, здесь чего ты хочешь,
Теперь напрасно ты хлопочешь!
Стал Школой Дубельт управлять!
Его власть безгранична стала!

Ступай в Москву,
Я все свершу.
Уж Дубельту служить
Недолго, должен он
В отставку подавать.

Жеребцов

Что хочешь ты?

Я человек, который знает,
Как награждает за услуги,
И денег в этом не считает.

Скажи же мне,
Что хочешь ты?

Румянцева

Да, надо тысяч пять!
Лай мне их и послушай.
Ступай в Москву (*и проч.*).

Жеребцов

Вот торжество и радость мне!
Коль Дубельт место оставляет.
Причины нет бояться мне его.
Знай, милый друг мой,

Что, если ты можешь,
Получишь наконец
Шесть тысяч ты!

Р у м я н ц е в а

И так ты знай,
Что все тебе устрою я!

Ж е р е б ц о в

О, радость!

Р у м я н ц е в а

У Дубельта должна
Снискать я благосклонность.
Ступай в Москву.
Уверен будь.
Как победит его Руслан
Или он пост оставит свой,
Тебе доставлю я подругу.
Теперь он всемогущ и окамест,
Все в Школе пало ниц пред ним.
Но он погибнет скоро.

(Уходит.)

Ж е р е б ц о в

О, старость! как жаль!
Я к целкам неспособен,
И мне не суждено
Свершить столь славный подвиг.

РОНДО

Людмила, вотще подо мною ты стонешь.
Я вижу теперь уж, как слезы ты льешь.
Ни вопли, ни слезы — ничто не поможет!
Ты скоро пред мною смириться должна.

Руслан, забудь ты о Людмиле!

Соперник твой одержит верх.

При ожиданьи недруг твой

Тараканов уж глотает

И заране ощущает

Жар от них в своей крови.

Я в страшной тревоге

Теперь с ожиданья,

Но был всегда храбр

Известен я свету,

И с Турками дра

Бывали на славу.

Теперь не страшно

Я, немного позаб

Непослушный XVII век

И спокойно ожидаю

И спокойно ожидаю
Я стояния штатины

Я стоял на шматы.
падек желанный день

далек желанный день
и восторга и любви

день восторга и любви

стороне выстроенных под пра-

этой Министерства внутренних дел против скончавшегося директора темны. Улица освещена салом и пуста. Руслан входит задумчиво.

АРИЯ

О Школа, Школа! кто тебя
Усеял столькими цветами,

Кто тротуар твой не топтал
С Директором в час грозной битвы
И к небесам не воссыпал
О выпусксе девиц молитвы?
Зачем же, Школа, смолкла ты
И окна преданы беленью?
От ламп дежурных темноты,
Быть может, нет и мне спасенья!
Быть может, буду я найден
На репетиции «Руслана»,
И гнусная толпа буянов
Руадзи донесет о том!

Однако мне извощик нужен,
Без трубки взор мой безоружен
И пал мой конь на проводах,
И санки разлетелись в прах!
Дай, Bautnī, мне трубку по глазам,
Трубку выдвижную, в волокитстве уж
бывалую.

Чтоб воспитанниц
За кулисы гнать,
Чтоб толпою их
За кулисы гнать.
Нет, недолго ликовать врагу.
О девицы! свет такая гадость,
Коль вы жизни не дарите счастья!
Но смягченный рок отдаст мне
И любовь одной из вас, и ласки.

Распушу я в прах
Всю Дирекцию.
Стены Школьные
Не защита ей.
Помоги мне Бог
Гедеона вздуть.
Его подлости не смутят меня!

Дай, Bautnī (и проч.).

О девицы (и проч.).

Тщетно директора подлость

Тучи сдвигает на нас,

Может, уж близок, девицы,

Сладкий выпуска час!

В сердце, любимом Людмилой,

Место тоске я не дам.

Дубельта свергну я силу,

Лишь бы мне трубку по глазам!

При последнем *rinforzando* открывается форточка директорского кабинета и показывается голова Гедеонова в остроконечном спальном колпаке и мало-помалу открывает глаза.

Голова

Кто здесь горланит, мазурик проклятый?

Прочь, не тревожь генеральского сна!

Руслан

Встреча поганая,

Вид препротивный.

Голова

Прочь, не тревожь (и проч.).

Рассерженный Руслан берет лестницу у фонарщика, подлезает к форточке и дает Гедеонову оплеуху: он отшатнувшись, обнаруживает трубку, кот^{орую} схватывает Руслан.

Голова

Побит я!

Руслан

Bautnī желанный,

Я чувствую в дланях

Всю цену тебе!

Но как же ты
Выпуск смел отложить?

Г о л о в а

Нас ведь здесь двое:
Дубельт и я.
Я бы и сделал,
Да он сильнее,
Он не хотел.
Дубельт-мошенник,
Злой генерал;
Чудною силой
В длинных усах
Он одарен.

Р у с л а н

Дубельт-мошенник,
Злой генерал,
Чудною силой
В усах одарен?

Г о л о в а

Он на Захарьевской
В доме своем
Спрятал Людмилу.
Уж он так много
Накрыл девиц.
Но чтоб быть честным,
Злой генерал
Отдать под суд
Обера велел,
Людмилу когда
Скоро не найдет он.

Бедой неминучей
И мне рок грозит,
Если узнают
Все беспорядки!

Р у с л а н

Дубельт поганый,
Я в дом твой развратный
Войду ж наконец.

ДЕЙСТВИЕ III

Комната у Михайлы Львовича.
Федор, Ванька и горничные

Вернется, верно, он домой
Нескоро, барин наш проклятый.
Уж, кажется, есть час второй.
Он, чай, воротится в девятом.

* * *

Что за житье нам. Боже мой,
Нет, это просто наказанье.
Он ждать себя дал приказанье,
А сам является с зарей.

* * *

Несносен барыни нам вой!
Об чем тут слезы и рыданья?
Как будто без его прощанья»
Идти не может на покой?

* * *

Теперь у немцев, Боже мой,
Я чай, такое пирожанье!
Пойдет на ум тут целованье
И нежничание с женой!

* * *

Вернется (*и проч.*).

Румянцева
(показывается)

Все идет прекрасно,
Скоро их поссорю!
Ну уж я умею
Сводничать на славу!
Как Татьяну бросит,
Я уже доставлю
Ему проволочку,
Себе доходец.
(Исчезает; люди уходят.)

Смирнова

КАВАТИНА

Какие подлые он штуки
Теперь со мной творит.
Я лезу на стену всю ночь от скуки,
Он с картами сидит.
Проигрывает он
Все деньги Вильдеману
И Грутусу
И заставляет ждать Татьяну
В шестом часу.

* * *

Его огромная елда меня не тешит никогда.

О Миша мой,
Спеши домой!
Тебя здесь ждут,
Тебя зовут.
Ужель тебе
Охоты нет
Меня поеть,
О Миша мой.

Мне для тебя постылой стала
Невинность милая моя!
И я, пугливость затая,
Ни разу даже не вскричала,
Когда в покорность я тебе
Трико снимала в тишине.

О Миша мой (*и проч.*).

Ты насадил мне даже брюхо
И скоро будешь уж отцом;
О, возвратись скорей домой!
Ужель ремизы и два шлема
И выигрыш нескольких рублей
Игры в лото тебе милей?

(*Уходит.*)

Михаил Львович входит пьяный и измученный.

АРИЯ

Пора домой.
Наступит скоро день!
Весело мои проходят ночи.
А потом дома мне прескучно!
Засни, о общества душа,
Проиграл опять сегодня я.

* * *

Нет, сон бежит!
Театра вновь кругом мелькают тени.
И в памяти зажглась
Мне сетелевка вновь!
И рой этих видений
О фокусах забытых говорит.

* * *

Но что, что? халата нет...
Сюда! ей, Ванька, Федор, где вы?
Скорей сюда ко мне, вы, сукины сыны,
Бегите, подлые, ей, где вы, где вы?

* * *

Славный малый хоть куда
Стал теперь, ей-богу, я.
Видят всё вдвойне глаза,
И четыре уж часа!
Вильдеман, Гротус и Роп!
Ей, где вы, ах, мать вашу еб.
Ах, поиграйте!
Не докидайте
Вашего друга
С Татьяной в свидания час!
Да, побьет — меня, ей-ей!
Но теперь в душе моей
Кассы вдруг явился вид.
В ней Никита Лаврентьевич сидит!
Здравствуй, Криницын, друг мой;
Что сын твой теперь не с тобой?
Но что-то аневризм мой?
Ах, поиграйте,
Милые немцы,
В проигрыша час.
Славный малый (*и проч.*).

Спать пора мне, уж невмочь.
Никто нейдет мне помочь.
Ну что же, бегите,
Ну же спешите,
Ванька и Федор,
Сюда все сейчас.
Скорей сюда.
Скорей ко мне.
Бегите, подлые хамы мои!
(Ложится.)

Тени Федора и Ваньки с привидениями, которые он спьяна видел, танцуют балет.

Смирнова
(входит)

Ага! пришел ты наконец домой.
От игроков своих,
От немцев этих скверных, еб их мать!
Такие-то творишь ты нынче штуки!
Как ты переменился вдруг
К прежней любви.
Чего не сделала я для тебя?
Ужель любовь, страданье...
Но ты не слушаешь меня!
Тебя блюет и дрыщет.

М. Невахович

Как в карты весело играть,
Семерка, кажется, сдана!
Смирновой этой красоты
Несносней с часу мне на час.

Невидимый хор духов, подвластных
Румянцевой

Милый друг Михаило Львович,
Радуемся за тебя.

Вот пристойное названье,
«Славный малый», для тебя.
Поругайся, милый, с нею
И начни ее ты бить;
Будешь счастливей с другой,
Эта стерва, как Бог свят!
Без нее ты беззаботно
Будешь жизнь свою вести.

(Они начинают драться.)

Смирнова

Смей еще ездить к немцам проклятым!
Смей оставлять меня вечно одною,
Я тебя, гадкий, вздую еще.

Хор

Хорошенько кулаками
Поскорей ее уими,
Без того ты беззаботно
Жизнь не будешь ты вести!

Руслан
(входит)

Скоро ль я найду
Хищного врага
И проникну в его обитель!

(Видит драку, кидается разнимать, но драка продолжается до прихода А^{лександра} Л^{ьвовича}.)

Еду мимо.
Свет здесь вижу
И здесь что же
Нахожу!

Смирнова

Нет, это тщетно!
Он проигрался;
Он страшно пьян!
С немцами в карты
Ночь всю продулся!
Я его вздую,
Я не позволю
Этот дебош!

Хор

Хорошенько
Отгрызайся.
Поддаваться
Просто срам!
Что ж ты, что ж ты
По мусалам
Ей остротки не даешь?

Смирнова

Что все это значит!
Вздумал он драться!
Смел еще мне отвечать!
Тебя я любила,
Тебя я ласкала,
А ты, ах, мерзавец,
Ах, подлая рожа,
Не любишь, не помнишь
Своей ты Татьяны!
Я все на жертву
Тебе принесла.
Отдай мне невинность,
Когда ты таков.

Руслан

Это просто вздор.
 Все пройдет до завтра.
 Скоро я с своей
 Милой жду сближенья;
 Мой план удастся мне..
 Я прекрасно все обдумал,
 Но на всякий случай
 Его я помошь жду.
 И о том просить просить я!

М *и х а и л* > Л *ь в о в и ч* >
 (опять начинает бить Смирнову)

Вот я тебя, еб твою мать,
 Раскрою рыло до ушей!

Смирнова

Ах ты, каналья,
 Ах ты, мошенник.

М *и х а и л* > Л *ь в о в и ч* >

Смотри, ты будешь криворотой,
 Калекой людям всем на смех.
 Я изуродую...
 Как в карты (*и проч.*).

Смирнова

Боже мой! сжался
 Над мною, несчастной.
 Зажги ты вновь в Мише
 Прежние чувства.

Р у с л а н

Это просто вздор (*и проч.*).

С м и р н о в а
(огрызаясь на *М^ихаила Л^ьвовича*)

Боже мой, отнялись ноги.
Чтобы черт побрал его!
Как ужасно он дерется,
Все лицо мое в крови.

М и х а и л Л ъ в о в и ч
(продолжает)

Вот тебе! Вперед не смея
Наставленья мне читать;
Завтра ж я с тобой разъедусь.
Будешь помнить ты меня.

Р у с л а н

Нет, уж я не в силах боле
Жалость в сердце превозмочь.
Перестань, *М^ихайла Л^ьвович*
Что ты? убирайся прочь.

Х о р

Горе, горе же
Неваховичу,
Коли он ее
Не отпустит прочь.
Все усилия
Не помогут вам.
Не избавят вас
От драк и ссор.

Лучше взял бы ты
Из воспитанниц
Деву милую,
Чем со стервой жить.

Михаил Львович опять начинает драться, но входит А^{лександр} Л^{ьвович}, разнимает их, и М^{ихаил} Л^{ьвович} его пугается.

Александр Львович

Брат Михаил Львович, ты — скотина,
Что смеешь так свою Татьяну бить!
Пора вам думать о ночлеге
И скору вашу позабыть!

(Они целуются.)

Внимайте, Дубельта судьба
Счастливой завтра быть кончает!
Страстной любовью, Руслан, укрепляйся,
Дубельту завтра за все ты отмстишь.
Крепче держи за усы лишь болвана
И обруби их, и он тогда твой!
Всего лишится он силой Руслана.

В с е

Завтра Людмилу он в Школу принесет .
я принесу
Жандарма силу и козни он сотрет .
я сотру
Вы ж в путь опасный за ним должны
Мы ж за мной спешить.
Зреет бой прекрасный и ему на помошь
мне быть!

ДЕЙСТВИЕ IV

Театр представляет волшебные горы начальника 3-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Небывалые фрукты, цветы и деревья. Фонтаны, в глубине ворота.

Людмила

Я здесь томлюсь одна в неволе
И думать лишь могу о Школе,
Где так легка Обера власть,
Которая девиц лелеет.

Невидимый хор фискалов и жандармов

Страсти нежным увереньям
Покориться ты должна!
Будет с Третьим отделением
Жизнь твоя утех полна.

Людмила

Как? чтоб во мне такая гадость,
Как Дубельт, мог зажечь любовь?!

Нет! я узрю Руслана вновь,
Былую он отдаст мне радость.
Наступит скоро сладкий день.
Найду вновь счастье от Руслана,
Теперь поблекшее, как Тень,
Когда ее танцует Грана.

(Садится и задумывается.)

Хор

Нет! Радоваться ты должна!
Огнем пылает Дубельт страстным.
Вся Полицейская страна,
Фискалы все тебе подвластны.

* * *

Да, радоваться ты должна!
Пленен он навеки тобою!
Данилову бросит с собою,
Готов за тебя все отдать!
Жизнь другим здесь девицам иная,
Он к ним не имеет любовь,
Из прихоти лишь их питая.
Они будут рабыни твои!

Из цветов выходят похищенные девы и стараются утешить Людмилу, балет.

Людмила

АДАЖИО

Ах ты, доля моя, доленька,
Доля моя жалкая!
Похищена она подлостью,
Полицейской хитростью;
Здесь томлюсь неволею.
Не видать мне более
Ни Обера-батюшки,
Ни Руслана милого,
Ни моих подруженок.
Мое счастье кончилось!

¹ Является из земли стол с богатыми подарками. Куранты.

Не нужно мне твоих даров,
Ни подлой рожи, ни усов.
Тебя душевно презираю,
Давно я знаю, ты каков.

Хор

Вся полицейская страна,
Фискалы все тебе подвластны!

Людмила

Дубельт мошенник,
Погубишь Обера.
Я знаю всю подлость
И все ухищренья
Жандармского сердца,
А я буду плакать
В бессонные ночи
О милом Руслане.
Но знай же, мошенник,
Тебе казнь готова.
И рано иль поздно,
За все ты заплатишь.

Xop

Напрасны слезы,
Гнев напрасен:
Смиришься, гордая княжна,
Перед властью Генерала!

Людмила падает в обморок. Три жандарма ухаживают за ней.

MAPIII

Жандармы, полицейские, похищенные девы. Наконец сам Дубельт, которого усы несут на подушке: Крутицкий, Унгебауэр, Лебедев и Каменский. Людмила приходит в себя, Дубельт возле нее садится и, чтобы завлечь ее, приказывает начать танцы. Данилова после общих танцев пляшет лезгинку. После того Дубельт, видя у ворот Руслана, бежит туда, чтобы наказать его за дерзость, и перед тем погружает Людмилу в сон. Несколько раз видно, как поединщики, борясь, проходят за воротами. Руслан держит Дубельта за усы.

Х о р

Погибнет, погибнет Леонтий подлец!
Дай Боже! пришел чтоб конец его козням.
Но силою Дубельта опасен своей.

Быть может,
Руслана
Побьет он
И снова
Под властью
Злодея
Томиться
Мы будем.

С ним наша тяжела судьба.
Гнев каждый день его настигнет
Кого из нас — и тот погибнет.
О, чем окончится борьба.

Те же, М. Невахович, Смирнова, Руслан-победитель
Усы Дубельта обвиты около шляпы его.

Р у с л а н

Победа, победа, Людмила!
Усов он лишен!
Что вижу я здесь?
Что значит твой сон?
Все действует Дубельта сила!

М. Невахович Смирнова

Ужасный сковал ее сон.
Не весь Дубельт был поражен,
И гибнет Полиции сила!

Р у с л а н
(стараясь разбудить Людмилу)

О жизни отрада,
Младая подруга,

Ты плача не слышишь
Несчастного друга!
Отмстить за нее
Так сердце и рвется!
Жандарм изыхает
Вон там в воротах.
Но как отомстить?
Смерть его обнимает!
Быть может, кто знает?
К жандарму улыбка летит,
И сердце по нем лиши дрожит.

М. Невахович

Напрасная ревность
Тебя возмущает!

Смирнова

Кто любит, тот ревность
Невольно питает.

Хор

Напрасная ревность
Его возмущает.
Вот в Школе девицы
Его презирают

Руслан
(с отчаянием)

О! други! может быть, она
Притворно лишь меня любила,
И здесь неверная Людмила
Рукам предалась колдуна.

* * *

Людмила, Людмила,
Скажи лишь мне: «Нет,
Его не любила,
Но только тебя»

О ба

Знать все будут (*и проч.*).

А^{лександр} Л^{ьвович}

В этой склянке есть напиток.
Он Людмилу лишь спасет,
И Людмиле и Руслану
Счастье новое блеснет.

(*Отдает ей ее.*)

С склянкой сей чудесной
К Школе спеши.
У моста ты встретишь Руслана.
Напиток разбудит
Людмилу от сна,
И Школе на радость проснется она,
Мила и прекрасна, как прежде.

М^{ихаил} Л^{ьвович}

Скорее склянку я в Школу несу
И Руслану вручу на дороге.
Напиток разбудит (*и проч.*).

А^{лександр} Л^{ьвович} и М^{ихаил}
Л^{ьвович}

Пусть знает, что старый подлец
Расстроил бы счастье златое

Двух полных любовию, нежных сердец,
Коль склянкой владел бы он тою,
Но, к счастью, не он владел ей.

Александр Львович

Ступай же, беги же ты в Школу скорей.

Михаил Львович

Да! В Школу скорей!

Танцевальная зала в Школе. Людмила стоит. Обер, Жеребцов и хор воспитанниц и театралов.

Хор

Милая Людмила!
Пробудись, проснися.
Ах, зачем ты
Прелестные очи,
Будто после смерти,
Милая подружка,
Школе всей на горе,
Милая, закрыла?
Горе нам!
Оно в нас
Сердце рвет,
Мы рыдаем.
Как дивно,
Как долго
Спит она.

Обер

О, Жеребцов, лишь безответный труп
Людмилы ты принес к Оберу,
Ее тебе я не отдам.

Жеребцов

Все изменило!
Румянцева все мне наврала!
И мне Людмила не дается.
Румянцева надуть
Успела, деньги взяв.

Хор

Жеребцов!
Горе-богатырь!
Разбуди ж ее
Словом молодецким!
Не проснется она вовсе,
Если друга не увидит.
Не проснется, не очнется!
Что же делать остается?
Ах, Людмила,
Друга сила
Пробудить тебя
Может лишь одна!

Обер

Но он не мог сон этот кончить!
Попробуем же, пошлем за ним.

Жеребцов

Тебе мне плюнуть стоит в очи!
Румянцева, подлая, мать твою еб!

Хор

Ей помочь еще старайся ты,
Еще докторов сзови.
А стоишь здесь, Жеребцов,
Прямыми ты ротозеем.

* * *

Не проснется (*и проч.*).

* * *

Ах, Людмила,
Не могила —
Друг твой молодой
Сон нарушит твой.

(*Слышит шум за сценой.*)

Но вот сюда идут;
То, кажется, идет Руслан!

Руслан, Невахович, Смирнова, Хор и Обер

Руслан! о радость!

Жеребцов

Руслан! о ужас!

(*Бежит вон.*)

Руслан вливаает Людмиле питье.

Очнется прекрасная
Тотчас для любви;
Щечки уж румянятся
Кровью нежной вдруг.

Хор

Что будет с нею?

Руслан

Вот уж просыпается.
О сладкое мгновенье!

Проснись совсем, прекрасная,
На радость нам.

В с е

Вот оживает!

Л ю д м и л а
(как бы во сне)

Что я?

(просыпается.)

О сладкое мгновение.
Ах! где я? что со мной?
Здесь Руслан — мой друг!

Х о р

Как всех оживает нас,
Что проснулась ты!

Л ю д м и л а

Ах! этот тягостный сон
Дубельтом был наведен!
Здесь Обер, второй отец.
Несчастью конец!

М. Н е в а х о в и ч и С м и р н о в а

Слава Богу, слава!
Кончено теперь!
Им для соединенья препятствий нет.
Злобную Румянцеву он также победил.

Р у с л а н

Слава Богу,
Кончено теперь.
Все свершилось!
Я счастлив снова,
И все простил
Теперь Жеребцову!

О б е р

Слава Богу!
Радость нам!
Все свершилось,
Всему конец.

Х о р

Слава Богу,
Слава Богу,
Радость нам!

Л ю д м и л а

Ах! как сердце бьется!
Навсегда ты мой.
Веселье зарей
Снова нам цветет.

О б е р, Р у с л а н, Н е в а х о в и ч, С м и р н о в а

У всех радость на устах.
Все в Школе оживает.

Двери открываются; новые толпы театралов входят и обнимают Руслана.

Х о р

Радость великая нам!
Погиб, погиб Дубельт седой!

С Людмилой своей молодой
Пусть процветает
В полной силе и красе
Многая лета
Милый наш Руслан!
Да воссияет
Всех девиц красотой
Милая Школа,
На вечны времена!
Вы, о злодеи ее, все смотрите,
Как был наказан подлец Жеребцов.
Другой раз не посмеет
Театралов враг
На милых барышень восстать!
Гадость
Дубельт
Ныне в пример.

М. Невахович и Смирнова

Дубельта все ныне свержены ковы!
Будьте ж вечно счастливы, о друзья!
Мы же быть не будем больше друг друга
Помирились навсегда.
В жизни вашей солнце не зайдет,
Злое горе места не найдет!
Прочь память скорбных дней,
Как Дубельт злой!

Х о р

Радость великая нам!
Погиб, погиб Дубельт седой.
В Школе вкусим покой!
Да промчатся
Звуки славы
Милой Школы

В отдаленные страны!
Да процветает же в девиц красе
Родная Школа в вечны времена!
Каждый новый враг
Погибнет пусть ее,
И на всей на земле
Школе пусть прогремит.
Слава, слава, слава!

Конец

КЛАССИКИ

Эту «Элегию» я переписал из «Хрестоматии» латинской литературы, по-моему, в 1978 году. Брал ее в путешествия и читал друзьям, в основном, женщинам. И она им неизменно нравилась, независимо от образования, должности и пр. Думаю, что и читательницам, (да и мужчинам-читателям!) данного издания понравится тоже.

Дается с незначительными сокращениями.

Виктор Яковченко.

Максимиан Этрусский.

(Первая половина VI в. нашей э.)

ЭЛЕГИЯ

Послан когда-то я был государем в Восточную Землю
Мир и союз заключить, трижды желанный для всех.
Но между тем, как слагал я для царств условия мира,
Вспыхнула злая война в недрах души у меня,
Ибо поймала меня, потомка этрусского рода,
В сети девица одна греческим нравом своим.
Ловко делая вид, что она влюблена в меня страстно,
Этим пленила она: страстно влюбился я сам,
Часто ко мне под окно она по ночам приходила:
Сладко, невнятно звучал греческих песен напев.
Слёзы лились, бледнело лицо, со стоном, со вздохом,
Даже представить нельзя, как изнывала она.
Жалко мне стало смотреть на муки несчастной
влюблённой,
И оттого-то теперь жалок, несчастен я сам.

Эта девица была красива лицом и пристойна,
Ярко горели глаза, был изощрен её ум.
Пальцы — и те у нее говорили, и лира звенела,
Вторя искусной руке, и сочинялись стихи.
Я перед нею немел и, казалось, лишался рассудка,
Словно напевом сирен заворожённый Улисс.
И как Улисс, ослеплен, я несся на скалы и мели,
Ибо не мог одолеть мои любовных искусств.
Как рассказать мне о том, как умело она танцевала
И вызывала хвалу каждым движением ног?
Стройно вились надо лбом завитками несчетными

кудри

И ниспадали волной, белую шею прикрыв.
Воспламеняли мой взгляд упруго стоящие груди —
Каждую можно прикрыть было ладошкой одной.
Дух трепетал при виде одном её крепкого стана
Или изгиба боков, или крутого бедра.
Ах, как хотелось мне сжать в объятиях нежное тело,
Стиснуть его и сдавить, так, чтобы хруст по костям,
«Нет! — кричала она, — ты руками мне делаешь

больно,

Слишком ты тяжко налёг: так я тебя не сдержу!»
Тут-то я и застыл, и жар мои кости покинул,
И от большого стыда жилы ослабли мои.
Так молоко, обращаясь в творог, истекает отстоем,
Так на текущем меду пена всплывает, легка.
Вот как пал я во прах — незнакомый с уловками

греков,

Вот как пал я, старик, в этруссской своей простоте.
Хитростью Троя взята, хоть и был ей защитою
Гектор, —
Ну, а меня, старика, хитростью как не свалить?!

Службу, что вверена мне, я оставил в своем

небреженье,

Службе предавшись твоей, о жесточайший Амур!
Но не укор для меня, что такою я раною ранен —
Сам Юпитер, и тот в этом огне пламенел.

.Первая ночь протекла, отслужил я Венерину службу,
 .Хоть и была тяжела служба для старческих лет.
 А на вторую, увы, меня покинули силы,
 Жар мой угас и опять стал я и слаб и убог.
 Так; но подруга моя, законной требуя дани,
 Не отставала, твердя: «Долг на тебе, — так плати!»
 Ах, оставался я глух и к стонам, и к нежным упрекам:
 Уж чего нет, того нет — спорить с природой негоже.
 Я и краснел, цепенел, я не мог шевельнуться —
 Стыд оковал меня, страх тяжестью лег на любовь.
 Тщетно ласкала она мое охладевшее тело,
 Тщетно касаньем руки к жизни пыталась воззвать:
 Пальцы её не могли в озбудить того, что
 застыло —
 Холоден был я, как лёд, в самом горниле огня.
 «О! — восклицала она, — неужели разлучница злая
 Выпила всю у тебя силу для сладостных битв?»
 Я отвечал ей, что нет, что сам я казнюсь, утрызаясь,
 Но не могу превозмочь сладостью скорбь моих мышц.
 «Нет, не пытайся меня обмануть! — возражает подруга,
 Знай: хоть Амур и слепой, тысячи глаз у него.
 Не береги своих сил, отдайся игре вожделенной,
 Мерзкую скорбь изгони, к радости сердце стреми?
 Знаю: под гнетом забот тупеют телесные чувства,
 Сбрось же заботы на миг: будешь сильней и бодрей!»

Я же всем телом нагим разметавшись на ложе
 любовном,
 В горьких, горючих слезах, вот что промолвил в ответ:
 «Ах, злополучнейший я! Я должен признаться в
 бессилье,
 Чтоб не казалось тебе, будто я мало люблю!
 Не заслужило мое вожделенье твоих порицаний —
 Нет, только немощь моя наших несчастий виной.
 Вот пред тобою оружье моё, заржавелое праздно —
 Верный служитель, тебе в дар я его приношу.

Сделай, что в силах твоих, — вверяюсь тебе беззаветно:
Если ты любишь меня, сможешь ты сладить с врагом».

Тут подруга моя, вспомнив все ухищрения греков,
Ринулась — жаром своим тело моё оживить.
Но увидав, что предмет любви её мертв безвозвратно
И не способен восстать к жизни под бременем лет,
С ложа вскочила она и бросилась снова на ложе,
И об утрате своей так зарыдала, стена:
«Труженик нашей любви, отрада моя и опора,
Лучший свидетель и друг праздничной нашей поры,
Ах, достанет ли слез оплакать твое унижение,
Песню сложу ли, твоих славных достойную дел?
Изнемогающей, мне так часто спешил ты на помощь,
Огнь, снедавший меня, в сладость умел превратить.
Ночь напролет на ложе моем, мой лучший блюститель,
Верно делил ты со мной счастье и горе мое.
Наших полуночных служб неусыпный, надёжный

участник,

Свято хранил ты от всех тайны, что ведомы нам.
Ах, куда же твоя расточилася жаркая сила,
Сила ударов твоих, ранивших сладко меня?
Ныне ты праздно лежишь, совсем не такой, как
когда-то, —
Сникнув, опав, побледнев, ныне ты праздно лежишь.
Не утешают тебя ни игривые речи, ни ласки,
А ведь когда-то они так веселили тебя!
Да, это день похорон: о тебе, как о мертвом, я плачу —
Тот, кто бессилен вершить долг свой, тот истинно

мертв».

Этому плачу в ответ, и жалобам тяжким, и стонам
Так я, однако, сказал, колкость смешав и упрёк:
«Женщина, слезы ты льешь о моем о бессильном
оружьи —

Верно, тебе, а не мне, эта утрата больней!

Что ж, ступай себе прочь, дели со счастливцами
счастье:

Много дано вам улад: ты в них хороший знаток». В ярости мне отвечает она: «Ничего ты не понял! Дело сейчас не во мне — мир в беспорядок пришел! Тот, о ком я кричу, он рождает людей и животных, Птиц и всякую тварь — всё, что под солнцем живет. Тот, о ком я кричу, сопрягает два пола в союзе — Нет без него ни жен, ни матерей, ни отцов.

Тот, о ком я кричу, две души сливает в едину И поселяет её в двух нераздельных телах.

Ежели этого нет — красота не утеша для женщин, Ежели этого нет — сила мужчин ни к чему.

Ежели этот предмет не дороже нам чистого золота — Вся наша жизнь есть тщета и смертоносная ложь.

Ты — и веры залог, и тайны надежный хранитель, Ты — драгоценнейший клад, всякого блага исток.

Всё на земле, всё покорно тебе, что высоко и низко: Скипиды великих держав ниц пред тобой склонены.

Не тяжела твоя власть, но радостна всем, кто подвластен:

Лучше нам раны и боль, нежель немилость твоя.

Мудрость сама, что над миром царит, размеряя порядок,

Не посягает ни в чем на достоянья твои.

Дева, ложась под удары твои, тебя прославляет:

Ей, пронзённой тобой, сладостно кровью истечь.

Слёзы глотая, смеется она раздирающей боли,

Рада над телом своим видеть твое торжество.

Ты же гнушаешься всем, что скучно, бессильно и вяло:

Даже и в нежной игре мужества требуешь ты.

Служат тебе и разум людской и мышцы людские,

Самоё зло, и оно власти покорно твоей.

Тщетно тебя одолеть враждебные силятся силы —

Труд, холода и дожди, ссоры, коварство и гнев.

Нет — и жестокому ты укрошаешь душу тирану,
И окровавленный Марс кроток становится вновь.
Нет — и когда сокрушил гигантов Юпитер перуном,
Ты из казнящей руки ласково вынул перун.
Нет — пред тобою и тигр признает владычество

страсти,

Пред тобою и лев станет и нежен, и мил.
Мощь необорна твоя, и милость твоя несравненна —
Сладко с тобой победить, сладко тебе уступить.
Даже в бессилье своем ты вновь исполняешься силой
Снова готов побеждать, снова готов уступать.
Ярость твоя коротка, а нега твоя бесконечна,
Смерть свою духом поправ, вновь оживаешь и вновь», —
Это сказав, удалилась она, пресытившись скорбью,
Я же остался лежать, словно мертвец, на одре...

ПОП

Поэма

Смиренный сочинитель шутки сей
В иных местах поделал варианты
Для дам, известных строгостью своей,
Но любящих подобные *куранты*.

1

Бывало, я писал стихи — для славы,
И те стихи, в невинности моей,
Я в Божий мир пускал не без приправы
«Глубоких и значительных» идей...
Теперь пишу для собственной забавы,
Без прежних притязаний и затей —
И подражать намерен я свирепо
Всем... я на днях читал «Риселль» и «Верро».

2

Хоть стих иной не слишком выйдет верен —
Не стану я копаться над стихом:
К чему? — скажите мне на милость? — Скверен
Мой слог — зато как вольно под пером
Кипят слова... Внимайте же: я намерен,
Предупредив читательниц о том,
Предаться (грубая во мне природа!)
Похабностям различнейшего рода.

3

Читатели найдутся. Не бесплодной,
Не суетной работой занят я —
Меня прочтет Панаев благородный
И Веверов почтенная семья.

Белинский посвятит мне час свободный,
И Комаров понюхает меня...
Языков сам, столь важный, столь приятный,
Меня почтит улыбкой благодатной.

4

Итак, друзья, я жил тогда на даче,
В чухонской деревушке, с давних пор
Любимой немцами... Такой удаче
Смеетесь вы... Что делать! Мой позор
Я сам глубоко чувствовал, тем паче,
Что ничего внимательный мой взор
Не мог открыть в числе супруг и дочек,
Похожего на лакомый кусочек.

5

Вокруг меня все жил народ известный,
Столичных немцев цвет и сок. Во мне,
При виде каждой рожи глупо-честной,
Кипела желчь... Как русский... не вполне
Люблю я честность... Немок пол прелестный
Я жаловал когда-то... Но оне
На уксусе настоящие розы
И холодны, как ранние морозы.

6

И я скучал, зевал и падал духом;
Соседом у меня в деревне той
Был кто же? Поп, покрытый жирным пухом,
С намасленной коротенькой косой,
С засаленным и ненасытным брюхом.
Попов я презираю всей душой...
Но иногда, томясь несносной скукой,
Травил его моей легавой сукой.

7

Но поп — не поп без попады трупердой,
Откормленной, дебелой... Признаюсь,
Я человек и грешный, и нетвердый,
И всякому соблазну отдаюсь.
Перед иной красавицею гордой
Склоняюсь я... но все ж я не стыжусь
Вам объявить (известно, все мы слабы):
Люблю я мясо доброй русской бабы.

8

А моего соседушки супруга
Была ходячий пуховик, ей-ей!..
У вашего чувствительного друга
Явилось тотчас множество затей...
Сошелся я с попом... и спился с круга
Любезный поп — по милости моей;
И вот пока сожитель не проспится,
В блаженстве я тону, как говорится.

9

Так что ж? скажите мне, какое право
Имеем мы смеяться над таким
Блаженством? — Люди неразумны, право:
В ребяческие годы мы хотим
Любви «святой, возвышенной» — направо,
Налево мы бросаемся, крутим...
Потом, угомонившись понемногу,
Кого-нибудь еб*<ем>* — и слава Богу.

10

Но Пифагор, Сенека и Булгарин
И прочие философы толпой
Кричат, что человек неблагодарен,

Забывчив... вообще подлец большой!..
Действительно: как сущий русский барин,
Я начал над несчастной попадьей
Подтрунивать... и на мою победу
Сам намекал почтенному соседу.

11

Но мой сосед был человек беспечный,
Он сытый стол и доброе вино
Предпочитал «любови скоротечной»;
Храпел, как нам храпеть не суждено...
Уж я хотел, томим бесчеловечной
Веселостью, во всем сознаться... но
Внезапная случилась остановка:
Друзья, к попу приехала золовка.

12

Сестра любовницы моей дебелой —
В весне, в разгаре жизни пышной, молодой,
О, Господи! была подобна спелой,
Душистой дыне на степи родной,
Созревшей в жаркий день. Оторопелый
Я на нее глядел — и всей душой,
Любуясь этим телом, полным, сочным,
Я предавался замыслам порочным.

13

Стан девственный; под черными бровями
Глаза большие; звонкий голосок;
За молодыми влажными губами
Жемчужины — не зубки, свежих щек
Румянец, ямочки на них, местами,
Под белой, тонкой кожицей — жирок;
Все в ней дышало силой и здоровьем...
Здоровьем, правда, несколько коровьим.

14

Я некогда любил все «неземное» —
Теперь, напротив, — более всего
Меня пленяет смелое, живое,
Веселое... земное существо.
Таилось что-то сладострастно-злое
В улыбке милой Саши... Сверх того,
Короткий нос с открытыми ноздрями
Недаром обожаем блядунами.

15

Я начал волочиться так ужасно,
Как никогда ни прежде, ни потом
Не волочился... даже слишком страстно.
Она дичилась долго, но с трудом
Всего достигнешь... и пошли прекрасно
Мои делишки... Вот я стал о том
Мечтать: когда и где? — Вопрос понятный,
Естественный и очень деликатный.

16

Уж мне случилось, пользуясь молчаньем,
К ее лицу придвигнуться слегка...
И чувствовать, как под моим лобзаньем,
Краснея, разгоралася щека
И губы сохли... трепетным дыханьем
Менялись мы так медленно... пока...
Но тут я, против воли, небольшую,
Увы! поставить должен запятую.

17

Все женщины в любви чертовски чутки.
(Оно понятно: женщина-раба)
И попадья-злодейка наши шутки

Пронюхала, как ни была глупа.
Она почла, не тратив ни минутки,
За нужное — уведомить попа...
Но как она надулась, правый Боже!
Ей поп сказал: «Еб^ет ее, так что же?..»

18

Но с той поры не знали мы покоя
От попадьи... Теперь, читатель мой,
Ввести я должен нового героя,
И впрямь; он был недюжинный «герой»...
«До тонкости» постигший тайны «строя»,
«Кадетина», «служака записной»
(Как лестно выражался сам Паскевич
О нем) — поручик Пантелея Чубкевич.

19

Его никто не вздумал бы ловласом
Назвать... огромный грушевидный нос
Торчал среди лица, вином и квасом
Раздутого... он был и рыж и кос.
И говорил глухим и сиплым басом
Ну, словом — настоящий малоросс!
Я б мог сказать, что был он глуп, как мерин,
Но лошадь обижать я не намерен.

20

Его-то к нам коварная судьбина
Примчала... я, признаться вам, о нем
Не думал или думал: «Вот скотина!»
Но как-то раз к соседу вечерком
Я завернул... о, гнусная картина!
Поручик между Сашей и попом
Сидит перед огромным самоваром
И весь пылает непристойным жаром.

21

Перед святыней сана мы немеем,
 А поп сановник — я согласен — но
 Сановник этот сильно под шефеем...
 (Как слово чисто русское, должно
 «Шефе» склоняться)... Попадья с злодеем,
 С поручиком, я вижу, заодно...
 И нежится, и даже строит глазки,
 И расточает «родственные» ласки.

22

И под шумок их речи голосистой,
 На цыпочках подкрался сзади я...
 А Саша разливает чай душистый,
 Молчит — и вдруг увидела меня...
 И радостью блаженной, страстной, чистой
 Ее глаза сверкнули... О, друзья!
 Тот милый взгляд проник мне прямо в душу...
 И я сказал: «Сорву ж я эту грушу!»

23

Не сватался поручик безобразный
Пока за Сашей... да... но стороной
 Он толковал о том, что «к жизни праздной
 Он чувствует влеченье, что с женой
 Он был бы счастлив... Что ж? он не приказный
 Какой-нибудь!» Пригом поручик **мой**,
 У «батюшки» спросив благословенья,
 Вполне достиг его благоволенья.

24

«Ну погоди ж, — я думал, — друг любезный!
 О попадья-плутовка! погоди!
 Мы с Сашей вам дадим урок полезный...

Жениться вздумал!.. время впереди...
Но все же мешкать нечего над бездной».
Я к Саше подошел... в моей груди
Кипела кровь... поближе я придвигнул
Свой стул и сел.. Поручик рот разинул.

25

Но я, не прерывая разговора,
Глядел на Сашу, как голодный волк...
И вдруг поднялся... «Что это? так скоро!
Куда спешите?» — Мягкую, как шелк,
Я ручку сжал... «Вы не боитесь вора?..
Сегодня ночью». — «Что-с?» Но я умолк;
Ее лицо внезапно покраснело...
И я пошел и думал: ладно дело!

26

А вот и ночь... торжественным молчанием
Исполнен чуткий воздух... мрак и свет
Слился в небе... Долгим трепетанием
Трепещут листья. — Суeta сует!
К чему мне хлопотать над описаньем?
Какой же я неопытный поэт!
Скажу без вычур: ночь была такая,
Какой хотел я: темная, глухая.

27

Пробило полночь... Время... Торопливо
Пришел я в сад к соседу... Под окном
Я стукнул... растворилось боязливо
Окошко... Саша в платьице ночном,
Вся бледная, склонилась молчаливо
Ко мне... — «Я вас пришел просить...» — «О чём?
Так поздно... ах! зачем вы здесь? скажите?
Как сердце бьется... Боже! нет! уйдите!..»

28

«Зачем я здесь? О Саша! как безумный
 Я вас люблю». — «Ах, нет, — я не должна
 Вас слушать...» — «Дайте ж руку...» Ветер шумный
 Промчался по березам... Как она
 Затрепетала вдруг! — Благоразумный
 Я человек, но плоть во мне сильна,
 А потому внезапно, словно кошка,
 Я по стене вскарабкался в окошко.

29

«Я закричу», — твердила Саша. (Страстно
 Люблю я женский крик и майонез.)
 Бедняжка перетрусила ужасно,
 А я — злодей, развратник — лез да лез.
 «Я разбужу сестру, весь дом...» — «Напрасно...»
 (Она кричала... шепотом) — «Вы бес!..» —
 «Мой ангел, Саша, как тебе не стыдно
 Меня бояться... право — мне обидно...»

30

Она твердила: «Боже мой!.. о Боже!»
 Вздыхала, — не противилась, — но всем
 Дрожала телом. Добродетель все же
 Не вздор... по крайней мере, не совсем, —
 Так думал я; но «девственное ложе»,
 Гляжу, во тьме белест... О, зачем
 Соблазны так невыразимо сладки!!!
 Я Сашу посадил на край кроватки.

31

К ее ногам прилег я, как котенок;
 Она меня бранит, а я молчок —
 И робко, как наказанный ребенок,

То ручку, то холодный локоток
Целую, то колено... Ситец тонок,
А поцелуй горяч... И голосок
Ее погас — и руки стали влажны,
Приподнялось и горло... Признак важный!..

32

И близок миг... над жадными губами
Едва висит на ветке пышный плод...
Подымется ли шорох за дверями,
Она сама рукой зажмет мне рот...
И слушает... И крупными слезами
Сверкает взор испуганный... И вот
Она ко мне припала, заминая,
На грудь и, головы не поднимая,

33

Мне шепчет: «Друг, ты женишься?» Рекою
Ужаснейшие клятвы полились.
«Обманешь... бросишь...» — «Солнцем и луною
Клянусь тебе, о Саша!» Расплелись
Ее густые волосы... змеюю
Согнулся тонкий стан... «Ах да... женись...»
И запрокинулась назад головка...
И... мой рассказ мне продолжать неловко.

34

Читатель милый! Скромный сочинитель
Вас переносит в небо. В этот час
Плачевный... ангел, Сашин попечитель,
Сидел один и думал: «Вот те раз!»
И вдруг к нему подходит Искуситель:
«Что, батюшка? Надули, видно, вас?»
Тот отвечал, сконфузившись: «Нисколько!
Ну, смейся, Зубоскал! Подлец — и только».

35

Сойдем на землю. — На земле все было
Готово... то есть, кончено... вполне...
Бедняжка то вздыхала так уныло,
То страстно прижималася ко мне,
То тихо плакала — в ней сердце ныло...
Я плакал сам, — и в грустной тишине,
Склоняясь над обманутым ребенком,
Я прикасался к трепетным ручонкам.

36

«Прости меня», — шептал я со слезами. —
«Прости меня...» — «Господь тебе судья...» —
«Так я прощен?!» (Поручика с рогами
Поздравил я.) — Ликуй, душа моя!
Ликуй! — Но вдруг... о, ужас! перед нами
В дверях, с свечой — явилась попадья!..
Со времени татарского нашествья
Такого не случалось происшествья

37

При виде раздраженной Гермионы
Сестрица с визгом спрятала лицо
В постель... я растерялся... панталоны
Найти не мог... отчаянно в кольцо
Свернулся... жду — и крики, вопли, стоны,
Как град — и град в куриное яйцо —
Посыпались... В жару негодованья
Все женщины приятные созданья...

38

«Антон Ильич! сюда!.. Содом, Гоморра!
Вот до чего дошла ты, наконец,
Развратница! Наделать мне позора

Приехала... А вы, сударь, подлец!
И что ты за красавица — умора!
И тот, кому ты нравишься, — глупец!
Картежник, вор, грабитель и мошенник!»
Тут в комнату ввалился сам священник.

39

«А, ты! ну полюбуйся, — посмотри-ка,
Козел ленивый! видишь, старый гусь,
Не верил мне!.. Не верил? ась? Поди-ка
Теперь ее сосватай.... Я стыжусь
Сказать, как я застала их... улика,
Чай, налицо (*in naturalibus*; —
Подумал я). Измята вся постелька!..»
Служитель алтаря был пьян как стелька.

40

Он улыбнулся слабо... Взор лукавый
Провел кругом... слегка махнул рукой
И пал к ногам супруги величавой,
Как юный дуб, низринутый грозой...
Как смелый витязь падает со славой
За край — хотя подлейший, но родной:
Так пал он, поп достойный, но с избытком
Предавшийся крепительным напиткам.

41

Смутилась попадья... И в самом деле,
Пренеприятный случай! Я меж тем
Спокойно восседаю на постеле.
«Извольте ж убираться вон!» — «Зачем?» —
«Уйдете вы?» — «На будущей неделе, —
Мне хорошо: вот видите ль, — я ем
Всегда, пока я сыт; а ем я много...»
Но Саша мне шепнула: «Ради Бога!»

42

Я тотчас встал: «А страшно мне с сестрицей
 Оставить вас...» — «Не бойтесь — я сильней!» —
 «Эге! такой решительной девицей
 Я вас не знал... но вы в любви моей
 Не сомневайтесь, ангелочек...» Птицей
 Я полетел домой... и у дверей
 Я попадью таким окинул взглядом,
 Что, верно, жизнь ей показалась адом.

43

Как человек, который «внес повинность»,
 Я спал, как спит наевшийся порок
 И как не спит голодная невинность. —
 Довольно! — может быть, я вас увлек
 На миг, — и вам понравилась «картинность»
 Рассказа, — но пора... с усталых ног
 Сбиваю пыль. Дошел я до развязки
 Моей весьма немногосложной сказки.

44

Что ж сделалось с попом и попадьею?
 Да ничего. А Саша, господа,
 Вступила в брак с чиновником. Зимою
 Я был у них, обедал, точно, да,
 Она слывет прекраснейшей женою, —
 И не дурна, — толстеет — вот беда!
 Живут они на Воскресенской, в пятом
 Этаже, в номере пятьсот двадцатом.

16 июня 1844. Парголово

Мы посетив тебя, Дружинин,
Остались в верном барыше:
Хотя ты с виду благочинен,
Но чернокнижен по душе:
Научишь каждого веселью,
Полуплещивое дитя.
Серьезно предан ты безделью
И дело делаешь шутя.
Весьма радушно принимаешь
Ты безалаберных друзей,
И ни на миг не оставляешь
Ты аккуратности своей.
В числе различных угощений
Ты нам охоту снарядил
Среди наследственных владений...
И лист бумаги положил
Для Чернокнижных вдохновений.

*28 июля 1854
Чертово*

РАЗГОВОР

— Мария, увенчай мои желанья.
Моею будь — и на твоих устах
Я буду пить эдемские лобзанья.
— Богаты вы? — Нет — сам без состоянья.
Один, как говорится, хуй в штанах!
— Ну нет — нельзя, — ответствует уныло
Мария, — не пойду — нет, если б два их было!

ПОСЛАНИЕ К ЛОНГИНОВУ

Недавний гражданин дряхлеющей Москвы,
О друг наш Лонгинов, покинувший — увы! —
Бассейной улицы приют уединенный,
И Невский, и Пассаж, и клуба кров священный,
Где Анненков, чужим напоенный вином,
Пред братцем весело виляет животом,
Где, не предчувствуя насмешливых куплетов,
Недолго процветал строптивый Арапетов,
Где, дерзок и красив, и низок, как лакей,
Глядится в зеркало Михаило Кочубей,
Где пред Авдулиным, играющим зубами,
Вращает Мухортов лазурными зрачками,
Где, о политике с азартом говоря,
Ты виртембергского пугал секретаря
И не давал ему в часы отдохновенья
Предаться сладкому труду пищеваренья. —
Ужель, о Лонгинов, ты бросил нас навек?
Любезнейший поэт и редкий человек!
Не ожидали мы такого небреженья.
Иль мало мы к тебе питали уваженья?
Иль полагаешь ты, что мы забыть могли
Того, кем Егунов был стерт с лица земли,
Кто немцев ел живьем, как истый сын России,
Хотинского предал его родной стихии,
Кто верно предсказал Мильгофера судьбу,
Кто сукиных сынов тревожил и в гробу,
Того, кто, наконец, — о подвиг незабвенный —
Поймал за жирный хвост весь причет наш
священный?

Созданье дивное! Ни времени рука,
Ни зависть хитрая лаврового венка
С певца Пихатия до той поры не сдернет,
Пока последний поп в последний раз не пернет!

И что же! нет тебя меж нами, милый друг!
 И даже — верить ли? — ты нынче свой досуг
 Меж недостойными безумно убиваешь,
 В купальне — без штанов — с утра ты заседаешь,
 Кругом тебя сидят нагие шулера,
 Пред вами водки штоф, селедка и икра.
 Вы пьете, плещетесь и пьете вновь до рвоты!
 Какие слышатся меж вами анекдоты!
 Какой у вас идет постыдный разговор!
 И если наконец вмешаешься ты в спор,
 То подкрепляешь речь не доводом ученым,
 А вынимашь член и потрясаешь оным!
 Какое зрелище! Но будущность твоя
 Еще ужаснее... Так, вижу, вижу я:
 В газетной комнате, за «Северной Пчелою»,
 С разбухшим животом, с отвислою губою,
 Среди обжорливых и вялых стариков,
 Тупых политиков и битых игроков
 Сидишь ты, то икнешь, то поглядишь сонливо...
 «Эй, Вася! трубочку!» — проговоришь лениво,
 И тычет в рот тебе он мокрым янтарем,
 Не обтерев его прилично обшлагом.
 Куря и нюхая, потея и вздыхая,
 Вечерней трапезы уныло выжиная,
 То в карты взглянешь ты задорным игрокам,
 То Петербург ругнешь, за что не знаешь сам...
 А там, за ужином, засядешь в колымагу —
 И повлекут домой две клячи холостягу —
 Домой, где всюду пыль, нечистота и мрак,
 И ходит между книг хозяином прусак.
 И счаствие еще, когда не встретит грубо
 Пришельца позднего из Английского клуба
 Лихая бабища — ни девка, ни жена.
 Что ж тут хорошего? Ужели не страшна,
 О друг наш Лонгинов, такая перспектива?
 Опомнись, возвратись! Разумно и счастливо
 С тобою заживем, как прежде жили, мы.

Здесь бойко действуют кипучие умы:

Прославлен Мухортов отыскиванием торфа,
Из Вены выгнали барона Мейендорфа,
Милютина проект ту пользу произвел,
Что в дождь еще никто пролеток не нашел,
Языкова процесс отменно разыгрался:
Он без копейки был — без денежки остался.
Европе доказал известный Соллогуб,
Что стал он больше подл, хоть и не меньше глуп,
А Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой,
Вконец оподлился — конечно, не ошибкой...
И Арапетов сам — сей штатский генерал,
Пред кем ты так смешно и странно трепетал,
Стихами едкими недавно пораженный,
Стоит, как тучный вол, обухом потрясенный,
И с прежней дерзостью над крутизной чела
Уж не вздымается тюльпан его хохла!

ПЕСНЬ ВАСИНЬКЕ

Доброе слово не говорится втуне.

Гоголь

Хотя друзья тебя ругают сильно,
Но ты нам мил, плеши́вый человек.
С улыбкою развратной и умильной
Времен новейших сладострастный Грек.
Прекрасен ты — как даровитый странник,
Но был стократ ты краше и милей,
Когда входил в туманный передбанник
И восседал нагой среди блядей!
Какие тут меж нас кипели речи,
Как к ебле ты настраивал умы,
Как пердежом гасили девки свечи...
Ты помнишь ли? — но незабудем мы!

Среди блядни шуток грациозных,
Держа в руке замокнувший гондон,
Не оставлял и мыслей ты серьезных
И часто был ты свыше вдохновлен.
Мы разошлись... иной уехал в Ригу,
Иной в тюрьме, но помнит весь наш круг,
Как ты вещал: люблю благую книгу,
Но лучшее сокровище есть друг!!!¹
О дорогой Василий наш Петрович,
Ты эту мысль на деле доказал,
Через тебя ерли́вый Григорович
Бесплатно еб и даром нализал.

¹ Читатель не должен судить по этим стихам о наших чувствах к одному из первых друзей наших. Истинный литератор не должен жалеть отца ради красного слова. (Примеч. авт.)

* * *

Тот, кто умел великим быть в борделе —
Тот истинно великий джентльмен.
Еби сто раз, о друг наш, на неделе,
Да будет тверд твой благородный член.
Пускай, тебя черня и осуждая,
Завистники твердят, что ты подлец.
Но и в тебе под маской скупердяя
Скрывается прещедрый молодец.
О, добр и ты!.. Не так ли в наше время,
В сей блядовской и осторожный век,
В заброшенном гондоне скрыто семя,
Из коего родится человек.

ОТВЕТ ЛОНГИНОВА ТУРГЕНЕВУ

Тургенев! кто тебе внущил
Твое посланье роковое?
Я здесь беспечно ел и пил,
Пердел устами и дрочил,
Позабывая все земное.
И вдруг — послание твое
В купальне круг наш так смутило,
Как будто всем нам копие
Воткнули в жопу или шило!
Тебе ли пьянство осуждать
И чернокнижные поступки,
Которым суждено блистать
От Петербурга до Алупки.
(Читатель ждет за сим залупки.
На, вот, бери, ебена мать!)
Тебе ль, кто, жив лет тридцать пять
Доныне не окреп в рассудке,
Стыдиться нагишом плясать
И всенародно хуй встрясать
Под видом грациозной шутки?
Скажи, ебал ли ты ежа,
Его в колени положа,
Как действуют сыны России?
Любил ли водку всей душой?
И в час похмелья — час лихой,
Алкал ли рюмки, как Мессии?
Хвала тому, кто без зазору
В грязи, в говне, на груде вшей
Паршивейшую из блядей
Готов уеть во всяку пору!

И тот велик, кто по утрам,
Облопавшись икрой и луком,
Смущает чинных светских дам
Рыганья величавым звуком.
Блажен, кто свету не кадит,
Жеманных дам не посещает,
Купаяся, в воде пердит
И глазом весело глядит,
Как от него пузырь всплывает
И атмосферу заражает
Но наслажденью не вредит!

ПАРГОЛОВСКИЕ ИДИЛИИ

1

Насрал я в тени сикоморы,
Подтерся лопушником я
И слышал кругом разговоры,
Что я и подлец, и свинья.
Прошел тут какой-то ядрило.
Меня он свирепо ругнул.
Но сам, поскользнувшись, рыло
В мое изверженье воткнул.
Казалось, и самые птицы
Бежали картины сея,
Лишь робко младые девицы
Глядели на кончик хуя.
А с розой шиповник шептался,
Зефиры порхали кругом.
И к небу, -виясь, поднимался
Лопушник, покрытый говном.

1850

ПОСЛАНИЕ КНЯГИНЕ БУТЕР

Мы, плебеи, пришли издалека
Поглядеть на владенья твои.
Нет в кармане у нас ни бойока,
Но здоровы и толсты хуй.
Покажи нам дворец твой блестящий,
Где так много чернил и статуй.
Мы ж за то тебе — вечно стоящий
Обнаружим ядреный наш хуй.

Ты стара и богата не в меру,
Мы же в бедности гнусной живем.
Наеблась ты Полье и Бутеру,
А теперь мы тебя заебем.

ПОДРАЖАНИЕ ДАНТУ

(писано в Парголове в бурный вечер)

Из всех людей, пристрастных к жепенядису,
 Один лишь поп, подняв бесстыдно рясу,
 Ебет при всех, за небольшую мзду.

Давно уж он в борделях не бывает,
 И женский род открыто презираст,
 И брачно рыгает на пизду.

Не знает он, что по законам русским
 Того, кто тычет хуй по жопам узким,
 Во всех церквях проклятью предают

И, повестив печатно всю Европу,
 Спустив-порты и оголивши жопу,
 Треххвостником на площади дерут.

Когда ж во ад отыдет подлый грешник,
 Пятьсот бесов, церковный взяв подсвечник,
 В широкий зад преступника воткнут.

И, накалив металл его докрасна,
 Беснуясь и ликуя велегласно,
 Подсвечник тот там трижды повернут.

Смотреть на казнь смердящей сей особы
 Все дроочуны придут и жогоебы.
 И весь в огне предстанет Вельзевул.

И лопнет зад — и будут своды ада
 Исполнены зловония и смрада,
 И крикнет поп: миряне, караул!

АЛ. ДМ. Г.Щ.Н В ЭЛЕГИЧЕСКОМ
РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА

Элегия

Однажды наш любезнейший Сатир
Вошел в бордель с Кирилиным Андреем
И, портеру хватив, вешал: «Наш мир
Стареется, и сами мы стареем!
Друзья, друзья! полезли вы в чины
(Хоть чин высокий нездоров для хуя!),
И прежние лихие блядуны
Трудятся для наград и почечуя!
Увы! увы! согнувшись, сидит
За картами Каменский наш плешивый.
Мантилии он больше не винтит.
Он стал Штабс-Рат и дилетант спесивый!
Заходится лишь ухо у него тогда,
Как де Лагранж отдернет трель синицей,
В бездействии висит его елда,
Зато болит всесчасно поясница!
Где Лонгинов, сей сердцу милый хлыщ,
Достойный бард бордельного лакея?
Умчался он от клуба и блядищ
В Москву, отчизну волки и елея!
А Пейкер? Уж его не обвинит
Наш Федька-дрянь¹ в деяниях непристойных!
О милый друг, не лучше ль во сто крат
Быть прежним безалаберным Андреем?
О милый друг, не лучше ль по ночам
Иль в бурный день являться средь столицы,
С банкротами ходить по хересам
И оставлять платки свои девицам? ²

¹ Известен анекдот об Андреевском Федьке, предостерегавшем молодых чиновников от дружбы с Пейкером, Гущиным и Кирилиным. (Примеч. авт.)

² Похождение А. Гущина в Гессен-Дармштадте. (Примеч. авт.)

Хвала тебе, Степан Струговников!
И ты, меньшой из канцелярских братий!
Дружинин наш, любитель портеров,
Так оба вы пример для всех собратий!
И молоды обоим лета вам.
И с дракой бал, и кгли срдь Туннеля,
И нагишом кадриль среди борделя.
И блядовство по грязным Чердакам!
На зло годам, на зло вестям из Крыма,
Собачий кляп Судьбе сулите вы,
Так блядуны воинственного Рима
Перед судьбой не гнули головы!
Враги чинов и с ними почечуя,
Вы любите веселье одно!
Зато ваш дух бодрей монашья хуж:
Цветете вы — а мы — давно Говно!!»

* * *

Ушел Сатир. А вся бордель рыдала,
Кирилина блевало в уголку.
И тень Ждановича привет свой посыпала
Любезнейшему старику!

2 ноября 1854

БОРДЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИК

Поэма

Посв. И. И. Панаеву

Nejsum maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nell a miseria.

Dante

I

Уж ночь над шумною столицей
Простерла мрачный свой покров.
Во всей Мещанской вереницей
Огни сияют бардаков.
В одном из этих заведений
Вблизи Пожарного Депа
Уж спит от винных испарений
Гуляк наебшихся толпа.
Из них один лишь, нализавшись,
Не спал, как истинный герой;
С распутной девкой повалявшись
И поиграв ее дырой,
Оставил он ее в постеле,
Уселся возле на диван,
Решился ночь провесть в борделе
И принялся за свой стакан.
Все окружавшее нимало
Его теперь не занимало:
В постеле, заголив пизду,
Развратная, как Мессалина,
И недоступная стыду,

«Тот страждет высшей мукой, // Кто радостные помнит времена //
В несчастий...» (Дант. Божественная комедия. Ад, V, 121—123, перев. М. Лозинского).

Лежала девка Акулина.
 Две титьки, словно две мошны,
 Величиной, как два арбуза,
 Блевотиной орошены,
 У ней спустилися до пузы.
 Огарок сальный у окна
 Бросал на все свой блеск унылой...
 Но наш герой, хотя без сна,
 Не видел сей картины милой.
 И задремал он наконец...
 В дверях, рисуясь в полумраке,
 Пред ним стоял в дырявом фраке
 Борделя сумрачный жилец.

II

Откуда он? Никто не знает,
 Живет уж он в борделе год
 И никому не доверяет
 Своей минувшей жизни род.
 Носились слухи, что близ Банка
 Со сводней он когда-то жил,
 Но выгнан был, потом ходил
 Он с тамбурином за шарманкой.
 Что б ни было. В борделе той
 Ему был хлеб не даровой.
 Его заслуживал он потом:
 У девок вечный был фактотум
 И не роптал на жребий свой.
 Он ставил в кухне самовары,
 В бордель заманивал ебак,
 С терпением сносил удары
 Лихих бордельных забияк.
 Когда ж все в доме было пьяно
 И сонм блядей плясать хотел,
 Для них играл на фортепьяно

И песни матерные пел!
Под скромной кличкою Ивана
Скрывался незнакомец сей,
И никому он даже спьяна
Не вверил повести своей.

III

И так Иван, глядя угрюмо,
Стоял насупившись в углу,
И грустная мелькала дума
По бледному его челу.
И, видно, тяжкое страданье
Не мог он больше превозмочь:
Он сделал к ебарю воззванье
И начал вдруг повествованье.
Вот вам слова его точь-в-точь:

IV

«Ты думаешь, блядун вседневный,
Кого здесь часто вижу я,
Что рок всегда мой был плачевный,
Что от рожденья я — свинья,
Что бегать в лавку за селедкой
Для девок я лишь сотворен
И сводню звать своею теткой
От колыбели осужден.
Нет, нет! Не знаешь ты Ивана!
Ты исповедь узнай мою.
И хоть теперь наебся спьяна,
Дрожи за будущность свою!

V

И я ходил в белье голландском,
И я обедал у Дюме.
И трюфли заливал шампанским,

Не помышляя о тюрьме.
 Я франтом лучшего был тона,
 С князьями дружество водил,
 И титло громкое барона
 В танцклассах с гордостью носил.
 Всю жизнь кутил и бил баклуши,
 Вставлять умел лорнетку в глаз,
 И имя нежное Ванюши
 От девок слыхивал не раз.
 Беспечно развались в карете,
 Катался по Большой Морской.
 Досель в плохом моем жилете
 Заметен щегольской покрой...
 Узнай же все: перед тобой
 Мильгофер!..

VI

Обо мне немало
 Ты, верно, слыхивал давно,
 О том, какой лихой был малой
 Тот, кто теперь, увы! говно.
 Есть грозный рок: он проявленья
 Всегда различные берет.
 И нас иль в горние селенья,
 Или на съезжую ведет.
 Однажды мне нещадный *фатум*
 В лице квартального представил
 И с стражи городской солдатом
 Меня под каланчу послал.
 В моей беспечности блаженной
 Забыл я, что успел прожить
 Все то, что мой отец почтенной
 Успел на скрипке напилить.
 Необходимость научила
 Меня зайдом под векселя.
 И тут судьба не упустила

Мне дать внезапно киселя.
Оставлен знатными друзьями,
Тотчас Цирцеями забыт,
На смрадной съезжей дни за днями
Влачил я, потеряв кредит.
Единственный пальто дырявой
Мог прикрывать меня едва,
И я, танцклассных буйств глава,
Навек с своей простился славой.
И молча гас...

VII

Как я потом
Обрел постылую свободу,
Терпел, попал в бордельный дом,
Со сводней прожил больше году
И ею выгнан был... что в том?
Я не хочу сих ран сердечных
Напрасно снова открывать!
Довольно уж того, что вечно
Я должен здесь себя скрывать.
И пусть бы в этом заведенье
Я жил на сводника правах!
Завидно это положенье!
Но нет! я обратился в прах.
Невольник бандерши капризов,
Слуга покорнейший блядей,
Я знаю в качестве сюрпризов
Одни побои в жизни сей...

VIII

Итак, неопытный гуляка,
Да вразумит тебя пример:
Того, кто тоже был ебака,
В танцклассах первый кавалер.

Смотри, чтоб и тебе порою
О прошлых днях не потужить
И, с жизнью рас простясь лихою,
Бордельным мальчиком служить!..»

IX

Умолк! И безотрадным взором
Вокруг себя Иван повел,
Но страха этим приговором
Ни на кого он не навел.
Пред ним печальную картину
Огарок сальный озарял:
В постеле бздела Акулина
И ебарь наш во сне рыгал.

Кончено 29 октября 1852 года

СВАДЬБА ПОЭТА

Сиял уже свечами храм.
На клиросе блеяли.
Венчался с блядью гнусный хам,
Хлыщи венцы держали.
Противу двери от двора
Стояли пред амвоном
Четы позорной шафера:
Ярыжкин наш с Платоном.
Давно уж вам знаком майор,
Платон же величавый —
Брат Кукольнику, сущий вор,
Не малое укравый.
И книжников был целый клир
При бракосочетаньи;
И тот, кто днесъ убог и сир,
Присущ был в сем собраньи.
О Жернаков! речь о тебе!
Блеснул ты метеором
И, смело вверяся судьбе,
Сначала не был вором.
Ты не был жертвою заклан
В те дни еще Фаддеем,
Не вовсе пуст был твой карман
И слыл ты грамотеем.
И ты весь в бархате, в бобрах,
О Ольхин! был во храме.
Служил ты прежде в сторожах,
Женился вдруг на даме,
Открыл богатый магазин,
И зажил припевая,
Прохлад и нег роскошный сын,
Невзгод не ожидая.
Но днесъ, увы, объявлен ты,
Друг, злоственным банкротом.

И не спасен от нищеты
     Булгарина оплотом.
 И ты, на эскимосский лад
     Французский прощельга,
     Плюшардий! был бы уж богат,
     Да погубила книга.
 В ее ль семнадцати томах
     Лежат твои приходы?
 Не в двадцати ль борделях, ах!
     Их прожил ты в те годы?
 И он, и он был в их строю,
     Лисенков оный смелый,
     Кто пал с Булгариным в бою
     На щит осиротелый.
 Меж них и твой тюрбан блистал,
     Кондратьевна Жанета,
     Кого наш век лишь сводней знал,
     Но блядью — древни лета.
 Твоей бордели наш поэт
     Амалией обязан —
 И к алтарю ее ведет,
     Навеки с нею связан.
 И ты, Бернет, там предстоял
     И видел все в тумане,
     Как будто ты предузнавал
     Судьбу свою заране.
 Но чья седая голова
     Виднеется во мраке?
 Кто движется в толпе едва
     В мундирном новом фраке?
     Как лучезарная звезда,
     Ланит румянец яркий, —
     Чело, как бритая <пизда>
     Дряхлеющей татарки,
     Все, все вещает в нем гостям:
     Грядет во храм вельможа!

И шлет поклон по сторонам
Предательская рожа.
Се тот, кто сочетать решил
Видока с Совестдралом
И бездну мерзостей успел
Вместить в сем теле малом.
Се ты, любимцем русских муз,
Булгарин необъятный,
Пришел благословить союз
Четы сей благодатной!

Почетной стражи целый строй
Явился за Видоком, [Фаддеем]
То тли был необъятный рой,
Назвать ее посмеем:
Алеша Греч, меньшой из чад
Гнезда пчелы поганой.
И телом, и душою гад
Вонючий и засранный.
И мелкий червь из-под Москвы
Межевич — цвет собранья —
С задором, но без головы,
Пустившийся в писанье.
Другие... но пора давно
Вернуться нам к герою.
Мы в сорта высшего говно
Должны ступить ногою.

И вот уж начался обряд.
Терзаемый изжогой,
Бросает Нестор гордый взгляд
На лик Жанеты строгий.
Невеста чуть жива стоит,
Упреков ожидая:
Увы! теперь ей предстоит
Обязанность иная.

Теперь, вступая в высший свет,
 Супруге Бригадира,
 Ей посетить уж льготы нет
 Приют любви и мира,
 Где сладко жизнь вела она
 В кругу блядей здоровых
 И, вечной кротости полна,
 Е~~бл~~а~~сь~~ за пять целковых.
 И вот похабная чета
 Меняется перстнями,
 И се — священные уста
 Разверзлися словами:
 «Раб Божий Нестор обручен,
 Обручена Амалья!»
 И забасил «аминь!» не в тон
 Ярыжкин наш каналья.

Вокруг налоя молодых
 Ведут рука с рукою,
 И вдруг разнесся сзади их
 Какой-то смрад струею.
 Бежит церковный с тряпкой страж —
 И вдруг узрели что же?
 Произвести такой пассаж:
 Ни на что не похоже!
 Ярыжкин, выпуча глаза,
 В неслыханной натуге,
 Как будто получив туза,
 Блевал на шлейф супруги.
 Но все счастливо обошлось,
 Страж вытер все тряпницей,
 И поздравленье началось
 Сей притчи во языцах.

Тогда почетный гость Фаддей
 Ступил на середину

Благословить своих детей:
Они согнули спину,
А он над ними длань простер,
Как патриарх маститый,
И, чмокнув их, пошел на двор
С своей достойной свитой.

Теперь перенесемся в дом
Близ церкви Вознесенья,
Где страшный поднялся содом
Во славу обрученья.
И загремел венчальный пир
С приправой жирных брашен:
Но брюху русскому сей жир
Отраден, а не страшен.
Портвойн от Фохтса заиграл
Вслед русской кулебяки,
Хозяин пьяный закричал:
«Долой штаны и фраки!»
Развеселил собою Брант
Своих собратий мрачных.
Элькан пропел хвалебный кант
Во славу новобрачных.

В углу возник горячий спор
Меж пьяными гостями,
И поселился вдруг раздор
Меж сими господами.
Ругнул нечаянно Бернет
Жандармов благородных
И закричал, что в мире нет
При них идей свободных.
Ярыжкин крикнул: «Не болтай,
Ты их узнаешь силу!» —
И как-то дернул невзначай
Смирновского по рылу.

Смирновский громко возопил
 И, яростью пылая,
 Хватил майора со всех сил.
 Куда и сам не зная.
 Майор схватился за м^{уде}
 И дал туга кому-то.
 И драка вдруг пошла везде
 В единую минуту.
 И все слилось в какой-то сброд
 Каких-то харь разбитых,
 Расквашенных носов, бород
 И фонарей подбитых.
 К скандалам не привыкнув сим,
 Кондратьевна Жанета
 Кричала с ужасом тупым:
 «Где, где моя карета?»
 И невзирая ни на что,
 Хоть драка унялася,
 Она сыскала свой пальто
 И тотчас уплелася.
 Когда волненье унялось,
 Тот тер виски и ляжки,
 Другой примачивал свой нос,
 Иной чинил подтяжки.
 И вот настало наконец
 Священное мгновенье,
 Когда Гимена новый жрец
 Изъедет на служенье.
 На брачной комнаты порог
 Ступили молодые
 И преклонилися до ног
 Перед Фаддея выей.
 Но, выпив с лишком полведра,
 Не мог жених подняться —
 И на полу он, как гора,
 Был принужден остаться.

Майор позвал скорей людей,
И Нестора подняли,
С трудом сташили до дверей
И на постель расклади.
Меж тем Амалия вошла
В дезабилье красивом,
К супругу робко подошла
В неведенье счастливом.
И вдруг... о ужас! перед ней
Свершилось в очью чудо:
Внезапно появилась ей
Облеванная груда.

О ложе неги, пое_{бк}ов
И всяческих даваний!
Тебе ли местом быть блевков
И бзд_{ох}ов и рыганий?
Но долг супруги превозмог:
Амалия решилась
И, кое-как в постель, близ ног
Супруга поместилась.
Как провели супруги ночь
В облеванной постели
И как е_{блись}? о том точь-в-точь
Сказать мне не сумели.
Но это, право, все равно
И им, и вам, читатель:
Амалию уж е_б давно
До свадьбы наш приятель.
Он с ней теперь семь лет живет
И, блядь свою целуя,
Ее он маменькой зовет:
Так посулим им _{хуя}!

ОРФЕЙ

Баллада

Как тень блуждает он и дико
На всех глядит,
Певец, просравший Евридику,
Твой жалок вид.
Там во владениях Плутона
Она живет.
И тот, тайком от Персефоны,
Ее ебет.
Орфей, тоскуя о супруге,
Взмолился так:
— О боги! гибну от натуги,
Стоит елдак.
Изнемогают мои силы,
Мне нестерпеть,
К тебе стремлюся, призрак милый,
Чтобы поеть.
К мольбам моим не будьте строги,
Хочу я жить.
Мне возвратите ее, боги,
Чтоб не дрочить! —
Певца печали боги вняли,
Быть по сему.
За Евридикой пропуск дали
В Аид ему.
К чертогам мрачного Плутона
Орфей плывет
И, сидя в лодке у Харона,
В мыслях ебет.
И пред Плутона грозны очи
Орфей предстал.
И изо всей, что было, мочи

Ему сказал:

— Грозных богов ареопага
Слушай приказ,
Вот в доказательство бумага,
Чтобы тотчас
Была отпущена обратно
Моя жена,
Тоска моя тебе понятна.
Она должна
Опять со мной соединиться
И быть моей.

— Богам я должен покориться!

Слушай, Орфей:
Я Евридику возвращаю.
Словам внимай,
Есть до земли я запрещаю,
В том клятву дай,
Что на нее даже и взгляда
Не кинешь ты,
Осуществишь за то в награду
Свои мечты.

Сольешься с нею в грехном мире,
Здесь не дерзай.

И путь обратный свой на лире
Пой и играй. —

Но не пришлось сдержать Орфею
Свои слова,
Рассудка страсть была сильнее
И божества.

Презрев завет, на Евридику
Он кинул взгляд,

И вмиг она с ужасным криком
Умчалась в ад.

Орфей с досады, то понятно,
Словца загнул
И всех родителей тут внятно

Он помянул.
 И дал обет, прокляв Плутона,
 Баб не иметь
 И в жопу стал против закона
 Мальчишек еть.
 И стал отцем педерастии
 Певец Орфей,
 Те семена дошли благие
 До наших дней.
 И вот теперь по всей вселенной
 И там и тут,
 То знает всякий несомненно,
 В жопу ебут.
 И так кончаю я балладу
 И слова жду,
 Что вы мне скажете в награду:
 «Ступай в пизду!»
 Тени твоей на утешенье,
 О, сквернослов,
 Я посвящаю сочиненье,
 Иван Барков.
 Играя пусть в загробном мире
 Среди теней,
 Вновь воспоет тебя на лире
 И мой Орфей.

1898

Сочинено на званом обеде у Бахрушина

ПЛУТОВКА НАДЯ

Поэма

I

Месяца три подбирал я квартиру
Ближе к аптеке, пивной и трактиру,
Пусть хоть каморка и будет мала,
Ссудная касса чтоб рядом была.
Но наконец на одном из окошек,
Где красовался герань и горошек,
Мне удалось со стараньем прочесть
«Для одинокого комната есть».

II

Я позвонился... Является дворник,
Грубой политики явный поборник,
— Что тебе надо? — он дерзко спросил,
Я ему дело свое объяснил.
— Эта туда, под ворота налево! —
Он мне ответил почти что без гнева. —
Там ты, милейший, найдешь коридор,
В нем тебе дверка придется в упор.
Это и будет 13-й номер,
Муж ейный будет полгода как помер.

III

Я зашагал и нашел эту дверь.
Помню ее я отлично теперь!
Через минуту сидел я на стуле.
Но ожиданья меня обманули,
Вместо поддержанной хилой вдовы
Я увидал... не поверите вы!
Шельму какую-то, прелесть, плутовку,
Точно художника греза, головку.

Тут уж плохая из скверных квартир,
 Где бы отсутствовал даже сортир,
 Будет роскошною княжеской виллой,
 Иначе надо быть разве гориллой.

IV

Вдовушка тотчас меня повела,
 Упомянув, что плохие дела,
 Комнату съемную вмиг показала —
 В целую сажень квадратное зало,
 В месяц просила она пять рублей,
 Я бы и десять отсыпал, ей-ей.
 — Как ваше имя? — спросил я любовно.
 Мне отвечали: — Надежда Петровна!
 — Значит, Надежда Петровна, я — ваш,
 Лишь через час притащу свой багаж.

V

— Рада за то я, что есть постоялец,
 Мне веселее работать у пялец.
 Пять-то рублей на полу не найдешь,
 Нынче так дорог разломанный грош. —
 Я переехал и с вдовушкой вскоре
 Время делили в пустом разговоре.
 Правда, сначала для этого слов
 Труден, как водится, был наш улов.
 Темой служила нам речь о погоде
 Или подобное в этом же роде,
 Крикнешь из комнаты, сморщивши лоб:
 — Видите, тащут по улице гроб! —
 Или с серьезною миной, бывало,
 Скажешь, что сильно мука вздорожала.
 И, занимаясь работой в тиши,
 С Надей мечтал я сойтись от души.

VI

Ночью бывало особенно гадко, —
Как-то досадно, и грустно, и сладко.
Это, конечно, постигнете вы,
Если поймете соседство вдовы.
Время ли спать наступает Надюше,
Слышат мои навостренные уши,
Как по подушке раздастся: хлоп, хлоп!
Как отворяется дверь в гардероб.

VII

К маленькой щелочке я припадаю
И в полутьме кое-что разбираю:
Платье долой и кладется на стул,
Юбка за ним... а потом караул:
Вот поднимается правая ножка
И обнажается тело немножко,
Вот и другая — ботиночек нет!
Надя снимает роскошный корсет.
Из-за сорочки торчат буфера,
Их описать не жалею пера!
Пара каких-то огромных бананов,
Что превращает мужчин всех в баранов!
Вот до чулочек доходит черед,
Ручка чулочек за пятку берет,
И открывается пухлое тело,
Мысль между ножек как будто узрела...
Нет! Не могу я всего передать,
Это все надо самим увидать.

VIII

Как-то проснуться мне ночью случилось,
В ту же минуту, как Надя мочилась.
Слыша журчание Надиных ссак,

Мигом вскочил мой огромный елдак.
 Смолкло журчанье — урлыник убрали,
 Но возбужденно колени дрожали.
 Разве забывши и совесть и честь,
 Силой что надо себе приобрести.
 Я ведь совсем не безумный ублодок.
 Женская честь в наши дни предрассудок.
 Мысль растерялась, бессилен и ум
 Сделать оценку бесстыднейших дум.

IX

Часто решался я двинуться к двери
 С остервенением дикого зверя,
 Но по дороге стояла вода,
 Выльешь глоток — и поможет всегда.
 Дальше да больше — и время настало,
 Надя ко мне кой-куда забегала,
 Или же я, оставляя свой труд,
 К ней заходил на 15 минут.
 Помню, один раз с кухмистерской утки
 Я приобрел возмущенье в желудке,
 Сиречь донельзя здоровый понос,
 Скверно мне в этот денек привелось.
 Только успеешь засесть за работу,
 Пернешь уныло, подобно фаготу,
 Значит, беги поскорее туда,
 Где обнажаемся мы без стыда.

X

После обеда раз десять до чаю
 Опорожнился примерно я, чаю,
 Только успеешь вернуться назад —
 Снова бежать я обратно уж рад.
 Даже, поверьте, устали и руки
 С задницы стаскивать модные брюки,

В это-то время случился скандал:
Надю в сортире я как-то застал!

XI

Наш «кабинетик» лишен был запора.
Он не боялся вторжения вора,
Правда, в нем нечего было и взять,
Если с бумагой кулька не считать.
Только покинул я вонь кабинета,
Снова бурчанье и вздохов ракета.
Я снова [резво] туда поскакал,
Опорожниться я вновь пожелал.
Дверь отворил... и явилась картина:
На стульчаке восседала Надина.
Ноги раздвинуты... между же ног
Нади пизденку увидеть я мог:
С черной, кудрявой, лохматой опушкой,
Мне показалась пиздышка игрушкой,
Секель торчал из-за розовых губ,
Сверху виднелся кокетливый пуп.
Надя смутилась, как рак покраснела,
Сзади у Нади витушка висела.
Я не смущаясь урыльник схватил,
Тут же при Наде в него навалил.

XII

После того мы побольше недели
Весть разговоров взаимных не смели.
Мало-помалу забылся скандал,
Я уж Надюше конфект покупал,
В комнате с ней проводил вечерок:
Надя вязала ажурный чулок,
Я же читал ей любовный роман,
Сев на просторный Надюшин диван.
Раз я прочитывал ей Поль де Кока,

Томные глазки раскрылись широко,
 Слушала Надя «Веселенький дом»,
 Этот пикантный игривенький том.
 Мы, прочитавши, вели разговоры,
 Страстью дышали взаимные взоры.

XIII

И под конец я у Надиных ног,
 Даже дышать я как будто не мог,
 Губы слились, зазвучали лобзанья,
 Кончились муки и грусти терзанья.
 Все мне дозволено с этой поры,
 Без опасенья за это кары.
 Пробило полночь. Мы вместе разделись.
 Я ей раздеться кой-как помогал.
 Даже чулок впопыхах разорвал.
 После на Надиной мягкой постели
 Делали [с нею] мы все, что хотели.
 Даже не знала волшебница ночь,
 Кто нами сделан [был] — сын или дочь.

Конец

ГУВЕРНАНТКА

Была мать нежная, любила
Чрезмерно так своих детей,
Сама их в сад гулять водила
Все время ясных светлых дней...

Она с терпнем отвечала
На каждый детский их вопрос.
Потом, наскучив, отпускала
С своими няньками гулять.

Сама под тению садилась
Вязать чулки иль за шитье.
И, одинокая, сердилась
На очень скучное житье.

Но что ж при роскоши мешало
В кругу семьи столь скучной быть?
Увы! она припоминала,
Как было прежде сладко жить!

Как, сбросив девственны оковы,
Впервые мужа обняла
И сладострастья чувства новы
С приятной болью познала.

Как после муж с живым с участьем
В ней перемены замечал —
И будущим нельстивым счастьем
Ее в унынье утешал.

Теперь всему уж хладнокровный
Из дому часто он езжал,
И без жены весьма спокойный
Он зайцев с гончими гонял.

И тот восторг припоминала,
Который в муже виден был,
Когда страдания скончала
И их Творец благословил.

Малюткою прекрасным сыном.

Как любовался, как лобзал
И романтическим Эдвином
Он первенца любви назвал.

Теперь об этом-то Эдвине
Хочу я честно говорить
И, не замеченну поныне,
Ошибку маменьки явить.

Сколь страшно отроков мадамам
Иль юным на руки давать:
Как раз воспользуются правом
И долг супругов познавать!..

Когда Эдвину совершилось
Четырнадцать приятных лет,
То с ним мадам не разлучилась —
Она за ним всегда вослед.

Его поступки наблюдает,
Мораль при матери твердит,
И он с мадамой не скучает,
Он смело ей в глаза глядит.

Мадам мать очень восхищает,
Что так Эдвином занята
И что так скоро приучает
К терпению пылкие лета.

И что в поступках уж развязка
Открылась смелостью лихой.
Но подождите, друзья, сказки
Развязкой кончится покой.

Эдвин собою был прекрасный,
Еще невинностью дышал,
Как купидончик сладкогласный
Уж что-то сердцу прощептал.

Все к одиночеству стремилась
Его душа, — но, как порой
Мадам прекрасная садилась
К нему, он оживал душой.

И уж текли невольно речи,
Пылали щеки, как в огне,
И кудри пышные на плечи
В небрежной пали красоте.

Она испытанной рукою
Играет локоном его.
Но сделать с робкою душою
Она не в силах ничего.

Она лукаво замечала
Движенье пламенных страстей,
И как рука его дрожала,
Нечаянно коснувшись к ней.

Она в нем видела страданье,
И девы робкую любовь,
И сладострастное желанье,
Желаннее самих богов.
Он сердцем тяжело дышал.
Ему чего-то все хотелось.
Чего ж? Он сам не понимал.

Мадам то ножку выставляла
Или, к плечу склоняясь главой,
Его стан тонкий обвивала
Своей губительной рукой.

На месте если бы Эдвина
С мадамою случился быть
Довольно опытный мужчина,
Он знал бы, с ней как поступить.

Эдвин лишь в сладостном забвеньи
На плечи руку класть дерзал
И то в ужаснейшем движеньи
Назад, опомнясь, отнимал.

Он хочет снова прикоснуться,
Но нежная рука дрожит.
Устами хочет к устам прильнуть,
Но в жилах холод пробежит.

Ему и страшно и приятно

Ее к груди своей прижать
 И ей лобзанием понятно
 «Люблю» желанное сказать.

Желанья грешного волненьем
 Мадам прекрасная горит —
 И с тайным в сердце сожаленьем
 Одна прелестница стоит.

Перед нею зеркало сияет,
 Блестяще-чистой полосой,
 И лик приятный отражает
 В себе кокетки молодой.

Она в нем смотрится приятно,
 И говорит: «Я не дурна!»
 Эдвин может легко плениться,
 Бела, румяна и полна.

По плечам локоны вьются,
 И мягче нежныя волны.
 Уста и дышат и смеются,
 А груди мягки и полны.

Под ними бьется сердце страстно,
 Волнует буря грудь мою.
 И говорит она всесасно:
 «Зачем Эдвина я люблю?»

И вдруг, трепеша, подымает
 Исподник нежною рукой.
 И смотрит то, что занимает
 Всех милых девушек порой.

Глядит, как нежно пух растется
 [клубится],
 Как ширится приятно щель,
 Меж тем в ней сердце стало биться,
 И хочет только лечь в постель.

Как вдруг вбежал Эдвин мальчишка
 И за собой дверь притворил.
 Она кричит: — Зачем, плутишка,

Сюда пришел, что здесь забыл? —
И быстро платье опустила,
Приняв наставницы вдруг вид.
С притворной важностью спросила,
Кто же здесь быть ему велит?

Пред нею на колени пав, —
Питомец наш еще не знает
Таинственных природы прав.

— С одной поры во мне волнует
Мой дух непостижимой <силой>.
Зефир ли нежно, тихо дует,
Когда в мечтании унылом
Сижу под липою густой,
Ваш лик божественный и милый
Вдруг предстает передо мной,
Полусерьезный, полууныльй.

К нему я руки простираю,
Хочу обнять — исчезнет вновь.

Скажите мне, ах! я не знаю,
Как это звать? — [Как звать?] Любовь.

— Любовь, — она [в ответ] сказала,
Простер объятия к нему. —
Любовь, Эдвин! — и замолчала,
Склонив в смущении главу.

— Я вас люблю, любить желаю, —
Сказал восторженный Эдвин, —
Но я иное ощущаю,
Как нахожусь при вас один.

Чтоб вас любить, этого мало,
Хочу чего-то свыше сил.
Чего-то мне недоставало,
Когда в саду я с вами был.

Теперь, в щель двери примечая,
Как вы, пред зеркалом стоя
И нежно тело обнажая,

Шептали что-то про себя,
 Я зрел меж вашими ногами
 Совсем не то, что есть у нас,
 Куда прелестными перстами
 Пихали бережно сейчас.

Боготворимая! скажите,
 Как весть мою и вашу звать,
 Хоть краткой речью объясните,
 Как должно с ними поступать?

— Ах, негодяй! — Она вскричала. —
 Зачем тишком смотрел ты в щель?
 Теперь, плутишка, я узнала
 Внезапного прихода цель.

Нет, нет, Эдвин, ступай учиться.
 Я не здорова, я усну.

— Имею вам... но что случится
 Вдруг с вами здесь, — я помогу.

— Сиди же смирно, друг мой милый,
 Дай мне покой на полчаса. —
 И вдруг с улыбкой полуунылой
 Закрыла страстные глаза.

Эдвин в раздумья молчаливом
 У ног прелестницы сидел
 И взором страстным, боязливым
 Под платье пышное глядел.

Там что-то дивное пестрело,
 Блестя волнистой чернотой,
 И там меж влас едва светлела
 Тропинка — алоей полосой.

То взор в приятную обитель
 Эдема к нежной Еве был,
 Где ныне бедный мира житель
 Отраду с горя находил.

Куда цари, рабы стремятся,
 Достигнувши Эдвина лет,

Топясь в восторге, веселятся,
Невинности теряя цвет.

Туда его всего манило,
Туда его всего звало,
Непостижимой, чудной силой
Под платье руку привлекло.

Нагого тела он коснулся
Едва трепещущей рукой
И на колени к ней склонился
В смущеньи робкой головой.

Она же сонная лежала,
Ничем не могши шевельнуть.
Лишь что-то с бурнотью вздымало
Ей алебастровую грудь.

Но что-то очень убеждало,
Что хитрая мадам не спит
И в сонном виде ожидала,
Что будет делать фаворит.

Ее сном крепким ободренный,
Он больше платье приподнял
И, нежной страстью распаленный,
Нагие ноги лобызал.

Меж тем рука его касалась
Уже заветной черноты,
И вень упругая вздымалась,
Которой мы одарены.

Что в женщинах кокетство строит?
Чего не вздумает оно?
Им только повод лишь дать стоит —
От них давно уж решено.

Им дай заметить лишь желанье
Себя решимым показать,
А сами женщины старанье
К концу привесть употребят.

Так и мадам, прикосновенье
Услышав нежныя руки,

Как бы в случайном сновиденьи
 Спустила руку до ноги.
 Как будто мошка укусила
 Ей под коленком, став чесать,
 Она побольше заголила
 И так оставила опять.

Ну кто иметь мог уверенье,
 Друзья, здесь в это время быть
 И, видя деву в обнаженьи,
 Чтоб с ней чего не сотворить?
 Эдвин и пылкий и смущенный,
 Желанием любви горя,
 Свой пальчик твердый, разъяренный
 Засунул в алые края.
 И там едва лишь начинает —
 Сжиманье слышит он и жар.
 Как очи быстро раскрывает
 Его мадам — какой удар!

— О Боже мой, — она шепнула. —
 Эдвин, опомнись, что с тобой? —
 Он, не давая ей закрыться,
 Держа за платье, говорил:

— Мадам, позвольте насладиться,
 Уж я совсем достигнул был
 Ко входу сей прекрасной щели,
 Где мой... тем воздухом дышал.

Я с вами на одной постели
 Лежать в объятьях помышлял,
 Но вы, прекрасная, проснулись,
 Меня отвергнули опять.

А если б вы ко мне коснулись,
 Как был бы весел я, как рад... —
 И вдруг мадам он обнимает,
 Опять бросается в постель.
 И милый отрок раздвигает

Наставницы искусно щель.

И безымянный член влагает

Для измеренья мадам в цель.

— Шалун... оставь... ах? как не стыдно?

Я... маменьке скажу... Эдвин!

Бесстыдник... Ну уж так и быть...

Ну продолжай! Вложи с уменьем! —

И оба яростным движеньем

Взаимно горячили кровь.

— Ма... дам! не... бой... тесь, нас не... ви...
дно,

Я с ва... ми здесь... о... дин!..

— Эдвин!.. потихоньку...

Я... е... ще... не... множ... ко...

Ах, плут... сам с мошку...

А как искусно горячил!

А... а... плутишка, ты молчишь! —

Но уж Эдвин, лишившись сил,

В мечтаньи горестном лежал

И свой предмет науки милой

Рукой усталою держал.

Мадам его поцеловала

В глаза, и губки, и лобок

И с тихой нежностью сказала:

— Кажись, ты опять начинаешь, дружок. —

Эдвин прелестный лишь впервые

Любови торжество узнал,

И снова он красы нагие

В самозабвении лобзал.

То руку в пылком восхищеньи

Он прижимал к груди своей,

То сердца женского биенье

Рукою ощущал своей.

То с жаром к груди прижимался,

То испускал тяжелый вздох

И чуть устами не касался
 Волшебных врат, что между ног.
 Эдвин наш, страстью разъяренный,
 Горя желаньем, трепетал
 И к груди пышной, обнаженной
 Мадам младую прижимал.

Его ручонки обнимали
 Стан наставницы младой,
 Она сама уж направляла
 Член милый в щель своей рукой.
 И вот минуты чарованья!..
 Свершились гладко наконец. —
 Как вдруг средь тихого лобзанья
 Приходит с матерью отец!

Мадам с косою распущенной
 С постели кинулась бежать,
 Стыдясь, рукою разъяренной
 Стремится двери отворять.

— Бесстыдник, — мать ему сказала,
 Кидая злости яркий взор. —
 Скажи, как я тебя застала?

Ах, что за срам, какой позор!

— Благодарю, мадам! — сказала,
 Взбесившись, младая госпожа. —
 Что вас с Эдвином я застала
 Одних в постели [воз]лежала...

Вы с ним, конечно, уж познали
 Науки все и всех родов,
 А вот теперь вы толковали
 Ему обязанность отцов.

Небось, как в спальне тихомолком:
 С Эдвином быть не стыдно вам?
 Совет разумный я вам дам:
 Мадам, вы б знали книжку да иголку.

— Постойте, — с гневом муж кричит, —
 Вас надобно [бы] [про]учить.

С утра до вечера толкуют,
Спроси, сударыня, об чем?
Как с женами мужья ночуют
И сами пробуют потом.

— Сейчас же вы, мадам, идите:
Что следует за целый год,
Сейчас от мужа получите
И отправляйтесь в поход.

— Я виноват, мадам, простите!
— А будешь ты вперед когда?
— Извольте, слово вот возьмите.
Ей-ей, не буду никогда! —

И шалость [эту] мать простила,
Обет дала не вспоминать,
Потом на сон благословила
И в детскую прогнала спать.

Но что достойно замечанья,
Бывало, [розно] спят они,
Сегодня ж свыше ожиданья
Вдвоем они опять легли,
Они слугу свою прогнали
И положились в тишине...
Потом что делали — не знаю,
Но ныне уж: сказали мне,
Быть так извольте, по секрету
Что слышал от служанки я:

Она тихонько по секрету,
Когда не стало там огня,
Подкралась к двери и внимала
Какой-то *mon ange, mon dieu!*
Но этого она не понимала.

Но поцелуй когда раздался
Ужасный, жаркий на устах
Он уже с девой не стеснялся.
Он был услышан тот [же] час,
Когда же песню затянула

Свою скрипучая кровать,
Она занятье их смекнула,
То, что легко уж отгадать.

· · · · ·

Эдвин, жалея о потере,
Из детской тихо пробежал,
С служанкой встретился у двери
И нежно деву обнимал.
Он как умел, как только мог,
С ней повторил наставницы урок.

ПИЗДЕ

I

Тряхни мудами, Аполлон,
Ударь еллою громко в лиру,
Подай торжественный мне тон
В восторге возгласити миру.
Ко дверям славы восхожду,
Тебя как будто на хуй жду.
Приди и сильною рукою
Вели всех муз мне перееть,
Чтоб в них усердье разогреть
Плениться так, как я пиздою.

II

Вздрошу престрашный мой елдак,
Чтоб всю теперь явил он силу,
Совсем уже готов кутак,
Впущу спищескую жилу.
Всарначу я и взговорю,
Ебливым жаром я горю,
Бодрюсь, уёбши Парнасиду,
Иду за Пиндаром вследы,
Взношусь от Музиной пизды
Туда, где смертного нет виду.

III

На поясе небесном став,
Согласной лирой в небе звукну,
И в обе руки шмат мой взяв,
Зевеса по лбу плешью стукну,
Чтоб он сокрыл свой грубый зрак
И не дрочил теперь елдак,

Не метил плестью в щели многи,
Не портил бы земных красот,
Не драл елдою пиздий рот,
Не гнул богиням круто ноги.

IV

Нептун и адский бог Плутон,
Смягчите ярость вы без шуму,
Страшася шанкера бабон,
Оставьте вы высоку думу.
На вас не буду я смотреть,
Велю обеих перееть.
Ты, море, не плещи волнами,
Под секель ветры заключи,
А ты престрого закричи,
Чтоб в аде не трясли мудами.

V

Чтоб тем приятный звуки глас
Такие вздоры не глушили,
Скачи и веселись, Парнас,
Мы все в природе утишили.
Сойди, о Муза, сверху в дол
И на пуп залупи подол,
Я ныне до пизды касаюсь,
Воспеть теперь ея хочу
И для того елдак дрошу,
Что я пиздою восхищаюсь.

VI

Со утренних спокийных вод
Заря на аloy колеснице
Являет Фебов нам восход,
Держа муде его в деснице,
И тянет за хуй Феба в понт,

Чтоб он светил наш горизонт,
Мы блеску все его радеем.
А ты, восточная звезда,
И краше всех планет пизда,
Тобой мы день и свет имеем.

VII

Скончав теченье, Аполлон
С ефира вниз себя покотит,
К Фетиде в лоно съедет он,
Пизда лучи его проглотит,
И блеск его тогда минет,
Когда богиня подъебнет,
К мудам свою пизду отклячит,
Сокроется от нас день прочь,
Ебливая наступит ночь,
Коль Феб в богиню запендрячит.

VIII

Дрохи, о Муза, добрый хуй,
Садись ко мне ты на плешь смело,
Чтоб слабже он полез, поплюй,
Раздайся секель твой и тело.
Я всю вселенную узрел,
Когда тебя я на плешь вздел,
Кастильской бмочен росою,
Отверзлись хуя очеса,
Открылись света чудеса,
Творимые везде пиздою.

IX

Юпитер в смертных бросить гром
С великим сердцем замахнулся,
Погиб бы сей хуев Содом
И в лютой смерти окунулся,

Но в самый онный страшный час
Пизда взвела на небо глас,
Умильно секелем кивнула,
Зевес, схвативши в руки плешь,
Бежит с небес на землю пеш,
Громовый огнь пизда задула.

X

Перун повержен там лежит,
Пропал великий страх народа,
Юпитер над пиздой дрожит,
Забыта им уже природа.
Пускай злодействуют везде,
А он купается в пизде.
Алкмену ныне сарафанит,
Ебёт и прёт, пендрючит, ржет,
Храпит, сапит, разинув рот,
И гром уже его не грянет.

XI

Ударил плещью по водам
Нептун, властитель над морями,
Велел подняться он мудам,
Чтоб дули ветры под волнами.
Велел все море возмутить,
Неоптолема потопить.
Но с острым секелем Фетида,
Подъехав, села на муде.
Нептун, поковыряв в пизде,
Лишился тотчас грозна вида.

XII

Плутон во аде с елдаком
Совсем было утратил мысли,
Елда его покрылась льдом,
А с муд уже сосули висли.

Но вскоре въехала туда
О ты, прелестная пизда,
Богиня ада Прозерпина,
Ощерила мохнату щель,
Плутон, храпя, наметил в цель,
В тебе согрелася елдина.

XIII

Твоя, о мать хуев, пизда,
Никак неизъясненна сила,
С волшебной сферы ты звезда,
О страх, ты солнце ослепил,
Когда из волосистых туч
Блеснул на Феба пиздий луч,
То он сияние оставил,
Забыл по должности езду
И сунулся тотчас в пизду,
Чем славы он твоей прибавил.

XIV

Гремит Амфалия пиздой,
Прельстив усами Геркулеса,
Который страшною елдой
Нередко пехивал Зевеса,
Творил велики чудеса,
Держал на плечах небеса,
Подперши плёшью твердь ужасну,
Атланта бодро облехчил,
За то в него и хуй всучил,
Однак шентю узрел он власну.

XV

Ахилл под Троей хуй вздрочил,
Хотел пробить елдою стену,
Но как он бодро в град вскочил,

Чтоб выеть тамо Поликсену,
Парис его ударил в лоб
Тем дротиком, которым ёб,
То небо стало быть с овчинку
В ахилловых тогда глазах,
Смяхчил его шматину страх,
Пизда сжевала в час детинку.

XVI

Герой в войне не человек,
Намазав ворванью елдину,
Забыв толь надобной нам век,
Разит людей так, как скотину.
С пиздой он больше не буян,
И Бахус без нее не пьян.
Пизда природу умножает,
Родит, лелеит, кормит нас,
Ее продолговатый глаз
Сурову нашу плешь смягчает.

XVII

О мать веселья и доброт,
Пизда, шентя, фарья, махоня,
Я тысячу хуев дам в рот —
Глотай, им ныне есть разгона,
Насыться от моих похвал,
Я прямо в цель твою попал.
Воздвигну я тебе божницу,
Внутри очищу пиздорык,
И взявши в руки я голик,
Сгоню нечистую площицу.

XVIII

В ефире светлая звезда
Или блестящая планета
Не так прелестна, как пизда,

Она творительница света.
Из сих торжественных ворот
Выходит всякий смертный рот
И прежде всех ее целует,
Как только секелем кивнет,
Двуножну тварь на свет пихнет
И нам ее она дарует.

ХУЮ

I

Восстань, восстань и напрягайся,
 Мой хуй, мужайся, стой, красней,
 На грозну брань вооружайся
 И стену ты пизды пробей.
 Пробей и, кровью обагренный,
 Явись, сугубо разъяренный,
 Удобен к новым чудесам.
 Да возгласят хвалы повсюды
 Тебе, герой, другие уды,
 Воздвигнув плеши к небесам.

II

В источник пиздей окунися,
 Но пламень свой не утуши,
 В крови победы омочися
 И плестью, хуй, стихи пиши.
 Хвали себя, колико можно,
 Чтоб быть хвалену, хвастать должно:
 Дар гибнет там, где славы нет.
 Хотя ты грановит и ярок,
 Хоть толст, красен, ретив и жарок,
 Не скажешь — не узнает свет.

III

Се уж таинственною силой
 Тебя колеблет ратный жар,
 Восстал герой, влекомый жилой,
 Восстал, готов свершить удар.
 О, витязь! красный и любезный!
 Героев больше всех полезный!
 Без броней и без всяких збруй,

Тобой природа вся живится,
Тобой все тешится, родится,
Тобой, всех благ источник — хуй!

IV

О! дар, из всех даров дражайший!
Ты, хуй, всего нужнее нам,
Для нас ты к щастью путь сладчайший,
Орудие утех пиздам.
И радость только там родится,
Где хуй стоит, где он ярится,
Геенна там, где хуя нет.
Когда б Судьба тя не создала,
Природа б целкою страдала,
И пребыл бы кастратом свет.

V

Ты всех и вся равно прельщаешь,
Когда ты крепко лишь стоишь,
Равно в треухе утешаешь,
Как и под чепчиком манишь.
Коль девушка когда стенает —
О чем? — Тебя она желает,
Ценою крови хуй купить.
О чем же там вдова крушится? —
Что не с кем ей повеселиться
И некому вдове забить.

VI

Молодка, облившись слезами,
Рыдает, проклиная щель,
Царапает пизду руками,
Коль отлучен от ней кобель.
Молодушка о том крушится,

Что больше не стоит, валится
Хозяинов буйной кутак.
Весь свет тебя, хуй, прославляет,
Хоть именем не называет,
Но делом хую служит всяк.

VII

Гомер на лире велегласной
Не гнев Ахилла воспевал —
Тебя он пел, о! хуй прекрасный!
Хоть хуем он не называл.
Коль Бризеида бы смяхчила
Елдак Ахиллов, что вздрогила,
То не сердился б воин сей.
И в славу б те еще ебали
Цари, кой, како прах, пропали,
Сраженны плещью, хуй, твоей.

VIII

Когда пизды Ахилл лишился,
Он хуем плошки разбивал,
Но, чтоб он в гневе усмирился,
Патрокл ему в задок давал.
Потом, когда сего убили,
Тогда-то хуя рассердили;
Он взял копье и шел на брань
Разил, губил всех без пощады,
Приамовы тут пали чады,
Почувствуя елды сей длань.

IX

Дидона, против всех воюя,
Могла ли ратися с тобой?
На вертеле троянска хуя

Сама исжарилась с пиздой.
А та не хуем ли сраженна,
Пизда, в звезде что обращенна,
Когда уже пропал в ней смак?
Дианна, хуй не зная, гордилась,
Сама увидевши, взвалилась
К Андиомону на кутак.

X

Колико крат ни унижался
Юпитер, позабыв себя,
В быка и гуся обращался,
Чтоб только усмирить тебя.
Венера целый век прельщала,
Однако же не устояла
Против кривого мужика,
Красы всю хитрость истощила
На то, чтоб наконец хватила
Кузнечна жарка елдака.

XI

Живи, о хуй! и утешайся
Бессмертной славой сих побед,
Еби и ввеки не прельщайся
На гибельный премудрых след.
Они природу посрамляют
И бедные пизды не знают,
Пизды, чего приятней нет!
Когда б одни лишь мудры жили,
Они б в пять лет опустошили
Сей людный и прекрасный свет.

XII

О вы, парнассские питомцы!
Составьте велегласный хор,

Писатели и стихотворцы
И весь чистейших сестр собор,
Согласно хуя прославляйте,
Из рода в род стоять желайте,
Да он вдохнет вам жар, как петь!
А я вам подражать не буду
И то вовеки не забуду,
Что хуй нам дан на то, чтоб есть.
О ты, которая мне ети всегда давала,
А ныне презирать хуй мой навсегда стала,
Твоя еще пизда мила в моих глазах,
И хуй мой без нее в стенаны и в слезах.
Он стал с хуерыком, не знает, что спокойство,
Краснеется всегда, его то в жизни свойство.
Когда тебя я еб, приятен был тот час,
Но ебля та прошла и скрылася от нас.
Однако я люблю пизду твою сердечно
И буду вспоминать ея лошину вечно.
Хоть и расстался я, пизда, навек с тобой
И хоть не тешу хуй, теряю я покой.
Увы, за что, за что мой хуй стал <столь> несчастен,
За что твоей пиздой толико я стал страстен!
Всю еблю у меня ты отнял, о злой рок!
Хуй будет ввек ток лить, когда ты так жесток,
И после уж его с пиздою разлученья
Не будет он стоять минуты без теченья.

НА ПРОЕБЕНИЕ ЦЕЛКИ ХУЕМ СЛАВНОГО ЕБАКИ

I

Оконча все обряды брака,
К закланью целочку ведут,
Тебе, о славный наш ебака,
Ее на жертву отдают.
Ложись, еби и утешайся,
Вовек пиздами прославляйся
И целки в глубину войди,
Будь храбр, всю робость оставляя,
Такую вещь предпринимая,
Ты сам себя не остыди!

II

Ты зришь велико наслажденье
За многие твои труды
И приведенну на мученье
Судьбиной узкия пизды.
Не должно ли тебе потщиться,
Ужель твой хуй не разъярится
Настоль прекраснейший предмет?
Ужель ты сильно еть не станешь
И храбрости той не докажешь,
В которой целок хуй твой рвет?

III

Пиздам приятно утешенье,
О, хуй, источник всех утех,
В пиздах вселяешь ты мученье,
Ты производишь в них и смех.
К тебе я песнь свою склоняю,
Твои дела я выхваляю

И ими весь наполню слух.
 Подай, о муга наставленье
 И чтоб имел я ободренье,
 Впехни в меня ебливый дух.

IV

Какой глас жалкий раздается,
 Какой пизду объемлет страх,
 Мошна ее тем боле рвется,
 Чем дале хуй в ее устах.
 Она зрит бед своих причину
 И на растерзанну судьбину
 Без слез не может посмотреть.
 Пизда вся кровью обагрилась,
 Пизда всех сил своих лишилась,
 Ебака продолжает еть!

V

Он жалоб целки не вниает,
 Пизду до пупа он дерет,
 Престрашный хуй до муд впускает
 И в ярости ужасной ржет,
 Пизда не знает, куда деться,
 Пизда от робости трясется
 И устает уж подъебать;
 Ебака наш лишь в силу входит,
 Пизды от яру не находит
 И начинает трепетать.

VI

Хотя б пизд со сто тут случилось,
 Он всем бы сделал перебор,
 Лишь место кровью б обагрилось
 И всех бы устрашило взор.

Он от часу в задор приходит,
Предмета боле не находит,
Кого бы можно растерзать,
В болезнь от ярости впадает;
Пизда ту ярость умножает
И тщится хуя раздражать.

VII

Ебакиной признак забавы
Во век останется в пизде,
Дела, наполненные славы,
Гремят бессмертием везде.
Ты имя заслужил героя,
Для пизд лишаяся покоя,
Как на себя сей труд берешь,
Ты в ужас целок всех приводишь,
Великий страх на них наводишь,
Когда одну из них дерешь.

VIII

Какая красота явилась,
Сколь оной был ебака рад!
Пизда по шею заголилась,
Приятный обратя свой зад;
Она тем ярость утоляет,
Как хую жопу подставляет.
Боль нову чувствуя, кричит,
Кричит, вопит и жалко стонет,
Но в жопе хуй тем больше тонет
И по муде уже забит.

IX

Ебака жалости не внемлет,
Добычей пользуясь такой,

Руками щоки жопы треплет
 И хвалит толь предмет драгой.
 Он в ярости не различает
 И жопу за пизду щитаet,
 Вкушая в ней такую ж сласть.
 Пизда погибель узнавает
 И совершенной почитает
 Свою окончанну напасть.

X

Ебака, храбрость доказавши,
 Свой хуй из задницы ташит,
 В ней плешь багряну замаравши,
 И хуй от ярости трещит.
 Чем боле плешь багряна рдеет,
 Тем более пизда робсет,
 Бояся в третий раз страдать.
 Престрашный пуще хуй ярится
 И над пиздою хоробрится,
 Котора еть не может дать.

XI

Он зрит в прежалком состоянни
 Пизденку, приведенну в страх,
 И что иметь не может дани
 От целки, разъебенной в прах.
 Свой рог в штаны он уклоняет
 И вниз хуй твердый нагибает,
 Покорствовать себе велит,
 Но рог штаны те раздирает
 И пламенну главу вздымает,
 В штаны он гнуть себя претит.

XII

Ебака, видя непокорность
Престрашна хуя своего,
И зря в штаны его упорность,
Держать руками стал его.
Пригнутый хуй достал колена,
Пизда, избавившись от плена,
Приятный показала вид,
Хотя мошна из целки стала,
Хоть век пизда так не страдала,
Она ебаку не винит.

XIII

По окончаныи проебенья
И жопы хуем, и пизды
За то достоин награжденья,
Достоин ты великой мзды.
Пизды в честь храм тебе состроют
И целками всю плешь покроют
Наместо лавровых венков,
Ты над пиздами величайся
И страшным хуем прославляйся,
Нещетных будь герой веков.

ПЛАЧ ПИЗДЫ

Нещастная пизда теперь осиротела,
 Сира, и вся твоя утеша отлетела,
 Сира, и полны слез твои теперь глаза,
 Ужасная тебя постигнула гроза,
 Ужасная напасть совсем переменила,
 Из радостной пизду печальной нарядила.
 Утеша тем мои навек прешли теперь,
 Навек должна свою замазати я дверь,
 Ту дверь, в которую в меня входила радость,
 Всем чувствиям моим неизреченна сладость.
 К страданью лютому, к безмерной казни злой
 Навек сомкнута <я>: сей хуй скончался мой.
 Скончался и лежит, бездышен горемыка,
 Бездушен недвижим, от іанкер, хуерыка.
 Уж нет того, уж нет, в пизде кто ликовал,
 Взаимные кто мне утеша подавал.
 Лежит бездушна плешь, лежит се пред глазами.
 Неслыханная казнь, о! казнь под небесами,
 Какой теперь ты мне дала собой удар,
 Исчезла в хуе жизнь, простыл на еблю жар.
 Любезной хуй, навек рассталась я с тобою,
 Вовек, увы! и ты не свидишься с пиздою,
 Не будешь ты во мне гореть, краснеть и рдеть,
 Уж в аде не дадут тебе, ах! хуй, поеть.
 О! грановита плешь, которая всех прекрасней.
 Ты сделала меня теперь всех нещастней,
 Ты сладость мне вкусить свою, ебя, дала,
 Ты кровь во мне огнем приятнейшим зажгла,
 Но ты ж теперь меня собою огорчила,
 Заставила страдать, ты плакать научила.
 Какую я себе теперь отраду дам,
 Когда к твоим друзьям сто раз пришел к мудам,
 Утеш я в них себе ничуть не ощутила,
 Напрасно лишь себя я только возмутила.

И как мне без тебя, ах! как на свете жить?
Подумать страшно то, пизде без хуя быть.
Подите от меня вы прочь, воображенья,
И не давайте в мысль преступного прельщенья,
Как будто можно мне кишкой себя пехать,
И глубже в губы перст засунув, ковырять,
Тем равное себе снискати утешенье,
Какое хуем я имела восхищенье.
О! глупейшая мысль порочнейших людей,
Распутной мерзости всесветнейших блядей,
Из ада вышедши, из тартара кромечна,
У чорта из штанов, о! мысль бесчеловечна!
Не можно мне к тебе отнюдь преклонной быть,
Без хуя чтоб себя я стала веселить.
Я ввек не соглашусь принять те грубы нравы
К затмению твоей, о хуй любезной! славы,
Что будто без тебя возможно обойтись,
Мне перстом иль кишкой досыта наетись.
Природного в себе не внемля побужденья,
Лишать тебя собой достойного почтенья,
Ах, нет! конечно, нет, и его лишь мечта,
Несытейших блядей напрасна суeta,
Которою они, весь вкус уж потеряя,
Стараются его найти, пренебрегая.
О, солнце! ты дано одно нас освещать,
Питать собою тварь, собою украшать.
Так естли без тебя не может тварь пробыти,
Равно вот так пизде без хуя льзя ль прожити?
Ты нужное для всей природы естество,
И хуй ради пизды потребно вещество.
Но, видя ты с высот теперь мое мученье,
Что с хуем мне пришло превечно разлученье,
Сокрой и не мечи на мя свои лучи,
Теки из ада, мрак свирепой, и мрачи;

Мне все одно пришло теперь уж умирati,
Без хуя ли мне быть иль свету не видати!
Прости, прекрасной хуй, прости, прекрасной свет!
Уж действует во мне битки претолстой вред!

Закололась слоновым хуем.

* * *

Ты хуй мой разъярила,
Муде мои зажгла,
Ты плещь мне раскалила,
В задор меня ввела.

Дашь ли мне, дашь ли мне,
Хоть мала секеля,
Или страшен хуй тебе?

Твои, драгая, груди
К мудам сыскали путь,
Разжгли мои все уды
И хуй мой тяжко рвут.
Дашь ли мне и проч.

Другия все ебутся,
А я в кулак свищу,
Все к ебле мысли рвутся,
Во сне пизду ищу.
Дашь ли мне и проч.

В малаки нет отрады,
А ебли нет нигде,
Узрю твои лишь взгляды,
То вспомню о пизде.
Дашь ли мне и проч.

Мне мнится повсечасно,
Что я ебу тебя,
Но все лишь мысль напрасно
Летит, хуй тем губя.
Дашь ли мне и проч.

Вся плещь моя краснеет,
Хуй токи льет всегда,

В тот час посинает,
Окрепнет иногда.
Дашь ли мне и проч.

Что, хуй ты мой, так рдишься?
Престань в слезах дрожать.
А ты, коль дать боишься,
Так дай хоть подержать.

Дашь ли мне, дашь ли мне,
Хоть мала секеля,
Или страшен хуй тебе?

* * *

Ярость молодца берет,
Видя, девочка, тебя,
Хуй штаны мои дерет,
Хочет вздеть он на себя.

Заразили твои очи,
Я снести муку не смог,
Нет терпеть уж боле мочи,
Хуй стоит всегда, как рог.

Так ты сжалась, дорогая,
И пожалуй, не крепись,
Но склонись ко мне, милая,
Уж пришла чреда етись.

Допусти меня скорея
И руками обойми,
Я забью в тебя плотнея,
Да и ты пиздой прижми.

И лишь хуй до муд впехаю
И в пизде поковыряю,
Ты узнаешь тогда радость,
Сколь велика в ебле сладость.

* * *

К тому ль я твоим, к тому ль хуем пленилась,
Чтоб пламенно любя, вовек не подъебать,
На то ль моя пизда мудями заразилась,
Чтоб ей заебин ток всечасно проливать?

В млады не еться лета,
Без хуя век страдать
И все утехи света
В мудях лишь почитать.

В мудях, но те меня без пользы лишь терзают,
Пизду и секель мой в унынье тем привел,
Иль сладости в пизде моей они не знают?
Приметь, ебака как ею овладел.

Пизда что ощущает,
Взгляни на секель мой,
И как она зевает,
Бросаясь на хуй твой.

Твой с плешью хуй в мысль страстно погрузился,
Я жертвуя тебе пизду и себя,
Иль ты другою, ах! мандою заразился
И, тщетно мя вспалив, другую уебя?

На что свои муде
Являл мне иногда?
На что, когда пизде
Не еться никогда?

Сим в мыслях навсегда я стала обольщенна
И секель произвел огонь в моей пизде,

Они виновны в том, что я тобой плененна,
Муде твои почла признаками в езде.

А ежели пиздой моей
Твоя плененна плешь,
Ты той биткой владей,
Но только он не свеж.

* * *

Пиздьи губы, тубы толстые,
На вас надо хуи вострыя,
Через то, губы, поправитесь
И в пропорцию растянетесь.
Губы смех людской, игралище,
В вас хуям будет пристанище.
Губы, вас лишь бы хуям узнать,
А то будут по муде вбивать,
Тогда будете губищами,
Как растянетесь хуищами.
Тогда, губы, посинеете,
Как претолстой буй нагреете.
Губы, в случае вы таком
После будете блевать млеком.
Губы, в вас много трудов хуям.
Песня эта хороша ли вам?

* * *

Пресильным я огнем,
Дражайшая, пылаю,
Трясу своим мудом,
Шматиною качаю.

И ты уже склонилась,
До пупа заголилась,
Мне виден твой задор,
Хлюпит в пизде рассол.

Так что мою судьбу
Еще ты отлагаешь?
Забить претиши елду
И прочь меня пехаешь?

Видишь, зришь мое мученье,
Битки моей дроченье,
Как мочи нет терпеть
И хочется мне есть.

Пизда твоя свербит,
Желание согласно,
Так что ж еще страшит
И что тебе ужасно?

Скорей мне дай уеться —
В пизде свербёж уймется;
Велик хоть мой елдак,
Но тем в нем боле смак.

Тихонько я взмощуся
Наверх тебя, dragая,
И есть еще потицуся
Ятише пригнетая,
Подпру себя лохтями
И чуть прижму мудями
Пизды твоей я край.
Небось, dragая, дай.

* * *

То не шум шумит,
И не гром гремит:
Едит пизда воеводою,
Мелки волосы пехотою.
Усы у пизды караулнички,
А жопа блядь, в барабаны бьет,
А секель, ебена мать, с копьем стоит.
Ах, гой еси, батюшка белай хуй,
Что долго спиши не проблудишился?
Ничего ты не знаешь и не ведаешь,
Еще черна пизда на баталию пришла.

Ото сна белой хуй пробуждается,
Он с черной пиздой управляется,
Он мелки волосья все в грязь втоптал,
Усы у пизды все повыдергал,
А жопу-та, блядь, с барабаном прогнал,
Секеля, ебену мать, в полон к себе взял,
И тем белой хуй всем завоевал.

* * *

Поповна, поповна, попомни меня,
Как ёб я тебя под лестницею,
За то меня кормила яичницею.
Девка маленка, маленка, малешенка,
Пизда у ней узенка, узенка, голещенка.
Залупай до грудей, забивай до мудей
И не тронь до людей.

* * *

Лишь в Глухове узнали
Ебливицын приход,
Вздроча хуи бежали,
Чтоб встретить у ворот.

Магистер и старшие
За нужное почли,
Чтоб все хуи большие
Навстречу к ней пошли.

А маленьким хүёчкам
Приказ отдан такой:
Отнюдь бы из порточков
Не лазил никакой.

Лишь только появилась
Ебливица во град,
Пизлы все взбунтовались,
Удалили в набат.

Одна пизда всех шире,
Фрейгольцова жена.
Кричит: «Где правда в мире?
Какие времена!»

Магистер пизды глотки
Велел хуям зажать,
Набить на них колодки,
В тюрьму их посажать.

Умолк тут шум ебливый,
Окончился и бунт,
Магистер, муж учтивый,
Сказал хуям: во фрунт!

Он, свой хуй взявши в руки,
Спросил, отдавши честь:
«Сколько хуев от скуки
Прикажете отчесть?»

Ебливица сказала:
«Великий пост и грех,
С дороги ж я устала:
Довольно будет трех».

* * *

Ай, ау, ахти, хти!
 Етись хочу хуя в три!
 Приди, милой пастушок
 Приди, милой мой дружок,
 Утешь горесть ты в пизде,
 Я хочу етись везде.
 Пастух с радостью предстал,
 Весь мой дух вострепетал.
 Штаны стал он расстегать,
 Хуй претолстый вынимать.
 Душа-радость, мой пастух,
 Забивай в меня ты вдруг,
 Прежде спереди я дам,
 Потом сзади наподдам.
 Ай, ау, ахти, хти!
 Во мне хуй есть локтя в три!
 Хоть пизду с жопой сравняй
 И муде туда ж впехай.
 Пизда с радости играет,
 Секель сладость ощущает,
 Проливает сладость кровь,
 А причиной ты, любовь!
 Ах, вся горесть уж прошла,
 Красна плешь в пизду вошла.
 Подвигай, пастух, скорей,
 Забивай в меня плотней,
 До яиц, милой, сажай
 И как можно надсажай.
 Ах, прижмись, мой свет, к пизде,
 Шевели, пастух, везде,
 Хоть под титки разъеби,
 Только ты меня люби!
 До пупка, мой свет, достань,
 А потом уж перестань!

Вот скажу, что наеблася,
Пизда кровью облилася,
И на секеле потоп,
Не залезет в пизду клоп.
Я молодка, не девица,
С пизды вся сошла площица,
Веселись теперь, млада,
Полна соусу пизда.

* * *

Как со славного со стрелки кабака
Сорвалися скверны бляди с елдака,
Собирались они выручку делить,
Размышляли, что на те деньги купить.
Семка юпки, семка кофточки сошьем,
Снарядясь же, мы на промысел пойдем.
Одна блядка усцалася тут в кругу.
Что жар похоти согнул ее в дугу.
Вы ебитесь, красны девушки, всегда
И не бойтесь, что болит у вас пизда,
А уж мне младой блядун на ум нейдет,
Мил сердечной друг от шанкера гниет.
Кабы знала, кабы ведала, мой свет,
Что уж больше в твоем хуе силы нет,
Не дрошила б я распухлую елду
И не мыла я поганую пизду.
Знаю, знаю, от чего хуй не стоит:
Плешь багровая от шанкера болит,
В сильвации ты все зубы расплевал
И от лекаря полплеши потерял.

* * *

Ай, ау, ахти, хти!
Кабы теперь локтя в три:
Хоть есть хуй с локоток,
Да и тот стал короток.
Ахти мне, где я нейду,
А в три локтя не найду.
Не найду, ах, я грущу,
Толще хуя не сышу.
Ай, я с горести, с кручины,
С толстой хуевой притчины
И столь лютой хлопоты
Проебаю животы.
Хоть всего добра лишуся,
Толстым хуем наебуся,
Разъебусь млада я в кровь,
Мне то сделает любовь.
Моя пизда не ребячья,
Просит хуя жеребячья:
Гранадерских хуя три
Хоть теперь в меня вопри.
Ах, терпенья больше нет,
Мне без ебли не мил свет!

* * *

Кабы знала я да ведала млада,
Что не вздрочена драгунская елда,
Не смотрела б я на кожаны штаны,
Кои вохрою кругом осквернены.
О, надежда! ты в обман меня ввела,
Что драгуну прежде кучера дала.
Теперь знаю я драгунскую елду,
Он напакостил площицами пизду.
Как на нашем на широком на дворе
Собирались красны девушки в кружок,
В уме всякой им был миленькой дружок.
Одна девка не ходила в хоровод,
На уме у ней мутился всякой сброд,
Ни игра на ум, ни резвость ей нейдет,
Што драгун ее не так ныне ебет,
Как ебал прежде боярской водовоз,
Повалия ее в конюшне на навоз.
Теперь бедная тоскует от беды,
Што не сыщется по мысле ей елды,
За чтоб все она именье отдала,
Лишь отведала б сыновьева ствала.

* * *

До пятнадцати еще лет
Меня начали уж есть.
Как несносны все те девки,
Кои долго живут целки.
Птичка, клетку оставляя
И свободу получая,
Не довольней своей доли,
Вылетая из неволи,
Так и я была в тот час,
Как еблася в первой раз.

ПОДЬЯЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПОП

Покаялась попу подъяческа жена,
Что в девушках она
Довольно выпила вина.

Да это малый грех и только лишь безделка,
Примолвила она, — расселась щелка,
И вышла замуж я не целка.

О, глупая пизда, — вскричал наш поп. —
На что ты так напивалась
И есть без панциря давалась.

Пизда твоя теперь во ад уже попалась.
Я всем тебя, что есть на свете, прокляну
И припушу к тебе во аде сатану,
Чтоб он тебя в клочки, ебену мать, разъеб
И после мокрым бы ударил хуем в лоб

Или в висок,

Чтоб из пизды твоей посыпался песок.

Я сам взял не целку попадью,
Однако ее ладью
Я сам же прохватил
И хуй в нее влупил
И собственную плеши заколотил.

Так стало то не грех,
Что поп
Уеб

И на пизде расчистил мех.

Когда попы ебут,
Не грех в пизду кладут,

Не беззаконием на секель дуют,
Поповичев они в пизду мудами суют.
А ты духовный чин пиздою не почтила
И с светскими свою пизду проколупила,
Так будь ты проклята, сатана.
При сих словах подъяческа жена

Немного наклонилась,
Как будто жопою сесть на хуй норовилась,
Оскалила пизду и подняла подол,
Священник задрожал, колико был ни зол.
Пизда в смирении две губы ужимала
И секселем попа на милость привлекала,

И словом так умильно тут мигала,
Что постная в попе кровь тотчас заиграла
И хую голову ярся подымала.

Вострепетала плешь, хуй рясу прочь отклячил,

Поднявши лысой лоб,
Вскочил в восторге поп

И в грешницу сию он хуй до муд впендрячил.

Рвался, потел,
Не только хуй один, муде он вбить хотел,

Однако пизда еще узка,

А от муд мишна не кругла, не плоска.

Не влезли яйцы, хоть сколько не толкались,

А действующие уж оба запыхались

И непосредственно ебясь они мешались,

Попова сила пала

И не поправилась. Другая подъебала.

Оставил поп пизду и хуй в ножны вложил,

Оборотяся к ней, смиренно говорил:

Кто в свете не таков,

Прощаю,

Разрешаю

От всех тебя грехов.

ГОСПОЖА И ПАРИКМАХЕР

Не сила иногда пылающей любви,
 Которая у нас в крови
     Колеблет постоянство,
     Смягчает и тиранство,
 Старух и старииков в соблазн ведет
     И всех умы во плен берет:
 А нечто есть еще, сто крат любви слаще,
 Что в заблуждение людей приводит чаще,
     То нежнее сласти той,
 Что названа у нас девичьей красотой.
 Девица ту красу в один раз потеряет,
 Потом к забаве дверь мушинам отворяет.
 Любовь быть без сего не может горяча,
     Как без огня свеча.

А в сласти ж без любви приятность одинака,
     Утешна сладость всяка.

Изображение одно тех нежных дум
 В восторг приводит дух и затмевает ум.
 А сладость нежная любви не разбирает,
 Нередко и пастух с дворянкою играет,
     Тут нет любовничьих чинов,
     Нижé приятных слов.

Лишь жажду утоли, кто б ни был он таков.
 Но только ли того, бывает вся суть в мире,
 Пол женский жертвует Венериной кумире,
     И утешает жен не муж, а кто иной,
     Хороший и дурной.

Боярыню — чернец, француз — графиню,
     Иль скороход — княгиню.

И со сто есть таких примеров, не один,
 Мужик ту веселит, каку и Господин.
 Всех чаще у госпож те в милости бывают,

Которы учат их иль петь, иль танцевать,
Или на чем играть.
Иль коги волоски им нежно подвивають.
У барынь лишь одних то введено в манер,
Чтоб сладость без любви вкушать, и вот пример.
К боярыне богатой
Ходил щеголеватый
Уборщик волосов,
Не знаю, кто таков.
Ходил к ней десять дней или уж три недели,
Он часто заставал ее и на постели.
А барыня хотя б была непригожа,
Да имя Госпожа,
И новомодные уборы и наряды,
Умильные их взгляды,
Приятная их речь
И в нечувствительном возмогут кровь зажечь.
О! сколь приятно зреть Госпож в их беспорядке,
Когда они лежать изволят на кроватке,
Приятный солнца луч сквозь завесы блестит,
Боярыня не спит.
Вдова ее тогда иль девка обувает,
Чулочки надевает.
Какая это красота,
Сорочка поднята
И видна из-под ней немножко
Одна прекрасна ножка,
Другая вся видна лежит.
Наруже нежно тело.
О! непонятно дело.
Лишь только чьим глазам представится сей вид,
Приятным чувством мысль в минуту уладит.
Потом боярыня, с постели встав спокойно,
Куда ни вскинет взор,
Все в спальне у нее стоят в порядке стройном:
С сорочкою вдова, у девок весь убор,

Там держит кофишенк ей чашку шоколаду,
 Тут с гребнем перукер: те люди на подбор,
 И повеления ждет всяк от ея взгляду.
 Кто в спальню допущен, быть должен очень смел,
 Коль в милость Госпоже желает повтереться,
 Так чтоб ухватки все те нужные имел,
 Какими только льзя от барынь понагреться.
 Французы смелостью доходят до всего
 И в пышну входят жизнь они из ничего.

Из наций всех у нас в народе
 Французы больше в моде:

А этот перукер несмел был и стыдлив,
 Не так как этот сорт живет поворотлив.
 Благопристойность им всегда та наблюдалась,
 Когда боярыня поутру одевалась
 И обувалась.

Из спальни в те часы всегда он уходил,
 Чем барыню на гнев нередко приводил,
 Но гнев ее тогда был только до порога.

Прошло недель немного.

Уборщик к этому насилиу попривык
 И стал не дик.

Из спальни не бежит он в комнату другую,
 Когда зрит Госпожу в сорочке иль нагую,

Тогда-то Госпожа уборщику тому

Такое дело поручила

И научила

Мущине одному

Пересказать о том, что им она пленилась,

А, говоря, сама в лице переменилась.

Ведь ясно показав, что дело о пустом

И нужда ей не в том,

Мысль женска слабости не может утаиться,

Когда она каким вдруг чувством воспалится.

Стремление ее все взор изображал,

Что жар в ней умножал.

Тут руку Госпожа уборщику пожала,
Амурный знак давала.
Но ей в смущении сего казалось мало,
Отважности его она не подождала.
Нетерпеливо ей хотелось веселиться,
Так стала Госпожа с уборщиком развиться.
И будто бы его, играя, обняла,
Потом еще, еще и, много обнимая,
И тут, и там его хватала,
Спустилась вниз ее рука и то достала,
Что раскаляет их нежнейшие сердца,
Исправно все нашла в тот час у молодца,
Но в этот только раз не сделала конца:
А только нежною рукою подержала,
Сама от сладости дрожала:
Уборщик стоя млея.
Вообрази себе, читатель, эту муку,
В таком уборщик мой огне тогда горел,
Каким его дух чувством тлел.
Он также протягал дрожащую к ней руку
И уж открытую у ней грудь нежну зрел,
А так он был несмел,
Что дотронуться к ней не мог ни разу
И будто ожидал на то приказу.
Прошло так много дней,
Ходил уборщик к ней.
Им только Госпожа себя лишь веселила
Так, так ей было мило.
Вдруг лежа на софе изволит затевать,
Чтоб голову у ней лежачей подвивать,
Уборщик исполнял ея охоту
И начал продолжать свою работу.
А барыня его тут стала щекотать,
Потом за все хватать
И добралась к тому, что ей так нужно,
Играть ей с ним досужно:

Поступком этим стал уборщик мой вольней
 И начал он и сам щутить так с ней,
 Как щутит с ним она. Он так же тоже в точку
 Отважился сперва боярыню обнять
 И в грудь поцеловать;
 А там и юбочку немножко приподнять,
 Потом уж приподнял у ней он и сорочку
 И дотронулся чуть сперва к чулочку:
 Сам губы прижимал свои к ее роточку.
 И уже от чулка
 Пошла его рука
 Под юбку дале спешно
 С степени на степень,
 Где обитает та приятна тень,
 Которую всем зреть утешно.
 Дограбилась рука до нежности там всей
 И уж дурила в ней
 И вон не выходила,
 Утеху Госпожа себе тем находила,
 Уборщик нет.
 Не шел ему на ум ни ужин, ни обед,
 Какая это, чорт, утеха,
 Что сладость у него лилась без успеха.
 Не раз он делал так,
 Боярыне скучая,
 О благосклонности прямой ей докучая,
 Смотря на ее зрак,
 Лишь чуть приметит он ее утехи знак,
 Котору
 Он в саму лучшу пору
 У ней перерывал,
 Прочь руку вынимал
 И чувство уладить совсем ей не давал.
 Сердилась Госпожа за то, но все немного
 И не гораздо строго,
 Хотя сперва и побранит,

Но тот же час опять приятно говорит.
Нельзя изобразить так живо тот их вид,
В каком был с Госпожой счастливый сей детина,
Какая то глазам приятная картина;
В пресладком чувстве Госпожа,
Грудь нежну обнажа
И на софе лежа
Спокойно,
Не очень лишь пристойно
И чересчур нестройно.
Прелестны ножки все у ней оголены,
Одна лежала у стены
В приятном виде там мужскому взору,
Другая свешена с софы долой,
Покрыта несколько кафтанною полой,
А руки у нее без всякого разбору.
Одна без действия, друга ж ея рука
Была уж далека,
И в ней она тогда имела
Приятную часть тела.
Уборщик без чинов подле ея сидел
И неучтиво всю раздел.
Его рука у ней под юбкою гуляла,
Тем в сладость Госпожу влекла.
Прохладна влажность у нея текла,
Но и опять ей ту приятность обновляла,
Вот их картина дел.
Уборщик мнил тогда, что нет ни в чем препятства,
И только лишь взойти хотел
На верх всего приятства,
Как барыня к себе вдруг няньку позвала
И тем намеренье его перервала.
К ним нянюшка вошла,
Уборщик отскочил тогда к окошку,
А барыня дала погладить няньке кошку,
Приказывала ей себя не покидать.

С уборщиком одним, он скуку ей наносит,
Что невозможного у ней он просит,
А ей того ему не можно дать,
Тут будто не могла та нянька отгадать
И стала говорить о дорогом и нужном:
О перстнях, о часах, о перлице жемчужном,
А барыня твердит, ах, нянька, все не то,
Мне плюнуть тысяч сто,
А то всего дороже,
А нянька о вещах тож да тоже,
Тут барыня опять знак нянюшке дала,
Оставить их одних, вон нянька побрела.
Жестоко было то уборщику обидно,
Велику перед ней он жалобу творит
И уж бесстыдно

Тогда ей говорит:
— Сударыня моя, какая это шутка,
В вас нет рассудка,
Я не могу терпеть,
Не мало дней от вас я мучусь без отрады,
Я чувствую болезнь с великой мне надсады,
Недолго от того и умереть.
А барыня тому лишь только что смеялась
И, отведя его к себе, с ним забавлялась
Опять игрой такой,
Держала все рукой.

Уборщик, вышед из терпенья,
Насилу говорит от много го мученья:
— Что прибыли вам в том, понять — я не могу! —
Ответствует она, — французский это «gout».
— Чорт это «gout» возьми, — уборщик отвечает,
Что скоро от него и жив он быть не чает.
Меж этим на бочок боярыня легла
И в виде перед ним другом совсем была,
Как будто осердилась
Что к стенке от него лицом поворотилась.

Середня ж тела часть,
Где вся приятна сласть,
На край подвинута была довольно.
Уборщик своевольно

Прелестное у ней все тело обнажил,
Однако Госножу он тем не раздражил,
Она его рукам ни в чем не воспрещала,
А к благосклонности прямой не допускала
И не желала то обычно совершить.

Уборщик от ее упорства

Уж стал не без проворства,
Стараясь как-нибудь свой пламень утешить
Его рука опять залезла к ней далеко,
И палец и другой вместилися глубоко:

Куда не может видеть око.

Сей способ к счастию тогда ему служил,
Меж теми пальцами он третий член вложил.

На путь его поставил
И с осторожностью туда ж его поправил.

А барыня того
Не видит ничего,
Но только слышит,

От сладости она тогда пресильно дышит.
Уборщик к делу тут прямому приступает,
Он с торопливостью те пальцы вынимает,

А член туда впускает,
Но как он утомлен в тот час жестоко был,
С боярыней играя,

Не только не успел достигнуть дну он края,
И части члена он, бедняжка, не вместил,
Как сладость всю свою потоком испустил.
Тут вставши Госпожа и молвила хоть грозно,
Что дерзко с нею он отважился сшутить,

Да так тому и быть,
Раскаиваться поздно,
И вместо чтоб к нему сурово ей смотреть,

Велела дверь тогда покрепче запереть,
— Потом к порядочной звала его работе. —

А у него
И от того

Была еще рубашка в поте.

Так он тут Госпоже изволил доложить,
Что ей не может тем так скоро услужить,
Тут барыня ему сама уж угождала,
С нетерпеливостью рукою ухватя
И нежа у него подобно как дитя.
И шеколатом то бессильство награждала,
В той слабости ему тотчас тем помогала.
Тогда-то уж игра прямая потекла,
Бесперестанно тут друг друга забавляли,

Друг друга целовали.

Понравился такой боярыне убор,
И он с тех пор
Нашел свои утеш
И тешил Госпожу без всякия помехи.

МОНАХИНИ

У трех монахинь некогда случился спор,
А из того родился и раздор.
И сказывают вправду, и будто бы не враки,
Что дело уж дошло до драки.

Одна другой дала тот час тузा,
А третья им обоим царапала глаза,
И все кричали в беспорядке,
Что должно правду защищать равно честной и блядке.

— Так кто может говорить, что хуй не кость?
Два дни тому назад, как еб меня мой гость,
Подъебаючи ему, вспотев, рубашку всю взмочила,
А хуя у него нимало не смягчила.

Другая говорит: — Сестриченка, постой,
Поистине узнала я своею то пиздой,
Что хуй не кость, голубушка, а жила.
Пожалуй рассуди, в чем больше сила.

А третья, на них глядя и слушая, молчала,
Схвативши за пизду, ужасно закричала:
— Что ж это разве не пизда, а красное окошко?
Мне кажется, вы все вздурилися немножко.
Лет с двадцать уж назад игумен меня еб,
По нем все чернецы, потом уж вдовый поп,
Да вот один лишь слез, успев меня уеть,
И пизда еще мокра, не успела подтереть.
Так вы поверте мне, что хуй не кость, не жила,
А мясо и что в нем не так велика сила.
Вить жила жестока, а кость всегда тверда,
Так в силах ли была смягчить ее пизда?

Игуменья, пришед, от ссоры развела
И всех троих она их с лаской обняла.
— Скажите, дочки, мне, в чем поссорилися вы?
И что это у вас о хуе за молвы?
Тут наставнице своей они к ногам упали
И слово до слова ей спор весь рассказали.

— Ах! сестры вы мои,
Не ебли вас еще различные хуи.
На первую взглянув, ей стала говорить:
— Которая хуй костью быти мнит,
Любовник твой теперь имеет сколько лет
И как давно тебя он начал, сестра, есть?
Она ей говорит: — Ему нет боле двадцати
И первую меня, как начал он ети.
А та, которая хуй жилою считает:
— Он лет уж сорока, — черничка отвечает.
А третья, будто мясо хуй что говорит,
— Мой в семьдесят пять лет, — игуменье твердит.
Игуменья сказала, качавши головою:
— Я разных уж хуев апробовав пиздою,
Да вот вам мой ответ:
Глупехоньки, мой свет,
Однакож все вы правы,
А первой-то из вас поболее забавы,
Когда он в двадцать лет, так хуй, конечно, кость,
А твой сорокалетний гость,
Хотя ети тебя и есть еще в нем сила,
Да только хуй не кость, а подлинная жила,
А лет в семьдесят уж пять,
Так мясо у него, какова ж вкусу ждать?

ГАРНИЗОННЫЙ СОЛДАТ И НЕМЕЦ

В Москве у всех ворот
Для часовых солдат поделаны избушки,
Д в них с солдатами бывает всякой сброд:
И беглы мужики и нищие старушки,
С которых за ночлег солдаты шлюшки
Берут за кажду ночь вина по кружке,
А больше тут
Живут
Веселеньки молодки,
Что на прядильнях здесь дерут от песен глотки,
Которы с каждой потки
В избушках тут
Пошлину берут.

Солдаты молодиц и сами шляют
И хлебец с стороны им также промышляют.

По должности один служивый в караулку
Завел какого-то немчурку
И шпетную ему молодку подрадел.
С молодкой немец лег, солдат плащом одел,
И как тот немец бабу мулил,
Солдат тогда стоял с ружьем да караулил.

Немчин пыхтит,
А блядь крехтит,
Насилу с ним ебется,
У ней в мозолях вся пизда, так баба жмется.
А немец говорит: — Вот, матка, глейх зайдется,
Навеселимся всласть. — Немчин, так дай за труд,
Не даром тут ебут,
А денежки дают.

Немчурка, вынув рубль, спросил, велика ль плата.
Ответствовал солдат: — Здесь плата небогата,
Мамзель твоя немудрой человек,
Ей будет пять копеек,

А часовому вдвое,
А немец дал и втрое.

Довольна плюшница, доволен и солдат,
Немчурка ж думает: попал на лад,
Не ебля это — клад!

Недолго ж кладом тем доволен был немчурка:
С ним сделалась фигурка,
Обезображен стал немчуркин юрка,
Раздулася на нем вся шкурка.

Немчин на это глядь,
Вдруг обмер, испугался,
Рвался, кричал, метался,
Не ведал, что зачать.

Наделала ему та ебля дела!
Чтоб без хуя не быть,
Так надобно лечить.

Такой-то блядь ему гостинец подрадела,
Что он не сбыл с рук в год,
Да тут потратил он и денежек немало,
Однако полплеши как будто не бывало,
Хуй стал его урод.

Потом, как лехче ему стало,
Для некаких причин
Пошел с двора немчин
И в город прёбирался.

Откуда ни взялся — служивый доброхот,
От Яузских ворот,
Кой немцу быть было без хуя постарался.
И только с ним лишь повстречался,
Он немца лишь узнал,
То немцу пенять стал:

— Што, бачка, не видать тебя недель уж сорок?
А ты хотел всегда к мамзеле той ходить.
Немчин на то: — Нет, нет, не хочет мой ебить
Такой маторак;
Ваш дешев руска пизд, да хуй починка дорог!

ПОПАДЬЯ И ТРИ ЕЕ ХАХАЛЯ

В деревне у попа жена была гуллива,
Молодка щеголлива,
Молодка молода,
В наряде завсегда,
А без белил, румян не ступит никуда.
Об этакой молодке
Все знали в околотке.

Не делала она досады никому,
Любила молодцов всегда по одному.
Недолго ж время так тянулось:
Уже тех молодцов и троє вдруг столкнулось.
Им всякому была назначена пора:
Один лишь со двора,
Другой его сменяет,
Работает пизда, без хуя не гуляст,
Такие гостеньки обшаркали порог,
А поп на голове своей не видит рог.
Те гости с попадьёю
Сочлись роднею:
Кто брат, кто сват, кто **кум**.
Попу и не на ум.
И были то не враки,

А подлинно ему то ближние **свояки**.
Родне той навела молодка сухоту,
Да стало от троих терпеть невмоготу,
Робята те в охотку
Обезживотили молодку.
Да чем помочь?
Нейдут ебаки прочь,
И как она устала подъебать,
Так стала лгать.

Не вздумала иной увертки баба в страхе,
Как то, что у нее пришло лишь на рубахе.
Ебатель первой, как услышал эту речь,

Статься стал ее разжечь:
 Показывая муку,
 Даёт он ей хуй в руку:
 И выдумкой своей себе не помогла,
 Легла,
 Не укрепилась,
 По шею заголилась
 И попырять дала.
 Потом намерилась двоих она убавить.
 Которого ж оставить?
 Кому ей отказать?
 Вить надобно резон на это показать.
 Не стало в бабе силы.
 Кому лежать, кому стоять, кому вертеть —
 И ото всех потеть,
 Да все ей равно милы,
 А всем как отказать? — бэз ебли — умереть.
 Раздумье бабу взяло,
 И вот что ей на ум попало:
 Оставить одного,
 Того,
 Который будет посмелее
 И при попе придет
 И при глазах его, не труся, уебет —
 Тот будет ей милее.
 Такая выдумка понравилась и им,
 Всем троим.
 Кому же наперед досталось делать дело,
 Идет к попу тот смело
 Теленка торговать,
 Сулит попу хорошу цену дать.
 Поп был до денег столько лаком,
 Что стать готов он раком,
 А нежели продать.
 Итак, вошел поп в хлев теленка выбирать,
 А хахаль попадью поставил тут встоячку

И дал ей качку,
А попросту уеб,

Но только этого не мог приметить поп
Игрица.

Другой двух поросят торгует у попища
И цену дать за них сулит, как за быка.
Поп думает: поддел токого дурака.

В хлеве телята,
В подполье поросята,
Туда поп влез

И там не видел он чудес,
Торгаш как попадью его, поставя раком,
И поздравлял попа большим себе свояком.
Последний думает, что эти смеляки

Оба дураки

И сделали не диво,

А он мнит сработать, чтоб поп то видел живо.

Пришед к его окну, в стекло уставил нос;

Сидел тогда поп бос
Да обувался,

И с ним его жена, сидят они одни.

Детина дивовался:

— Ах, батюшка, грешишь, такие ль ныне дни?
Иль ты вздурился? теперь ебешь.

В которую
Пору?

— Тфу, врак, — поп говорит, — ты окаянный
врещь, —

И с сердцем то вещает,

А тот попа всей силой уличает;
Божится поп ему, что он онучу жмет,

А тот свое поет,
Что будто поп ебет,

И уверяет так: — Как, поп, тебе не стыдно,
Вить мне и сквозь стекло, а все то ясно видно:
Твой хуй и с ним муде

У попадьи в пизде.

Попу то стало уж обидно.

Онучей ногу он скорее стал вертеть,

А сам кряхтеть.

И стал ворчать, как кошка:

— Вздурился свет, ты знать,

Или ослеп немножко,

Пошел прочь от окошка

И перестань, свет, врать. —

Детина в избуходит

И в ярости попа находит.

Поп поднял порошок

И изо всех кишок

Детину уверяет

И укоряет,

А хахаль, не боясь, да то же повторяет,

Что видел точно он, как поп в жену пырял.

Смутился бедный поп, досадою пылает,

Увериться его тот хахаль посыает.

Сговорчив был наш поп, побрел он посмотреть,

А хахаль попадью и вправду зачал есть.

Поп видит не мечту, но въяве как быть должно,

Что хуй прогуливал в пизде ее неложно.

Поп глядь и так

И сяк —

Все видит то же дело:

Детина без порток,

Жены нагое тело, —

Уверился попок,

Приходит в избу смело,

Детину умного тут поп благодарил,

А то стекло дурное

Тотчас разбил

И вставил тут иное.

Крестьянский поп-простак

Подумал, что в стекло ему казалось так.

ПЬЯНАЯ КУПЧИХА

Купецкие жены, подъячихи, портнихи —

Великие статихи,

Великие спесихи,

А пуще что всего, так есться лихи.

Когда случится быть в гостях им у кого,

В убыток не введут хозяина того.

Тогда тут пуще всех чиницы

Купецки молодицы:

Ни капельки винца не пьют во весь обед

И будто бы им в нем и нужды нет;

Хозяйка лишь с вином, а та ей: нет, мой свет,

Мне лучше прикажи стаканчик дать водицы.

Хозяюшка, смекай, поднесь что надо ей,

Хозяйка, не жалей,

Подружке не воды, винца в стакан налей,

Та выпьет вместо квасу,

А после на прикрасу,

Зашед в заход особнячком,

И тянут сиволдай не чаркой — башмачком.

Таким-то образом была одна беседа,

А это завсегда;

У женщины хмельной чужая уж пизда,

Без подубрусики гуляет у соседа.

За рекой

На той беседе был детина щепеткой,

Приметил он одну молодку пьяну,

Пошла та спать в чулан — и он за ней к чулану,

Одну ее он там застал.

Детина без амуру

Ту пьяну дуру,

Подняв подол на пуп, и есть ее он стал.

Приятно пьяной то, она без всей тревоги,

Поднявши кверху ноги,

Сказала лишь: — Кто тут? нет, эдак не шути,
Я от веница своего ни с кем так недоточна,

Дай мужу к нам войти, —
Тот стал хуй вон тащить, не хочет доети,
Но уж у ней в пизде гораздо было сочно,
Ебливая жена не может утерпеть,

Готова умереть,
Да лишь изволь доеть.

Детину слезть с себя та баба не пускает
И, лежучи под ним, задорно подъебаст.

У ней в пизде горит,
Так пьяная тому детине говорит:
— Еби, еби, Ильич, хоть я и подъебаю,
Да я тебя не знаю,
А знаю я того,
Где праздную теперь, в гостях я у кого.

ПОКАЯНИЕ

Попу раз на духу
Покаялся подьячий,
Что еб его сноху.

— Ах, в рот те хуй собачий! —
В сердцах вскричал наш поп. —
Напал ты на кого?

За это б я тебя,
На старость не смотря,
Ошмарил самого.

Да как ты ее еб?

— Того-то и боюсь
И вам сказать не смею:
Уеб ее, винюсь,
Я стоючи за нею.

— Ах, мерзкий человек!
На весь ты проклят век,
Простить тебя нельзя
Простым нам иереям:
Вить в гузно еть стезя
Одним лишь архирем.

— Я, батюшка, во всем
Покаялся в сей час:
Не вижу я одним,
Другой подбили глаз,
А некто мне сказал,
Что в гузно лишь хвачу,
Глаза тем залечу:
Вот в грех я и попал.

— Вот ведь, — сказал наш поп, —
Всего б тебя разъеб
Мошенника в клочки, —
Когда б то было так,
Ебена мать, дурак,
Носил ли б я очки?

СУД У ХУЯ С МУДАМИ

С мудами у хуя великой был раздор,
О преимуществе у них случился спор.

— Почтенья стою я, то всем уже известно,
Равняться вам со мной, муде, совсем невместно.
Муде ответствуют: — Ты очень должно мыслишь,
Когда не в равенстве с собою нас ты числишь.
Скажи, ебать тебе случалось ли хоть раз,
Где б не было притом с тобою вместе нас?

— В вас нужды нет совсем, — хуй дерзко отвечал,
Помеха в ебле вы, — презрительно вскричал.
Муде ответствуют: — Хуй, знай, что то все враки.
Шум, крик и брань пошла, и уж дошло до драки.
Соседка близь жила, что гузном называют.

Увидя, что они друг друга так ругают,

— Постой, постой, — ворчит, — послушайте хоть
слово,

Иль средства нет у вас без драки никакого?

Чтоб ссору прекратить без крика и без бою,
Советую я вам судиться пред пиздою.

Почтенного судью они избрали сами,
Старейшую пизду с предолгими усами,
Котора сорок лет, как есться перестала
И к ебле склонность всю и вкус уж потеряла,
Покрыта вся лежит почтенной сединой.

Завяшчивый сей спор решит ли кто иной?

Поверить можно ей: она не секретарь
И взяток не возьмет, не подляя то тварь,
Пристрастя ни к чему она уж не имеет
И ссоры, разбирать подобные умеет.

Предстали спорщики перед судью с почтеньем,
Хуй начал речь тогда с великим огорченьем:

— Внемли, в слезах стою теперь перед тобой,
Муде премерзкие равняются со мной,
Я в награждение то ль должен получить

За то, что не щадил я крови токи лить?
А чтоб ясней мои услуги показать,
Я, форме следуя, хочу все описать:
В тринадцать лет ети я начал обучаться
И никогда не знал, чтоб мне пизды бояться;
Еб прежде редко с год, потом изо всех сил
Чрез день и всякой день, и как мне случай был;
Усталости не знал, готов был всякой час
И часто в ночь одну ебал по осьми раз.
Уж тридцать лет тому, как я ебу исправно
И лучшим хуем я считаюся издавно.
Не раз изранен был я, пробивая бреши,
Имел хуерыки и потерял полплеши,
Сто шанкеров имел и столько ж бородавок,
В средину попадал пизды я без поправок
И сколько переб, исчислить не могу,
Свидетели во всем соперники: не лгу.
Все выслушав, пизда с прискорбностью сказала
— Я ссоры таковой вовек не ожидала.
Когда я избрана судьею заседать,
Молчите вы теперь, хочу я вам сказать:
Мне обвинить из двух нельзя вас никого,
Один хуй без мудей не значит ничего,
Вам вкупе надлежит вовеки пребывать,
А без того никак не может свет стоять.

РАЗГОВОР ЛЮБОЖОПА С ЛЮБОПИЗДОМ

Л ю б о ж о п

Все чувства роскошью мои напоены,
И мысли ею все в восторг приведены.
Отменным родом я теперь любови таю,
Ни с чем на свете той утехи не сравняю,
Котору я теперь лишь только что вкушал,
И коей весь мой дух исполнен жаром стал.
Скажи любезной друг, как ты об оной мыслишь,
Между каких забав сию утеху числишь?

Л ю б о п и з д

Чтобы без всякой то ошибки угадать,
Мне нечего о том и голову ломать:
Ты сам, уже совсем мне ясно, в том открылся,
Во всех словах почти подробно изъяснился,
Что ёб теперь ты прекрасную пизду,
И в том хоть к самому я рад итти суду,
Что в сей отгадке я ничем не погрешаю;
Утеху я сию сам свято почитаю.

Л ю б о ж о п

Что ёб теперь я, то прямо ты сказал,
Лишь только одного ты тут не угадал:
Я жопой, не пиздой роскошно наслаждался,
Небесной, так сказать, утехой забавлялся,
Да что еще притом не просто я блудил,
Жопеночку ту я как целочку растлил!

Л ю б о п и з д

О, небо! словом сим весь дух мой возмущился.
Какой ты сквернотью, любезной друг,
предъявили!
И в целой бы мой век того не угадал,
Чтобы содомство ты утехой поставлял.

И как тебя привесть то может в восхищенье,
К чему вся в свете тварь имеет отвращенье?
Возьми лишь ты ее в живой себе пример,
Представь себе скотов, народы всяких вер —
Увидишь, что они законом поставляют
И в этом пункте что утехой почитают.
Конечно, естества ты позабыл устав
Иль святости его не почитаешь прав?
Не жопу, но пизду дала нам всем природа
Телесных для забав, для размноженья рода.

Л ю б о ж о п

Сама ж природа та, о коей говоришь
И чей закон ты мне столь свято чтить велишь,
Нас склонностями всех прещедро одарила,
Меж ими разности в нас быть определила.
И потому из нас всяк вкус имеет свой,
В чем, чаю, спорить сам не будешь ты со мной.
Что ж мне другую тварь ты ставишь здесь в
сравненье?

На то тебе тот час скажу опроверженье,
Которо истиной и ты признаешь сам,
Когда представишь, коль мы должны небесам,
Что с бессловесными они нас не равняют
И разностию свойств от нас их отличают:
Они стремлением одним лишь снабжены,
Напротив, разумом мы все просвещены,
И божества в нас знак яснее тем сияет,
Что полной волею оно нас одаряет.

Л ю б о п и з д

Я все то знаю сам и верю я всему,
Ко оправданью что сказал ты своему,
Но можно ль вкус иметь кому твому подобной,
Чтоб заразиться сей так страстию негодной?
Представь себе пизду и прелести ее —

Не восхитится ли все чувство тем твое?
 Она лишь для того на свет и создана,
 Чтоб ей одной любовь была покорена.
 Какой в ней нежный жар, какое услажденье,
 Кто может ее есть и быть не в восхищенье?
 Юпитер для кого — скажи — сходил с небес?
 Пизде лишь должно дать всю силу тех чудес.
 А жопа от кого была когда почтенна?
 Она от всех почти на свете сем презренна,
 И можно ль на нее с приятностью глядеть?
 А особливо как престанешь ее есть,
 То целый на плеши фунт вытащишь говна;
 Как может с жопою пизда быть сравнена!

Любожоп

А я тебе на то тот час в ответ скажу
 И разность главную меж ими покажу:
 Скорее вымыться, чем вылечиться можно,
 Не спорив, в правде сей тебе признаться должно,
 А из сего скажи, не ясно ль то собой,
 Что жопе первенство дать должно пред пиздой,
 Затем, что от нее болезней не бывает,
 А от пизды людей сколь много пропадает,
 Примеры могут нам плачевну доказать,
 Сколь многим суждено от фрянок умирать,
 И потому, что нас всех мене повреждает,
 То больше и любить нас склонность побуждает.
 Говно ж, заебины ль вить вымыть всё одно,
 Лишь только разность та, что пахнет не равно.
 Что ж ты Юпитера в пример мне представляешь
 И первенство пизды чрез то ты защищаешь,
 Так знай, что жопу он не менее почтил:
 Для Ганимеда он равно с небес сходил.
 А те все прелести, ты кой вычисляешь
 И их к одной пизде толь смело причитаешь,
 Равно и в жопе я их все те ж нахожу

И не красневши то пред светом всем скажу,
Что жопу я пизде всегда предпочитаю,
Утеху оную ни с чем я не сравняю,
Пускай меня за то кто хочет, тот бранит,
Но мысли сей во мне ничем не истребит,
И я хвалимую достойно мною жопу
Не променяю, верь, на целую Европу.

Любопизд

Твой странен вкус совсем, и с ним, я чаю, ввек
Не будет ни один согласен человек,
Но с тем о всем мне в том тебе признаться должно,
Что спорить о любви и вкусе невозможно.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ ВАКХАНКА

Ахти, ау, где нейду,
Ахти, ау, не найду,
Не найду, что ищу,
Только плачу и грущу,
И грущу, не знав на что,
Сокрушаюсь ни за что,
Ни за что себя гублю,
Бесполезно, ах! люблю.
Что люблю, то многи знают
И себя тем забавляют,
Ах, играют, веселятся,
Мне ж за что того лишаться,
Без забав все в скуке жить?
Я не знаю, как мне быть.
Быть ли век мне без приметы
В самы полны мои леты
Иль мне век жить без утех,
Нет, забавлюсь я при всех.
Ахти, ах, ах, где я? ух!
Ах, как радуется дух!
Ах, дражайши мой пастух,
Ты встревожил весь мой дух.
Ах, как муж с женой лежит,
Плотно сжавшись и дрожит,
Так дрожали мои жилы,
Как еблась я из всей силы,
Лишь теперь-то я узнала,
Отчего пизда дрожала,
Когда целкой я слыла;
Фуй, как дрожь в пизде была,
Коль я делала глупенька,
Быв ети давать скупенька,
А как больно уеблась,

Я слезами облилась.
Плача, с радостью скажу:
Всяк проси: не откажу.
Подъеби меня боярин,
Еби турок и татарин,
Еби повар и дворецкой,
Всякой русской и немецкой,
Еби нищий и чернец,
И старик, и молодец,
Поп, кузнец, портной, сапожник,
Золотарь, решник, суконщик,
Фабрикант, солдат, купец,
Мот, картежник и скупец,
Дурак, умной, еби вор,
Всяк вались ко мне на двор,
Да не делайте в том спору,
Еби всякой без разбору.
Лекарь, мельник и десяцкой,
Слесарь, мужик и посацкой,
Целовальник и чумак,
И фабришной и бурлак,
Трубочист, профос, погонщик,
И подъячей, и извощик,
Вся военная пехота
И морскова всего флота,
Петиметры, волокиты,
Как волной морской прибиты,
Все мечитесь к пизде,
Я сыщу уж вас всзде.
Да не думайте, глупцы,
Бестолковые купцы,
Будто мне один из вас
Мил живет на всякой час.
Так как глупенькой Федот
Прост, несвязен, слеп как скот,
Кой отдав мне екипаш

Свой к услугам, и как наш
 Рабски служит предо мной,
 Как слуга был вечно мой,
 Тем стараясь быть мне мил,
 Всякой час о том твердил.
 Я весьма тем веселюсь,
 Что браню, так не боюсь,
 Да ебусь во весь размах
 Днем, с свечею и впотьмах,
 Без разбору, с кем хотя,
 Руки, ноги обхватя,
 К пизде плотно прижимаю
 И резвенько педъебаю.
 Пиздя счастье уж вся трещит,
 Секель стонет и пищит,
 Пена клубом с пизды бьет,
 Как драгун меня ебет,
 Подымаясь из всей силы;
 Ах, дрожат мои все жилы!
 Докучает мне Максим,
 Чтоб еблась я только с ним,
 А других велит мне бросить,
 Каждый день о том он просит
 Как же скучно от вранья,
 Фуй, и глуп он как свинья.
 Да другой какой-то Вася,
 Приступя ко мне вчерася,
 Говорит, что он пленен
 Мной смертельно и влюблен
 Беспредельно весь в меня,
 И, колена приклоня,
 Клялся мне своей любовью
 И писал своей то кровью.
 Фуй, как глупы они в том,
 Что болтают о пустом.
 Лишь один нашелся бравой,

Кой рассудок имел здравой,
Хоть и был мной обнадежен,
Но стал вдруг в том неприлежен
И ети просить не стал,
Презирать уж меня стал.
Я шутя об нем сказала,
А он думал, отказалася;
Но однако тем он мил,
Что мне мысли подтвердил:
Он сказал на мой ответ,
Что у блядок любви нет,
Я не знаю про любовь,
Разъебаюсь часто в кровь,
Я не знаю, что за верность,
Я не знаю, что за ревность,
Только знаю, что ебусь,
Никого в том не стыжусь.
Одно то мне очень жалко:
Сколько лет еблась я жарко
И еблась весьма приятно,
Но совсем мне не понятно,
Что ебуся завсегда
Не рожаю никогда.
Бахус, днесь мой глас **внемли**,
Пока здесь я, на земли,
В сладострастии глубоком,
Воззри милостивым оком:
Тебе службу приношу,
Не презри, о чем прошу:
Ниспошли свои щедроты,
Больше мне прибавь охоты,
Чтоб еблась я всякой час,
Тебе во славу,
А мне в забаву,
Утверди мой днешний глас.

Переведено с арабского

НЕУДАЧНЫЙ ОТКАЗ

Красна девушка в окошко,
 Отворив его немножко,
 Оголяет щелупину,
 Дразнит секелем детину,
 Подымает праву ножку,
 Вылупает щель на ложку
 И кричит еще в досаде,
 Что пизда ее в наряде
 Ходит ныне уж ходою,
 Что потешилась елдою.
 «Ты, дружок, хоть рассердися,
 А с тобою я етися
 Не намерена уж боле:
 Расставайся поневоле».
 А того не примечает,
 Что другой к ней подступает
 С добрым хуем и с мудами.
 Он, ярясь, скрыпит зубами,
 Поднимает ей задницу,
 Простирает в щель десницу,
 В жопу плешью поражает,
 На муде ее сажает
 И вплотную подвигает.
 На хую млада зевает;
 Хоть етись она не хочет,
 А уж с хуя не соскочет,
 Как он жопу ей отлячил,
 И в то время как пендрячил,
 Снизу новой поспешает
 И ступеней не щитает.
 Оголяет он елдину,
 Залупает щелупину.
 С двух концов младой по хую
 Где б найти ей ету сбую?

Если б девушка молчала
И в окошко не кричала,
День пёкойно б окончала,
На хуях бы не торчала,
А теперь, хоть ты сердися,
А на двух хуях вертися.

ЦЕЛКА

Хоть узка, хоть широка,
 Хоть плоска, хоть глубока,
 Хоть пушиста, хоть гола,
 Хоть велика, хоть мала,
 Студена или тепленька,
 Хоть суха или мокренька,
 Только имя ей пизда,
 Всем на свете сем узда.
 Я теперь лишь оголяю,
 Всех на свете я взнудаю,
 Буду править всеми я,
 Веселись, пизда моя!
 Заплету я хую холку,
 Сяду так, как в одноколку,
 Поскачу, млада, в тот край,
 Где любой хуй выбирай.
 Он пизду мою направит,
 Ширины ее прибавит,
 Мне не страшен будет слон,
 Станет еть меня хоть он.
 А теперь еще боюся,
 С длинным хуем не сражуся,
 Понадеяться нельзя,
 Потому что целка я.
 Слабосильна во упорах,
 А хуй ходит вить во шпорах,
 Естли он не сбережется,
 То карман мой раздерется.
 Совесть хуева тут рьяна,
 А пизда вить не сметана,
 Хоть всегда ту ешь — молчит,
 А пизда заверещит,
 Все проходы как заткнутся,
 Вить недолго захлебнуться;

Что ж в том прибыли найдешь,
Если на хую умрешь?
Лучше есться с тем, кой впору,
Расчеперя свою нору,
Я усочки подотру,
Если хуй мне по нутру.
Поеби меня, красавец,
Сунь хуек ты в мой поставец,
Он тепленек и хорош,
Твой хуек к нему ухож.
Я высоко вознеслася,
Сладко-сладко наеблася.
Полно муки мне терпеть,
Стану всем давать я есть.

Все безумные красотки,
Если бегаете потки —
Нет на свете ничего,
Слаще хуя моего.

СИМВОЛ ВЕРЫ ВАНЮШКИ ДАНИЛЫЧА

-- В раю кто хочет быть
И здесь подоле жить,
Ко мне тот прибегай,
Послушай и внимай,

Чему Данилыч нас вседневно поучает,
Великим словом всех насильно уверяет,
Развратный в чем его рассудок и раскол
И веры состоит неслыханной символ.

Усердьем он горит,
Всечасно говорит,
Что тот, конечно, рай,
Своих желаньев край
Получит, насладится,
Сие кем сотворится.

Спасенья тот не чай,
Кто пьет без вотки чай,
Оршат иль лимонат,
Винн-шо и шеколат;
Того ж кто кофей пьёт,
Гром до смерти убьёт.

Детей своих крестит кто прямо не по сонцу,
Иль блядке за труды даёт кто по червонцу,
Кто мясо ест в посты и в среду, и в пяток,
На судне какает и плюет кто в платок,

Кто волосы растит,
Кобылу кто растлит,
Стрижет себе усы
И трескает колбасы,
Кем кофей также пьётся,

Тот громом ушибётся;
Тот также порудит,
Всю веру остыдит,
Кто ходит в башмаках
В штанах, а не в портках.

Иль ставши пить вина, кто чарки не одует
И знаменьем креста три раз не образует;
Иль дёхтем кто своих не мажет сапогов,
Иль верует в попов, которы без усов.

Кто нюхает табак,
Не ходит на кабак,
По-старчески елдак
Кто дрочит в свой кулак,
Кто чистит дёсны, зубы,
Кусает нохти, губы;

Велика стоит зла,
В попах кто зрит козла,
А в жирной попадье
Подобие ладье.

Иль скверны также ест кто птичия печенья,
Жаркую впросырь часть, с петрушкою коренья,
Кто во щи не кладет для вкусу чесноку,
Еписковску не чтит кто святостью клюку.

Кто трескает цыплят,
Телятину, ягнят,
Зайчину, голубей,
Суп, соусы, желей
Иль сыр гнилой с червями —
Тому сидеть с чертями.

Немецкую кто сласть,
 Сквернейшей естыи часть,
 К себе приемлет в рот
 Проклятый цукер брот,
 И скоромом свое кто брюхо набивает,
 Аливки, сельдерей, салат употребляет
 И песей скверный гриб, назвавши шампиньён,
 Безбожно трескает кто каперцы, бульён,
 Миногов и сельдей,
 И устриц и угрей,
 Отродья что змеи
 И кушанье чертей,
 Аввакум возвещает,
 Под клятвой запрещает.

 Кто севши за обед
 Засвищет, запоет,
 Политику ведет,
 При людях не блюет,
 Иль святостью кто сей мерзит, пренебрегает,
 Что есть ли в ризах поп сопит, пердит, рыгаст,
 И также для своих кто собственных орудий
 Сажает вместе есть с собою из посуд
 Юстицкого сверчка,
 Приказного крючка.
 Солдата, рифмача,
 Холопа, палача,
 Содомскую площицу,
 Танцовщицу девицу;

 Не носит кто креста,
 Не держит кто поста,
 Иль держит, да не так,
 Держать надлежит как;

 Не пьёт кто, например, вина по красауле
 Во славу Божию, чтоб усидеть на стуле,

Не ест гороху, щей и киселя, кулаги,
Корчаги по две в день, не пьет кто пива, браги;

В урыльник сцыт,
Во сне храпит, пердит,
В избе поет, свистит,
Ебет, сапит, пыхтит,
Мудами толку ищет,
Притом поносным дришет;
Под тем земля горит,
Кто с немкой блуд творит,
А смертный грех велик,
Кто носит хуерык.

Иль паче кто с женой неладно пребывает,
Не правилом ее пехает.
Высоко, например, кто ноги подымает
Иль стоя позади, иль сидя уебает,
Иль презря весь закон
От многих забобон
Пристрюня в афедрон
Её ошмарит он.
Такому любодею
Вертеть дырой своею.

Кто кроме череды,
Не чтя пятка, среды,
Во всякий день грешит.
В пизде рассол сушит;

А паче же притом кто гузно подтирает
Бумагою себе и рук не обмывает,
Бумаги за столом сидев не шевелит,
А сидя на говне молитву сотворит;

При лишнем при бревне,
Поповой при родне,
Купецкой при жене
Кто молвит о говне,
По-новому крестится,
За Никона божится;

Немецкий кто обряд
И демонский наряд,
Не ходит без брызгей
И носит кто тупей

Иль бороду себе как иноверный бреет,
Цифирью мерзкою щитать кто разумеет,
Иль ересь полюбя, французским языком,
Смердящи яко пес, боярина мусьём.

Гудок зовет капель,
Боярышню — мамзель,
Боярыню — мадам,
Красавицу — шарман,
Дворянчика кадетом,
Служителя валетом;

Кто, Бога не боясь
И в харю нарядясь,
Влеча себя во ад,
Поедет в маскерад,

И в демонском себя присообщая лике,
Кто ходит на театр, играет на музыке,
По-новому одет, кто прыгает балет,
Танцует менует и смотрит кто в ларнет;

Анафимска душа,
Кто скакет антраша,
И все те плесуны,
Спустив с себя штаны
На хую у сатаны
Вскричат «трах таланы»?

Кто ересь полюбя
И веру погубя
Нечистой силы сын,
Наперсник сатанин,
Ефрема Сирина писанья не читает,
Читая же его, кто слез не проливает,
Юродивым притом не хочет в свете быть,
Феодоритов бред за истину не чтить;

Не любит толокно,
Сам-друг глядит в окно,
Не парится с женою,
Купается весною,
Не вправивши рукою,
Стучит в пизду елдою;

Не верует кто снам,
Колдовкам, колдунам,
Что леший есть в лесах,
Кикиморы в домах,
Что ночью мертвецы выходят из могилы,
Что к носу и щекам приставить можно килы,
Волками что людей возможно превратить,
Навстречу что попу не должно выходить;

Что соль просыпается,
Петух прокрикнется,
Что курица вспоет,
Что кошка заскребет,
Великой тут напасти,
Бед должно ожидать и страсти,
Коль идет попизон,
Навстречу фармазон,
Ты очи вверх взведешь
И навзничь не падешь.

Иль знаешься, иль пьешь, иль ешь ты с
 армянином,
 С калвином, лютером, а паче с жидовином;
 Анофрей говорит о двух тех головах:
 Седые быть хотят, кто ходит в париках,
 Хоть стар будь или млад,
 Тот прямо пойдет в ад,
 У черта на битке,
 Как будто на коньке,
 Там будет век сидеть
 И плакать, и реветь.

Кто сей болтает бред,
 Что весь вертится свет,
 Что чалмы, калпаки,
 Что бриты елдаки;
 Подняться естли вверх — увидишь, как вертятся,
 Поэтому муде анофренски трудятся,
 Туда-сюда оне трезвонят и летят,
 С блаженною биткой вокруг света же спешат

О, вымысл дерзновенны,
 Псом-немцем учреждены,
 Тебе всем светом
 На хую быть надетом
 И ветреной вертушкой
 Быть дьявольской игрушкой.

Прямая тот свинья,
 Кто так же как Илья —
 Гремит на небесах,
 Стучит на колесах;
 Вить не было того у предков на примете,
 Чтоб цуком лошадей кто ездил на карете;
 А паче кто сию нелепость говорит,
 Что будто бы Илья на небе гром творит,

Но в тучах будто пар
Рождает гром-удар,
Сего еретика
Июдина битка
Ударит и ошмарит,
Как огнь его ожарит.

Кто к девке подойдёт,
Потреплет, обоймёт
Затеи и фигуры,
Кто строит с ней амуры;

А в пьянстве не ворчит, душою не костится.
Проспаться на грязи с свинью не ложится,
Притом от спеси песнь священну не орет,
О вере ревностно гортани не дерет;

Масонов не клянёт,
Пророчества не врет,
Что скоро свет минет,
Разрушится, падёт,
Антихрист воцарится
И Страшный суд явится,
Что муки будут нам
Во аде по грехам,
Что серы и смолы
Там полны есть котлы,

В которых будут нас жечь лютыми огнями
И жарить, и варить, травить в говне червями,
Иного околеть поставят на мороз,
Другого провонять зароют под навоз;

Там плач будет глазам,
Скрежетанье зубам.
Не верит кто сему,
Часть горькая тому,
Во вск веков веками
Трясти ему мудами!

Беседу окончал,
Данилыч замолчал,
На небеса взглянул,
Претяжко вздохнул,
Рыгнув честным вином врачебными устами,
Брадой пошевелил, тряхнул три раз мудами.
— О, братие! — Он рек. — Настал поганый век,
Во всем уже себе несходен человек,
Аввакума уж нет,
Всяк Никоном живет,
Всяк скверный стал немчин,
Всяк лютер и калвин,
Покрыт весь свст грехами,
Не сдергут хуй ремнями.

ЕБИХУД
ГЕРОИЧЕСКАЯ, КОМИЧЕСКАЯ
И ЕБЛИВОТРАГИЧЕСКАЯ
ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Е б и х у д, владетельный князь.
М у д о р в а н, брат его, также владетель.
Х у е с т а н, наперсник Ебихудов.
П и з д о к р а с а, княжна, невеста Мудорванова.
Х у е л ю б а, ее наперсница.
В е с т н и к.
В о и н ы.

Действие в доме князя Ебихуда

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Е б и х у д и Х у е с т а н.

Е б и х у д

Познай днесь, Хуестан, смятения вину:
Я только лишь было взобрался на княжну,
Как вдруг проклятый хуй стал мягок так, как лыко.

Х у е с т а н

Великий государь, несчастье то велико,
Однако же совсем надежды не теряй
И на свою битку ты верно уповай;
Чего не смог теперь, то впредь исполнить можно,
И в Пиздокрасу хуй впендрячишь ты неложно.

Е б и х у д

О день, несчастный день, о прежестокий рок!
Не в силах я княжне в пизду пролить поток;

Я тщетно на красы дражайшие взираю
 И Пиздокрасину шентю воображаю —
 Хуишка скверный мой висит, как колбаса,
 И не прельщает, ах! ничья его краса.
 Представь, любезный друг, сколь горько мне
 терпеть

И сколь несносно хуй сей пакостный имети!
 Я братне разметал все воинство как прах,
 А хуй мой, как кишка, лежит в моих штанах.
 На то ли брата я столь победить старался,
 Чтоб плод моих побед непроебен остался?
 И для того ль княжну я от него достал,
 Чтоб хуй мой на ее пизденочку не встал?
 Я тщетно заставлял княжну его дрочити —
 Не мог в нее, увы, не мог никак всучити.
 Однако ж я его попробовать хочу,
 Авосьлибо, я свой проклятый хуй вздрочу,
 Введи сюда княжну!

Хуестан уходит

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Е б и х у д
 (один)

Теперь я постараюсь,
 Хоть слабо на битку свою я полагаюсь.
 О мать ебливых дел, владычица земли,
 Венера, ты теперь мольбу мою внемли!
 Когда поможешь мне уеть княжну как должно,
 Я тысячу хуев, собачьих неотложно
 На всесожжение во храм твой принесу,
 Лишь в Пиздокрасу дай мне впрягать колбасу,
 Сего лишь одного я от тебя желаю
 И в покровительство тебе свой хуй вручаю.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Е б и х у д и П и з д о к р а с а .

П и з д о к р а с а

Почто ты звать меня опять к себе велел?
Иль мало над пиздой мою ты потел?

Е б и х у д

Виновным пред тобой себя я признаю,
Но слабости такой я впредь не уповаю
И больше на битку надеюся теперь;
А ты пизду свою, пожалуй, расщеперь.

П и з д о к р а с а

Я путь к пизде открыть всегда тебе готова,
Но, ах! не начинай меня ты мучить снова.
Когда проеть меня ты не имеешь сил,
Почто моей пизды ты брата днесь лишил?
Отдай меня ему, я Мудорваном стражду,
Биткою утолит в пизде моей он жажду;
Он еть здоров, елдак всегда его стоит,
И сразу он в меня до муд свой хуй всадит.

Е б и х у д

Кого ты дерзкая, воспоминать дерзаешь?
Или что мне он враг, ты то позабываешь?
Конечно, Мудорван еще тобой любим
И, видно, елдаком прельстил тебя своим,
Однако сей любви терпети я не стану
И тотчас еть его велю я Хуестану.

П и з д о к р а с а

Что слышу я, увы, погибнет Мудорван,
Без милости в него хуй влящит Хуестан!

Когда к нему твоя жестокость столь сурова,
 На Хуестанов шмат сама я сесть готова,
 И лучше на его елде мне умереть,
 Как мертвa пред собой возлюбленного зреТЬ.

Е б и х у д

Не бойсь, княжна, не бойсь, я столь супров не буду
 И с братом ближнего родства не позабудут.
 Когда в сражении он в плен ко мне попал,
 Я жизнь его всегда священной почитал
 И воевал я с ним лишь за тебя едину.
 Позволь же мне теперь влупить в тебя шматину;
 Позволь, дражайшая, чтобы в твою пизду,
 Коль буду щастлив я, ввалил свою елду.
 В надежде сей теперь тебя я оставляю
 И с трепетом тебя я на хуй ожидаю.

(*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П и з д о к р а с а
 (*одна*)

На то ль судьба меня с пиздой произвела,
 Чтоб Ебихуду я ети ее дала
 И плешь его в своей пизде чтоб закалила?
 Я девство для тебя, о Мудорван, хранила,
 Готовила пизду тебе я на елдак,
 Надеяся найти в твоей шматине смак;
 С нетерпеливостью я воли ожидала,
 Дни щастья своего минутами считала,
 Как пальцем ты в моей махоне ковырял
 И в ярости свой хуй мне в руку ты давал;
 Мне мнится зреТЬ еще, как я его держала

И как пизда моя с задору вся дрожала,
Мокрехонька она, заслюнившись, была,
И чуть было тогда я тут не насцала,
Но князь, приметивши в моей махоне влажность,
Урыльник подал мне, считая то за важность;
Чрез то политику свою он мне подал
И, что он знает жить на свете, показал.
А ныне все свое я щастье потеряла,
И нет уже в руках возлюбленного скала!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пиздокраса и Хуелюба.

Хуелюба

Какую скорбь, княжна, являет мне твой взор,
Иль чувствуешь в щенте жестокий ты задор,
Иль Ебихудов хуй тебе не полюбился,
Когда любовный огнь в тебе не утолился, —
Иль в ебле он тебе еще явился слаб?

Пиздокраса

Хоть князь он по уму, но по хую он раб.
Печали моя причина есть сугуба;
Внимай ее, внимай, драгая Хуелюба!
Лишь только я легла со князем на кровать
И думала под ним задор свой утолять,
Уж ноги я ему просторно разложила
И в губы плешь его, послинившись, вложила,
Готовилась ему проворно подъебать,
Но пакостный не мог хуишкя его встать.
Я тщетно много раз дроchить его старалась
И тщетно я к мудам поближе подвигалась,
Казала я ему, раскрыв, свою пизду,
Но не могла ничем взманить его елду.

И видя, что под ним без пользы я лежала,
 Я сбросила его с себя и убежала.
 Вот горесть вся моя; представь же ты себе,
 Когда б сия беда случилася тебе,
 Могла ль бы ты ее снести великодушно?
 Без добрыя битки век жить на свете скучно,
 А я, лишась теперь драгого своего,
 Лишилась вместе с ним и елдака его.
 Любезный Мудорван в оковах пребывает,
 А без него меня задор одолевает.
 Когда б он был со мной, он огнь бы уголил
 И вплоть бы по муде свой хуй в меня влупил.

Х у е л ю б а

Достойно плачешь ты, достойно ты стенаешь,
 По полюбовнике ты слезы проливаешь;
 Он стоит, ах! сего, я знаю его плешь,
 Мне хуй его знаком, он толст, велик и свеж,
 Достойны суть муде его златого века,
 И в ебле нет ему подобна человека.
 Когда б ты под него попалася хоть раз,
 Он раскорякой бы пустил тебя тотчас,
 Пизденку бы твою, как шапку, он расправил
 И раз пятнадцать бы он в ночь тебя ошмарил.
 Заебин бы в тебе с ведро он наплевал
 И ложе брачное все кровью измарал.
 Тогда-то в ебле сласть подробно б ты узнала
 И милому дружку со вкусом подъебала.

П и з д о к р а с а

Почто любовь к нему ты тщишься умножать?
 Почто елдак драгой теперь воспоминать?
 Дай волю в храмине мне слезы лить спокойно;
 Иду об милом в ней восплакать я достойно.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мудорван

(один, в цепях)

Вот для ради чего елдак я свой дрошил,
Почто я хуй в княжну, о небо, не всучил?
Без ебли зрю себя в том доме, где родился,
Где Пиздокрасу есть в спокойствии я льстился.
А ты еще, битка, бесслабно все стоишь
И тщетною себя надеждою манишь.
Хоть Пиздокрасы я лишен уж невозвратно,
Воспоминание шенти ес приятно.
Дражайшая пизда, о милый секелёк!
Свирепый Ебихуд, почто ты столь жесток!
Не царствуешь ты здесь, а еблю переводишь,
Прежесточайших ты кастратов превосходишь;
Подобно лютый лев на сене как лежит
И оно брать на корм с свирепостью претит,
.Так точно ты, лишив меня княжны любезнай,
Не пользуешься сам пиздой сей бесполезнай.
Но что я говорю! Ее прелестный зрак,
Я чаю, возбудил давно его елдак.
О мысль жестокая, ты чувств меня лишаешь,
Коль проебеную княжну мне представляешь.
Дражайшую пизду я для того ль хранил,
Чтоб Ебихуд в нее свой вялый ствол всадил?
И для того ль тогда пиздой я сей прельщался,
Не ебши чтоб ее, навек я с ней расстался?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мудорван и Пиздокраса.

Пиздокраса

(вбежав)

Еще ль любезнога я вижу своего?

Мудорван

Тебя ли зрю, предмет задору моего?

Пиздокраса

Я страсть ебливию, но вредну мне и люту
Послышиала в пизде в нещастную минуту.
Я тщилася к тебе всей силой на елдак,
Битки твоей меня пленил приятный зрак,
Но вымысел судьба ебливиый предварила
И Ебихуду нас обоих покорила.
Однако же не мни, чтоб с ним я уеблась;
Пускай навеки я погибну в сей же час,
Когда надеждой я хоть малой ему льстила
И естли хуй его в пизду к себе впустила.

Мудорван

Коль целка ты еще, так я спокоен стал;
Пускай недаром мой елдак всегда стоял,
Но, ах! уеть тебя надежды я лишаюсь
И тщетно я твоей махонею прельщаюсь.

Пиздокраса

Надежда есть еще, когда стоит елдак!
Пускай в отчаянны смущается дурак,
А ты, коль еть меня по-прежнему желаешь,
Почто дражайшие минуты упускаешь?
Стоит ли твой рычаг, готов ли ты к сему?
А я тотчас тебе и ноги подниму.
Спеши и проебай, и вытащив хуй славной,
Тем докажи теперь, что ты ебешь исправно.

Ложатся друг на друга. В самое то время входит Ебихуд с воинами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ебихуд Мудорван Пиздокраса воины.

Ебихуд

О небо, что я зрю! они ебутся здесь!

Пиздокраса
(вскочив)

Дражайший Мудорван, кто нам поможет днесь?

Ебихуд
(Мудорвану)

Погибни ты, злодей, когда ты столько дерзок!
Пускай навеки я княжне пребуду мерзок,
Но ебарю сему, конечно, отомщу,
А хуй в княжну всучить никак не допущу.

(Воинам)

В темницу, воины, отсель его ведите
И Хуестану свой елдак дроchить велите;
Пусть примет казнь сию, пускай погибнет он
И на хуй пускай последний спустит стон.

Мудорван

Я хуестанову шматину презираю
И на елдак его без ужасу взираю.
Я, может быть, и сам ему тем отплачу,
Как хуем в афедрон своим его хвачу.

Воины его уводят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ебихуд и Пиздокраса.

Пиздокраса
(стоя на коленях)

Великий государь, смягчи ты свою ярость
 И к брату своему почувствуй ныне жалость,
 Иль дружбы вашей днесъ забвены уж плоды?
 Вы из единыя с ним вылезли пизды.
 Прости его вину, или ты чтишь за важно,
 Что сделал он в пизде моей немнога влажно?
 Он мог ли тем тебя столь много прогневить,
 Что плешь в мою шентю хотел он завалить?
 Ты сам проеть меня уж сил не ощущаешь,
 Пото ж за еблю ты столь строго отмщеваешь?

Ебихуд

Тебя я проебу, а Мудорван умрет,
 И зрит в последний раз уже он дневный свет.
 Поди отселе вон и кликни Хуестана.

Пиздокраса уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ебихуд
(один)

Пусть будет и родство, и дружба мной попрана,
 Я брата на хую умрети осудил
 И ближнего родства я в нем не пощадил.
 Вот до чего пизда теперь меня доводит,
 И дружбу, и родство в забвение приводит,
 Единой ярости своей внимаю я;

Пришла, о Мудорван, последня часть твоя,
Елдак уже вздрочен, готовь свою ты жопу...
Пусть варварством я сим и удивлю Европу,
Все скажут, что затем я брата умертвил,
Что мне княжну проеть не доставало сил.
Что нужды до того? Я в нем злодея вижу
И страшную его шматину ненавижу.
Он рано ль, поздно ли княжне сычуг прорвет,
А после и меня он, может, уебет.
Елдак его княжне всегда будет прелестен.
Но вот и Хуестан.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Е б и х у д и Хуестан.

Е б и х у д

Уже ли ты известен
Об ебле?

Хуестан

Государь, известен я о всем.

Е б и х у д

Что ж думаешь о сем нещастии моем?

Хуестан

Когда перед тобой виновен брат явился
И дерзостно уеть княжну он покусился,
Так смертью надлежит тебе его казнить,
А я готов в него свою шматину вбить.

Е б и х у д

Ты знаешь, Хуестан, что мы одной с ним **крови**

Хуестан

Когда дерзнул он стать против твоей любови,
 Он изверг есть пизды и должен умереть,
 И токмо прикажи, я брошусь его еть.
 Задришет он тотчас, как я в него попячу,
 И высунет язык, как вплоть я запендрячу.

Ебихуд

Но как явлюся я пред светом в сей вине?
 С младенчества всегда он друг считался мне,
 Ебали вместе мы, доколе вместе жили,
 До тех пор, покамест нас порознь разлучили.
 Довольно уж и тем я зла ему нанес,
 Что Пиздокрасу я из рук его увез.
 И боги, знать, меня за это наказали,
 Что слабость в мой елдак безвременно послали.

Хуестан

Не будь, о государь, в рассудке столько слаб!
 Послушайся меня, хотя я твой и раб.
 Что к проебению ты сил своих лишился,
 То было оттого, что брата ты страшился,
 Но как скоро на смерть его ты осудишь,
 То тотчас и в княжну битку свою засадишь.

Ебихуд

Всегда ты, Хуестан, мне верен быть являлся,
 Всегда я на твои советы полагался,
 Последую и в сем я слову твоему
 И смерть определю я брату своему

Уходята.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Е б и х у д и П и з д о к р а с а .

П и з д о к р а с а

Что в том, что брата ты злой смертью поражаешь?
Ты оттого меня не лучше проебаешь.
По-прежнему твой хуй без действия висит,
Но Мудорванова на небо кровь гласит.
Сколь много подъебать тебе я ни старалась,
Но тою ж целкою с тобою я рассталась!

Е б и х у д

Уети чтоб тебя, желаньем я горю
И заблуждение свое я ясно зрю,
Что Хуестанову последовал совету.
Но брату моему спасения уж нету.
А Хуестана я за злобу накажу
И на слоновый хуй живого посажу.
Но ты, дражайшая, возьми елдак мой в руку,
Авось-либо мою теперь окончишь муку.

П и з д о к р а с а

Ты Хуестану казнь за злой совет сулишь,
Но брата своего ты тем не оживишь.
Он смерть уже вкусили, а я осталась целкой;
Трудись хоть целый день ты над моей щелкой —
Напрасно будет все, елдак я не вздрочу
И больше баловать его я не хочу.

Е б и х у д

Что ж делать я начну, скажи, княжна драгая,
Когда не действует теперь моя уж свая?

Пиздокраса

Коль хочешь есть меня, так брата ты спаси.

Ебихуд

Забудь о нем, княжна, и больше не проси!
Старайся ты теперь взманить мою шматину,
Я есть хочу тебя на свете лишь едину;
А вестник как сюда во храмину войдет —
О смерти братиной известье принесет.

Вестник входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и вестник.

Пиздокраса

Что вижу я, увы...

(Падает.)

Ебихуд

Ах, брата я лишился!

Вестник

Княжна, опомнися, подол твой залупился.

Пиздокраса
(встает, в отчаяньи)

Кого лишилась я и чей погиб елдак!
Дражайших муд его навек сокрылся зрак!
Любезный Мудорван, тебя я, ах! лишилась,
И тщетно на хую сидеть твоем я льстилась.
Сей варвар Ебихуд окончил жизнь твою,

Но тщетно будет он дрочить елду свою;
Я злости сей его вовеки не забуду
И хуй его отнюдь в руках держать не буду.
Не льстися тем, тиран, чтоб ты в мою пизду
Прокислую свою всандрячить мог елду
Когда я чрез тебя с любезным разлучаюсь,
Свою пред тобой рукою я скончаюсь.
Смотри...

(Хочет заколоться.)

Вестник
(вырывая кинжал)

Постой, княжна, постой и не спеши,
Успеешь быть еще у черта на плеши.
Внемли мои слова: твой Мудорван любезный
Живет и дрочит хуй; отри потоки слезны!

Пиздокраса

Не льстишь ли, ах! ты мне, елдой его маня?

Еб и худ

О небо, оживи сим щастием меня!
Вещай, о верный раб, скажи нам все подробно.

Вестник

Мне храбрость княжью всю изъяснить неудобно,
Скажу лишь только то: в темнице князь сидел,
Однако он на смерть без робости глядел,
Которую ему мы все приготовляли
И точно твой приказ жестокий исполняли.
Елдак уж Хуестан ужасный свой вздрочил
И к жопе княжеской близенько присучил;
Мы, князя наклоня, все в страхе пребывали
И Хуестановой шматине трепетали,

Как вдруг престрашный хуй князь вынул из штанов.
 Мы хуя такова не зрели у слонов!
 На воинов он с ним внезапно нападает
 И в нос и в рыло их нещадно поражает.
 Подобно как орел бессильных гонит птиц,
 Иль в ясный день, когда мы бьем своих площиц,
 Так точно воинов он разогнал отважно
 И, хуй имея свой в руках, вешал нам важно:
 «Хотя меня мой брат на казнь и осудил,
 Но он неправедно в сем деле поступил;
 А сделал он сие пронырством Хуестана.
 Так должно наказать теперь сего тирана!»
 Мы слушали его, не зная, что сказать,
 Не смели мы ему от страху отвечать;
 Один лишь Хуестан дерзнул пред ним яриться,
 И с князем дерзостно схватился он браниться,
 Однако же рукой держался за штаны
 И помоши себе просил у сатаны.
 Тут вонью воздух весь в темнице наполнялся,
 И знатно Хуестан от страха обдристался.
 Но твой прехрабрый брат, презревши вонь сию
 И приподняв рукой шматинищу свою,
 Ударил ею в лоб злодея Хуестана
 И на землю поверг елдой тирана.
 Потом поднял его и на хуй посадил
 И по муде в него елдак свой вкотил.
 В говне хоть от него он весь и замарался,
 Однако же наш князь сего не ужасался;
 Держал он в нем елду престрашную свою
 До тех пор, как он жизнь окончил на хую.
 Вот что о князе я донесть теперь дерзаю
 И мужество его достойно выхваляю.

Е б и х у д

О день, щастливый день! но где ж теперь мой брат,
 Скажи скорее мне.

Вестник

Теперь пошел он в сад,
Он тамо на пруде старается обмыться,
Ведь пакостно ему в говне пред вас явиться.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же, Хуелюба и Мудорван.

Хуелюба

Княжна, се твой жених и цел его елдак.

Пиздокраса
(бросаясь к Мудорвану)

Воистину ль я зрю, возлюбленный, твой зрак?

Мудорван

Я жив, дражайшая, я жив и торжествую
И должен жизнью я сему большому хую.

Ебихуд
(к Мудорвану)

Когда уже то так, что ты остался жив,
Так будь, любезный брат, навеки ты щастлив;
Я Пиздокрасину щентю тебе вручаю
И есть ее ни в пост, ни в праздник не мешаю.
Лишь только ты в нее послюнивши клади
И толстою биткой пизды не повреди.
А обо мне прошу при первом помнить взводе.

М у д о р в а н
(обнимая его)

Теперь, любезный брат, ты отдал долг природе!
А я елдой княжну потщуся пощадить,
Чтоб частой еблею ее не надсадить.

П и з д о к р а с а

Любезный Мудорван, откинь ты страх сей вздорной!
Конечно, не ебал ты женщины задорной.
Во весь я хуй тебе позволю себя есть,
Для друга милого я рада все стерпеть,
Да я притом еще скажу тебе не ложно,
Что кашу маслом ввек испортить невозможно.

Конец драмы

ОДА ПРИАПУ

Ебать девять парнасских шлюх,
Ебать любовника Дафны,
Чей вялый хуй не поднимется,
Пока его не вздрочат.
Только тебя зову я на помощь,
Тебя, коий посреди пизд красным хуем
Бросаешь густые пузыри заебин,
Приап! поддержи мой дух
И на миг в мои жилы
Вдохни жар твоих муд.

Пусть все встает, пусть все пылает,
Спешите, бляди и блядуны.
Что я вижу? где я? о сладкий восторг!
На небесах нет такого прекрасного предмета.
Муде, тugo округлившиеся,
Ляжки, крепкие и задранные,
Полки вставших хуев,
Круглые зады, без волосков и пятен,
Пизды, титьки и секеля,
Орошенные током заебин.

Останьтесь, восхитительные картины,
Останьтесь навеки перед моим взором,
Будьте предметом моих жертвоприношений,
Моими законодателями и моими божествами.
Пусть Приапу воздвигнут храм,
Где день и ночь вас будут созерцать
По воле могучих ебак;
Заебины будут там служить приношениями,
Волосы с мудей — гирляндами,
Хуй — жрецами.

Орлы, киты, верблюды,
 Насекомые, животные, люди, все
 На небесах, под водой, на земле,
 Все возвещает нам, что ебется.
 Заебины падают, как град,
 Все разумное и лишенное разума смешиивается.
 Пизды встречают хуи, истекая.
 Пизда есть путь к счастию,
 В пизде заложена вся радость,
 Вне пизды нет благополучия.

Пусть я беден, как церковная мышь,
 Но пока мои муде горячи,
 И пока завивается волосок на заду,
 Мне нет дела до остального.
 Великие мира заблуждаются,
 Если полагают, что их пышность
 Может вызвать во мне зависть;
 Поднимайте великий шум, живите роскошно,
 Когда я вставляю и когда кончаю,
 Получаю ли я меньшее наслаждения, чем вы?

Пусть вам льстят золото и почести,
 Жадные глупцы, тщеславные завоеватели.
 Да здравствуют услады мудей,
 И ебать богатства и чины!
 Ахилл на берегах Скамандра
 Рубит, уничтожает, все обращает в прах,
 Кругом огонь, кровь, ужас;
 Появляется пизда — проходит ли он мимо?
 Нет, я вижу, вздымается ствол,
 И герой превращается в ебаку.

Предание изобилует ебаками:
 Солнце ебет Левкофею,
 Кинир ебет свою дочь,

Бык ебет Пасифаю,
Пигмалион ебет статую,
Доблестный Иксион ебет облако,
Только заебины текут,
Прекрасный Нарцисс, бледный и потускневший,
Сгорая желанием выебать себя,
Умирает, пытаясь вставить себе в зад.

Сократ, скажете вы, этот мудрец,
В котором почитают божественный дух,
Сократ изрыгал ярость и проклятия
На женский пол,
Но при всем том добный проповедник
Ебался не меньше других;
Давайте лучше усвоим его уроки,
Он убеждает нас против женщин,
Но без задницы Алкивиада
Он не презирал бы пизд так сильно.

Но взглянем на этого доблестного киника,
Оборванца, поставленного наравне с собаками,
Бросающего горькие насмешки
В бороды афинян.
Ничто не волнует его, ничто не удивляет,
Молния сверкает, Юпитер мечет гром,
Его хуй не поднимается,
Его надменная плешь
В конце своего короткого поприща
Извергается в небеса.

В то время как Юпитер на Олимпе
Пронзает зады, вваливается в пизды,
Нептун в глубине моря лезет туда же
Нимфам, Сиренам и Тритонам;
Пылкий ебарь Прозерпины,
Кажется, вместил в своих мудах

Все пламя ада.
Друзья, станем играть те же фарсы
И ебаться; пока пизды шлюх
Не выебут наши души наизнанку.

Тисифона, Алекто, Мегера,
Если у вас еще ебутся,
Вы, Парки, Харон и Цербер,
Все попробуете моего хуя.
Но поскольку из-за варварской судьбы
За Тенаром уже не встает,
Я хочу спускаться туда, ебясь,
Там самым большим моим мучением, без
сомнения,
Будет видеть, как ебется Плутон,
И не мочь делать то же самое.

Удвой же твои удары,
Судьба, сильно выебанная и исполненная
строгости,
Только обычным душам
Ты можешь причинить несчастье,
Но не моей, которую ничто не пугает,
Которая тверже хуя кармелита;
Я смеюсь над прошедшими и настоящими
бедами,
Пусть мной ужасаются, пусть меня презирают,
Какое мне дело? мой хуй со мной;
Он встает, я ебу, и этого довольно.

Содержание

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ

Галина К

Автопортрет	5
Ручеек высох — реченька полна	6
Очень я любила говорок блатной	7
В защиту рождаемости	8
Я отдалась тогда унынию	9
За колхозной бaney	10
В поле у мсжи	11
Доцент	12
В кабаке	13
В апрельское ненастье	14
Игра с огнем — мужское дело	15
Лунная рапсодия	16
Противоречие	17
Зависть	18
Послесловие	19
Граф Загулин. <i>Поэма</i>	20

Виктор Яковченко

Половая любовь на полу	48
Сладкая смерть	49
Одной красотке	50
«Я потерял невинность в бардаке...»	51
«Живот Данай...»	52
Монолог современной «девственницы»	53
Сказка о разбойнице — пизде...	54
Мы — не грешны	56
Всю ночь казнил себя я в думах	57
Примерная жена	59
Целинное	60
Когда уходит женщина	61
«Ты меня никогда не любила...»	62
«С каким любовным трепетом...»	63
«У Наталии гениталии...»	64
Гладиолусы	65
Самогончик: кап, кап	66
Признание женщины	67
Песенка	68

Анафема пизде	69
Ах, раздвинь-ка, друг мой, ножки	70
Рассказ пенсионера	71
Гримасы	72
Убивец или первая ночь. (<i>Поэма</i>)	73
Дальнобойщики. (<i>Поэма</i>)	79
Дунька Кулакова. <i>Современная буколика</i>	87
Частушки	96
 Владимир Ефимов	
Пиздец большой и пиздец маленький	102
Голосистая задница	103
Веселое сношение	105
Песенка об адъютантике	106
Мухи и старухи	107
Бардак у поджопника Пети	108
Монсеньор Пердачини	109
Дядя и Марфутка	110
Дядя с блядью	111
Абракадабра	113
Дядя и девочки	115
«Вот это да...»	116
«До чего любовь могучая...»	117
«Мошно я чихнул...»	118
«Подымаю я рясу...»	119
«Сосу ириску...»	120
Нехорошей женщине	121
Вечер воспоминаний	122
Реклама для аптеки	123
Собака — мудака	124
В постели у бляди	125
Я встретил девочку	126
Хустень ..	127
Хи-хи у блохи	128
Шишка, мышка и пышка	129
Я и дамочка в доме на полянечке	130
Прелестная пани	131
Жопочная лирическая	133
Целка Тоня	135
Панталонные макароны	137
Крошка кузина	139
«Если тебя ебут...»	140
«Постойте, девочки...»	141

Девочки не целочки	142
Задроченный	144
ПАРОДИИ	
<i>Шура Никшуп.</i> Евгений Онегин	147
Евгений Онегин	160
Сцена в одном действии	180
<i>Владимир Ефимов.</i> Горе от ума	185
<i>Э. А. Абаза, М. Н. Лонгинов, Д. В. Мещериннов.</i> Еще «Руслан и Людмила»	189
КЛАССИКИ	
<i>Максимиан Этрусский.</i> Элегия	241
<i>И. С. Тургенев.</i> Поп	247
<i>Н. А. Некрасов.</i> «Мы посетив тебя, Дружинин...»	260
<i>И. С. Тургенев.</i> Разговор.	261
<i>Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев.</i> Послание к Лонгинову.	262
<i>А.В. Дружинин и Н. А. Некрасов.</i> Песнь Васиньке	265
<i>Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев.</i> Ответ Лонгинова Тургеневу	267
<i>А. В. Дружинин</i>	
Парголовские идyllии	269
Послание княгине Бутер	270
Подражание Данту	271
Ал. Дм. Г.Щ.Н. в элегическом расположении духа	272
<i>М. Н. Лонгинов</i>	
Бордельный мальчик. (<i>Поэма</i>)	274
Свадьба поэта	280
<i>А. П. Шувалов.</i> Орфей. (<i>Баллада</i>)	287
<i>Авторы неизвестны</i>	
Плутовка Надя. (<i>Поэма</i>)	290
Гувернантка	296
<i>Иван Барков</i>	
Пизде	308
Хую	315
На проебение целки хуем славного ёбаки	320
Плач пизды	325
«Ты хуй мой разъярила...»	328

«Ярость молодца берет...»	330
«К тому ль я твоим, к тому ль хуем пленилась...»	331
«Пиздьи губы, тубы толстые...»	333
«Пресильным я огнем...»	334
«То не шум шумит...»	335
«Поповна, поповна, помни меня...»	336
«Лишь в Глухове узнали...»	337
«Ай, ау, ахти, хти!..»	339
«Как со славного со стрелки кабака...»	341
«Ай, ау, ахти, хти!..»	342
«Кабы знала я да ведала млада...»	343
«До пятнадцати еще лет...»	344
Подъяческая жена и поп	345
Госпожа и парикмахер	347
Монахини	356
Гарнизонный солдат и немец	358
Попадья и три её хахаля	360
Пьяная купчиха	364
Покаяние	366
Суд хуя с мудами	367
Разговор любожопа с любопиздом	369
Торжествующая вакханка	373
Неудачный отказ	377
Целка	379
Символ веры Ванюшки Данилыча	381
Ебихуд. Героическая, комическая и ебливотрагическая драма в трёх действиях	390
<i>А. Пирон. Ода Приапу</i>	408

**А 21 Я невинность потерял в борделе. Составитель
Т В Ахметова. — М.: «Колокол-пресс», 1998. — 416 с.
ISBN 5-7117-0206-8**

Эта книга доставит вам множество веселых минут. Вы на-
хочечтесь над озорными фривольными строками великих рус-
ских поэтов, над остроумными игривыми стихами наших со-
временников.

**УДК 882
ББК 84 (Рос-Рус) 6-44**

Я НЕВИННОСТЬ ПОТЕРЯЛ В БОРДЕЛЕ

**Составитель
Ахметова Татьяна Васильевна**

Редактор *A. Сергеев*
Художественный редактор *B. Голубев*
Технический редактор *E. Крылова*
Корректор *C. Топорова*

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040020 от 6.07.91 г

Сдано в набор 11.10.97. Подписано в печать 17.11.97
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 2. Печать высокая
Гарнитура типа «Таймс».
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 16 000. Заказ № 4947

Издательство «Колокол-пресс»:
113184, Москва, ул. Пятницкая, д. 52, стр. 1

ГИПП «Зауралье»,
г. Курган, ул. К. Маркса, 106